

2 РУССКАЯ РЕЧЬ 1982

МАРТ

Научно-популярный журнал Института русского языка Академии наук СССР • Основан в 1967 году • Выходит 6 раз в год • Издательство «Наука» • Москва

АПРЕЛЬ

В номере:

Киеву — 1500 лет

Беседа с академиком Б. А. Рыбаковым	3
Л. П. Жуковская. Письменность в древнейшем Киеве	12

ЯЗЫК ПРОИЗВЕДЕНИЙ В. И. ЛЕНИНА

Е. Л. Лилеева. Уникальный источник словаря языка В. И. Ленина	20
П. Н. Денисов. «Апрельские тезисы»: слово и кон- текст	27
В. П. Даниленко. Термины в трудах В. И. Ленина	32
Л. И. Житенева. Метафора в газетной публицистике В. И. Ленина	39

ПРОПАГАНДИСТЫ ЛЕНИНСКОЙ ШКОЛЫ

Н. Н. Кохтев. Александра Михайловна Коллонтай	44
---	----

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

<i>К 170-летию со дня рождения</i>	
Н. П. Руднева. Новаторство А. И. Герцена	50
Ю. А. Бельчиков. О диалогах у Глеба Успенского	57
<i>Литературная страница</i>	
<i>К 100-летию К. И. Чуковского</i>	
«Рыцарь русского языка»	62

К 60-ЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ СССР

С. Ш. Шермухамедов. Русский язык изучают мил- лионы учащихся	69
---	----

КУЛЬТУРА РЕЧИ

Г. И. Герасимов. Оранжево-красный или красно- оранжевый?	78
Н. Н. Василькова. «Ваша пляночка на болваночке»	83

ЧИТАТЕЛЮ О ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Ю. Т. Долин. Есть такие предлоги 87

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЯЗЫКОВЕДЫ

Николай Иванович Ильминский (1822—1891) . . . 90
Василий Алексеевич Богородицкий (1857—1941) . . . 95
Евдокия Трофимовна Черкасова (1902—1976) . . . 99

СРЕДИ КНИГ

Ф. Н. Филин. Истоки и судьбы русского литературного
языка 102
З. А. Потиха. Строение русского слова 105
А. А. Брагина. Лексика языка и культура страны . . 107

РУССКИЙ ЯЗЫК В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Н. Ю. Меркулов. Афганцы изучают русский язык 109

ЯЗЫК И ОБРАЗЫ ФОЛЬКЛОРА

В. Н. Вакуров. Вейся, вейся, капуста моя . . . 115

РУССКИЕ ГОВОРЫ

Т. В. Горячева. Времена года. Весна-красна . . 120

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ

Л. И. Балахонова. Щи да каша 126
Е. П. Ходакова. Золотой — златой 132
О. И. Смирнова. Изящный генерал 139
В. М. Мокиенко. Заморить червячка 145
Ж. Ж. Варбот. Заваруха, завороха, завируха . . 151
Т. Л. Беркович. Мисюрка и ерихонка 154

В. А. Никонов. Из словаря русских фамилий . . 158

ХРОНИКА 76, 113

Кроссворд 157

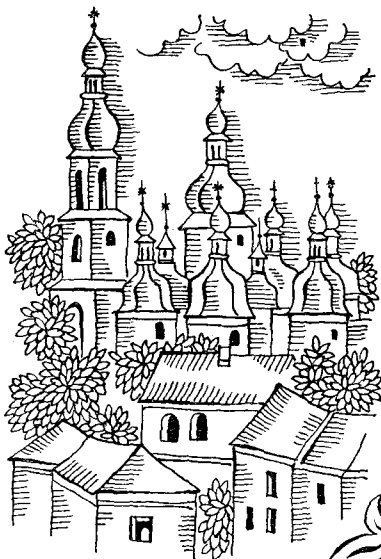
На обложке: Рисунок В. Леонова

КИЕВУ-1500 лет

На каких исторических датах, памятных событиях основывается предстоящий юбилей Киева? Какие научные обоснования, разыскания служат доказательством того, что почти полтора тысячелетия назад Киев существовал как определенный центр славянских земель?

На эти вопросы мы попросили ответить известного советского археолога и историка академика

Б. А. Рыбакова.



Беседа с академиком Б. А. Рыбаковым

— Празднование юбилеев древних русских городов стало хорошей традицией в нашей стране — вспомним 800-летие Москвы, 1100-летие Великого Новгорода и Смоленска. Но 1500-летие города отмечается впервые. Расскажите, пожалуйста, Борис Александрович, что это за рубеж в истории Киева?

— Киев — первый город Руси. Его еще в древности называли: «мать городов русских». Основан он на рубеже V—VI веков.

В конце XX века исполняется примерно полторы тысячи лет существования Киева как исторического центра.

Поселение на месте Киева существовало очень давно, еще в первые века нашей эры. Здесь велся широкий торг, сюда приезжали купцы из Римской империи, славяне из соседних племен, а может быть, и соседи славян. Здесь найдено большое количество ранних римских монет.

Первая русская запись об основании Киева была сделана в одной из самых древних летописей задолго до Нестора. К сожалению, она только передает содержание древней легенды без каких бы то ни было хронологических примет. Легенда эта широко известна. Она повествует о трех братьях: Кие, Щеке и Хориве... Каждый из трех братьев построил отдельный городок на днепровских высотах и дал ему свое имя. Поэтому и горы, на которых возникли городки, назывались: Киева гора, Щековица и Хоривица. А речка Лыбедь будто бы получила название по имени их сестры.

Обратимся к летописи:

«И быша 3 брѣтя: единому имя — Кий, а другому Щек, а третьему Хорив, и сестра их Лыбедь. Седяше Кий на горе, где же ныне увоз Боричев, а Щек седяше на горе, где же ныне зовется Щековица. И створиша град во имя брата своего старейшаго, и нарекоша имя ему — Киев. Бяше около града лес и бор велик, и бяху ловяща зверь, бяху мужи мудри и смыслени, нарицахуся поляне, от них же есть поляне во Киеве и до сего дне» (Повесть временных лет. М. — Л., 1950).

Вопрос состоит в том, насколько верна эта легенда и отражает ли она какой-то исторический факт. А если отражает, то к какому времени его можно отнести.

Посмотрите на карту Восточной Европы. Киевские высоты запирали обширные бассейны таких рек, как Днепр, Десна, Сож, Березина, Тетерев... Полноводнейшая река Припять разливалась иногда так, что ее считали гигантским озером. И все это огромное водное пространство замыкалось у подножия днепровских высот. Историческая роль киевских высот в V—VI веках становится еще более понятной, в свете тех общеславянских событий, которые разыгрались в этот период. Не останавливаясь на них подробно, скажем только о том грандиозном потоке славянских племен, который хлынул в 530-е годы из славянских земель на Балканский полуостров, в пределы Византийской империи. В результате этого передвижения образова-

лась новая группа славян — южные славяне (болгары, сербы, хорваты, словене и др.). Другая огромная волна переселенцев, лесных жителей, устремилась на юг, к степным черноземным просторам Восточной Европы. Их путь лежал по Днепру и его притокам к Киеву. Все восточнославянские племена: древляне, дреговичи, полочане, кривичи, родимичи, северяне, — неизбежно должны были пройти мимо старого торгового места у высоких берегов Днепра. Славянские князья племени полян получали в руки могучее средство управления потоком колонистов, с которых можно было брать дань и пополнять войнами полянские дружины. Тот, кто владел киевскими высотами, мог распоряжаться судьбой славянских племен. В это время город на днепровских высотах начинает формироваться как некий исторический центр.

Разумеется, он еще не был тем городом, каким представляется нам классический средневековый город — с кремлем и посадом, с торговыми площадями, соборами, оборонительными укреплениями и т. д. Такого Киева в VI веке не было. Но это не умаляет его значения как важной топографической точки.

— Борис Александрович, из сказанного ясно, что город на днепровских высотах возник в силу тех исторических и географических условий, которые существовали в V—VI веках и предопределили важную роль Киева как центра приднепровского славянства. Теперь, очевидно, мы сможем выявить хронологические вехи возникновения самой легенды. Как известно, русское летописание началось в Киеве, и основы его были заложены уже в первой половине XI века. Значит, в эпической форме легенда появилась раньше?

— Легенда, очевидно, возникла как устное сказание вслед за построением города. В русской летописи она записана уже на первых ее страницах.

Но в XI веке появились противники этой легенды.

Молодой Новгород боролся за свою самостоятельность, хотел отделиться от Киева, и в результате этого политического соперничества у новгородцев возникла своя историческая концепция, утверждавшая, что начало русской государственности — это Новгород. Новгородцы поставили под сомнение легенду о Кие как о первом русском князе и основателе города Киева. Они говорили о том, что Кий

был не князем, а всего лишь перевозчиком через Днепр: «...яко Кий есть перевозник был, у Киева бо бяше перевоз тогда с сноя стороны Днепра, темь глаголаху: на перевоз на Киев».

Этим новгородским построениям возражал уже в самом начале XII века крупнейший русский историк Нестор, который представил историю славян как настоящий ученый, а не просто регистратор событий. Он хотел показать судьбу Русской земли и свое сочинение озаглавил так:

«Повесть временных лет, откуда есть пошла Русская земля, кто в Киеве нача первеє княжити и како Русская земля стала есть».

Нестор отверг новгородскую конценцию о Кие — перевозчике через Днепр, — и произвел дополнительные разыскания, изучив современный ему исторический фольклор. Летописец использовал, очевидно, эпос, поскольку он пишет «яко же скажутъ...», где *скажутъ* означает сказителей, повествующих в эпических песнях о том, что Кий был князем Полянской земли и был известен Византийскому императору: «Ини же, не сведуще, рекоша, яко Кий есть перевозник был... Аще бо бы перевозник Кий, то не бы ходил Царюгороду; но се Кий княжаше в роде своемъ, приходившу ему ко царю; якоже скажутъ, яко велику честь приял от царя».

Добросовестность историка не позволила Нестору придумать имя императора, он признается, что в сказании говорится о нем, но имени его «не свемы» (т. е. «мы не знаем»).

Однако это загадочное имя мы можем узнать, сделав некоторые выводы из последующего рассказа Нестора. Он сообщает, что Кий был приглашен в Константинополь с тем, чтобы получить от цесаря в управление область в самых низовьях Дуная, где «възлюби место и сруби градок мал», который и доныне зовется «городище Киевецъ». Он должен был охранять этот город и его окрестности от кочевников. Потом Кий вернулся в Киев и «ту живот (т. е. жизнь) свой сконьча».

Такая ситуация, когда византийский император приглашал к себе на службу славянского князя, выделял обширную область и поручал ему ее охранять, существовала уже в начале VI века. Приглашение славянских князей с их дружинами на византийскую службу особенно

широко практиковалось императором Юстинианом (527—565 гг.). Однако знаменитый Юстиниан не мог быть неизвестен Нестору. Скорее всего, это был кто-то из предшественников Юстиниана, например Анастасий Дикор (491—518 гг.). Это предположение выглядит тем более убедительно, что монеты времени императора Анастасия найдены в древней части Киева, на Замковой горе. Бесценные сведения Нестора прояснили многое. Теперь легендарный Кий приобретает реальные черты крупной исторической фигуры. Это славянский князь Среднего Поднепровья, родоначальник династии киевских князей, он известен самому императору Византии, был приглашен в Константинополь как союзник, которому была поручена охрана границы империи в низовьях Дуная. И события, о которых идет речь, происходили примерно в конце V — начале VI века.

Мы уже получили отправную точку для определения времени появления этой легенды. Эта давняя хронологическая точка подтверждается совершенно неожиданным и интересным материалом, который извлек из армянской истории академик Н. Я. Марр.

Большой знаток армянской литературы, Н. Я. Марр обратил внимание на то, что в одном из разделов «Истории Армении» помещена легенда о том, что три брата: Куар, Мелтей и Хореан, — построили себе города и назвали их своими именами. По прошествии же времени они посоветовались между собой и поднялись на гору Каркея, нашли там прекрасное место, где был простор для охоты и прохлада, а также обилие травы и деревьев, построили там селение и поставили двух идолов.

В русской легенде Кий княжит в земле Полян, а в армянской записи — Хореан в стране Палуни. Н. Я. Марр совершенно правильно определил единство этих легенд. В Армению в VIII веке попало сказание об основании города Киева. Армянам оно было непонятно и сразу же приобрело мифологическую окраску. Но для нас эта находка чрезвычайно важна.

— Каким же путем в Армению в VIII веке попадает эта легенда?

— В 737 году арабский полководец Мирван перешел Кавказский хребет и завоевал целый ряд хазарских земель; пленил 20 тысяч славянских семейств и поселил их в За-

кавказье, по соседству с армянами. Очевидно, через славянских пленников и попала киевская легенда в армянский эпос. Армянская запись легенды говорит нам о том, что эпическое сказание о Кие сложилось до середины VIII века.

— Значит, Борис Александрович, дата основания Киева хронологически отодвигается в глубь веков, перечеркивая 854 год, указанный в Новгородской летописи?

— Да, событие произошло до VIII века, поэтому наше предположение (V—VI век) приобретает более твердые обоснования.

— А о чем говорят археологические материалы?

— Попробуем сопоставить легенду о трех братьях-строителях города с реальной топографией киевских высот. Не вдаваясь в подробности этого вопроса, напомним читателям, что под киевскими высотами разумеются четыре горы. Самая высокая из них — Андреевская, или Старокиевская, а по летописной терминологии — просто Гора. Три другие, вытянутые в одну линию, назывались так: Замковая гора (или Киселевка, по имени Адама Киселя, киевского воеводы), Щековица и Лысая (или Хоревница). Между этими четырьмя горами исследователи и распределили «грады» трех героев летописной легенды.

Не оспаривая единодушного мнения исследователей о том, что нынешний Киев построен на Андреевской (Старокиевской) горе, сделаем необходимое уточнение: крепость на Андреевской горе была не первичным, а вторичным местом пребывания князя Кия.

— Поясните, пожалуйста, Борис Александрович, эту мысль.

— На рубеже V—VI веков происходит интереснейшее событие...

Кий тогда жил, по-видимому, на небольшом плоскогорье у подножия Старокиевской горы, на так называемой Замковой горе.

Подножие Замковой горы омывала речка Киянка, название которой дано явно по имени Кия. «Киевские» ворота открывали путь на Замковую гору. Обычно ворота, как и дороги, именуются по названию того пункта, к которому

они ведут. Таким образом, «Киевские» ворота открывали путь на «Киеву гору». Нет сомнения в том, что «Киева гора», на которой, согласно летописи, «сидел» Кий, — Замковая. Здесь и находилась первая резиденция князя, которую мы с уверенностью можем считать первоначальным Киевом (именно здесь найдены и монеты времени императора Анастасия).

Так было до определенного исторического момента, который мы обозначим рубежом между V и VI веками.

События V—VI веков, перекроившие карту Европы, делали этот период времени чрезвычайно беспокойным. Очевидно, из стратегических соображений киевский князь решил сменить место своего пребывания. На самой высокой, Старокиевской горе он строит новую крепость, которая господствует над всеми старыми поселениями.

С вершины этой горы хорошо обозримы и устье Десны, и побережье Днепра, и далекий Вышгород. На расстоянии 20 километров можно было заметить, как в верховье Днепра появляются какие-то ладьи. Новая крепость представляла собой необычайно удобный стратегический пункт.

Перенос крепости на Гору явился большим событием в истории славянства. Это свидетельствует об изменении положения самого города: крепость на киевских высотах становится центром зарождающейся государственности. С этого момента и начинается историческое развитие Киева.

Археологические раскопки 1908—1910 годов на этой горе подтвердили следы небольшой крепости конца V—VII веков, которую справедливо сопоставляют с «градком» времен Кия. Эта крепость позже стала центром древнего Киева, там была построена Десятинная церковь, в подвалах которой хранились различные трофеи, вывезенные князем Владимиром из Византии.

В упомянутой армянской легенде говорится о том, что в крепости на Горе были поставлены два идола. Статуй богов археологи не нашли, но зато именно в городке Кия на Андреевской горе киевский археолог В. В. Хвойко раскопал в 1908 году два языческих жертвенника. Кому они были посвящены — неизвестно, но по времени вполне могут быть отнесены к VI веку.

Различные древние украшения конца V — начала VI века встречаются и на Старокиевской горе, и на Замковой.

Археологическим материалам, количество которых непрерывно возрастает благодаря усилиям украинских ученых, и принадлежит решающее слово в подтверждении даты основания Киева.

— Борис Александрович! Все сказанное убедительно опровергает существовавшее мнение о том, что Киев основан в середине IX века. Но почему все-таки в Новгородской летописи указана дата — 854 год?

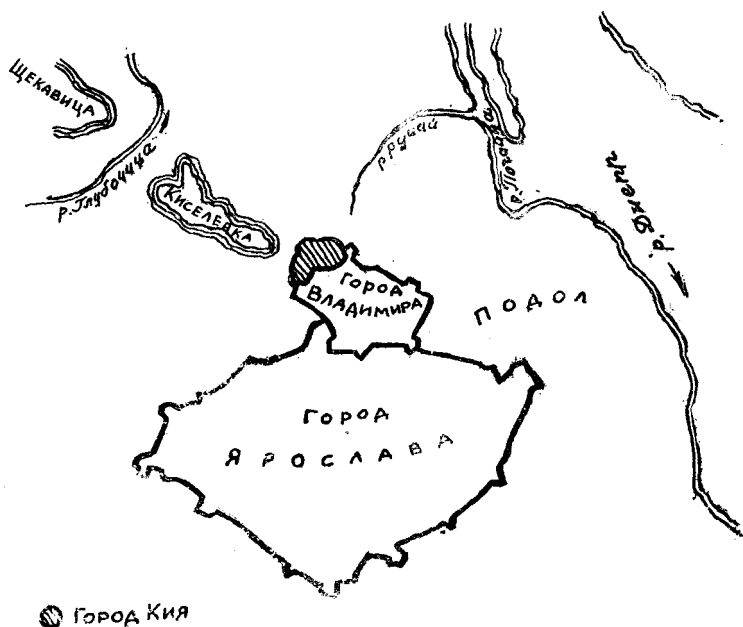
— Это связано с той самой новгородской теорией возникновения Русской земли, которая утверждала, что у истоков русской государственности стоял Новгород.

Труд Нестора — «Повесть временных лет» (около 1113 г.) — дошел до нас, как показал академик А. А. Шахматов, не в первоначальном виде, а в переработанном, сильно искаженном. В 1116 году «Повесть» была отредактирована Сильвестром по приказанию Владимира Мономаха, а в 1118 году — новгородским князем Мстиславом, старшим сыном Владимира Мономаха. Была изменена актуальная часть труда Нестора, которая касалась последних лет, но это понятно: летопись переходила от одного князя к другому и должна была отражать интересы и идеологию последнего. Но была переработана и вводная часть, где рассказывалось о возникновении Русской земли.

А. А. Шахматов предполагал, что эту работу по редактированию проводил сам Мстислав, и это подкрепляется многими данными. Сын русского князя и английской королевы, женатый на шведке, двадцать лет княживший в Новгороде, Мстислав вполне мог переделать вводную часть летописи в северном и даже проваряжском духе: разукрасить легенду о призвании на Русь варягов, представить Новгород как основу русской государственности. Наконец, давняя легенда о Кие, очевидно, была перенесена от реальных событий V века (выявленных только теперь современной исторической наукой на основе многих фактов) к IX веку, который для человека XII века, безусловно, представлялся глубокой древностью. А дата 854 год, очевидно, послужила той вехой, которая указывала на время до удачного похода киевского князя Святослава на Византию.

Эти хронологические «уточнения» в летописи послужили одной из причин появления теории норманизма: будто

бы к возникновению древнего русского государства имели отношение варяги. На самом деле историческая роль Киева началась за 300 лет до варягов, тогда же появилось и само слово *Русь*.



В короткой беседе трудно ответить на все вопросы более подробно. К предстоящему юбилею Киева мною написана книга «Киевская Русь»; надеюсь, что там читатели «Русской речи» найдут более подробные ответы на вопросы, волнующие всех нас.

Беседу вела И. Б. Еськова

Рисунок В. Леонова





Киев — первый город древней Руси, первая столица Древнерусского государства, «мать городов русских». Взгляните на карту древнего Киева. На ней город представлен в своем историческом развитии: с начальных лет его существования до времени расцвета в XI—XII веках. Древний «город Ярослава», великого князя киевского (правил в 1019—1054 гг.); вверх по течению Днепра на Андреевской горе — «город Владимира», князя Владимира Святославича (правил в Киеве в 980—1015 гг.). Рядом с ним, к северу, расположена крепость первого киевского князя — легендарного Кия, именем которого почти 1500 лет назад и был назван город. Но самая первая резиденция Кия находилась северо-западнее этой крепости, на горе Киселевке, или Замковой горе.

Трудами многих ученых доказано, что крепость на киевских высотах существовала уже на рубеже V—VI веков, а к концу первого тысячелетия город представлял собой крупный торговый центр, в котором было построено восемь рынков, огромное количество церквей (во время большого пожара 1017 года сгорело около 700 церквей!), а значит, существовало и множество книг, обслуживавших

нужды церкви. Вполне возможно, что были и другие книги, но время не пощадило их. Не дошли из древнего Киева и берестяные грамоты, для сохранения которых в течение тысячелетия нужны были или постоянная большая влажность почвы, или, наоборот, постоянная крайняя сухость.

Не сохранилось письменных памятников от времени, предшествовавшего официальному крещению Руси (988 г.), нет ни «владимировых книг», ни «ярославовых», хотя на карте древнего Киева ясно видно, как расширялся город, а вместе с его ростом должно было увеличиваться и количество церквей, и, естественно, число книг, по крайней мере, из числа необходимых для богослужения.

Только от второй половины XI века дошли до нас великолепные рукописные книги — Остромирово евангелие 1056—1057 годов, Изборник Святослава 1073 года и более скромная по размерам и оформлению книга — Изборник 1076 года. Вероятно, из числа сохранившихся книг ранее была написана лишь кириллическая часть Реймского евангелия, которое было вывезено во Францию (в Париж или в древнюю столицу — Реймс) дочерью киевского князя Ярослава Мудрого — Анной Ярославной, ставшей королевой Франции.

От конца XI века дошли Архангельское евангелие 1092 года, вероятно, киевского происхождения, и многочисленные новгородские минеи. Но большинство древнерусских книг этого времени сохранилось только во фрагментах. Несмотря на это, изучая проблему древнейшей письменности, попробуем проникнуть в глубь веков.

Первые славянские книги представляли собой переводы с греческого языка на старославянский, близкий всем славянам. Ведь недаром византийские историки свидетельствуют, что в 970 году, когда русское войско сражалось с византийцами, имея союзниками болгар, венгров и печенегов, русские выстраивались вместе с болгарами, как говорившие на одном языке (см. об этом: Левченко М. В. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956).

Когда же могли появиться первые славянские книги в Киеве? Очевидно, в 70-е годы IX века, так как в середине IX века христианство было уже относительно широко распространено на Руси. Об этом свидетельствует послание византийского патриарха Фотия, организовавшего славянскую миссию создателей славянской азбуки Константина (Кирилла) и Мефодия в 963 году. Фотий писал как о совершившемся факте крещения «той Руси, которая нападала

на Константинополь в 860 году» (Левченко М. В. Там же). Источники свидетельствуют, что в 944 году многие приближенные князя Игоря были христианами. Начало принятию христианства княжеской верхушкой положила княгиня Ольга — псковитянка по месту рождения (жена Игоря и мать Святослава). Около 955 года Ольга посетила Византию, где приняла крещение, причем ее крестным отцом был сам император. Официальное принятие Русью христианства в 988 году явилось важным прогрессивным этапом в укреплении связей Древнерусского государства со всеми христианскими странами и в первую очередь с самой передовой из них — Византией.

Это послужило толчком к развитию древнерусской культуры в сферах образования, литературы, истории, архитектуры, живописи, музыкального искусства...

Слово *древнерусский* вообще не толкуется в современных словарях русского языка, а это позволяет думать, что *древнерусский* прямо соотносится со словом *русский*. Между тем в применении к древнерусскому языку, письменности, вообще культуре и даже государству это прилагательное означает в равной степени общие для всех трех восточнославянских народов — русского, украинского и белорусского — язык, культуру, государственность и т. п. Единое древнерусское государство постепенно перестало существовать под напором золотоордынских захватчиков, с одной стороны, и польско-литовского государства — с другой. Но древнерусский язык, как всякий язык, развивающийся значительно более медленно, чем смены государственных объединений и даже формаций, продолжал существовать как общий восточнославянский (разумеется, с некоторыми диалектными отличиями) еще два-три столетия. Так, одни ученые образование отдельных братских восточнославянских языков относят к XIV веку, другие (как и мы) — к XI—XVI векам. Но для нашей темы конечный этап существования древнерусской письменности значения не имеет. Здесь *древнерусский* — безусловно *древнекиевский*.

Есть основания утверждать, что в древнем Киеве издавна были люди, знавшие греческий язык. Знание греческого языка необходимо было купцам, воинам и другим группам населения Киева. До изобретения Константином (в монашестве — Кириллом) специального славянского письма — глаголицы — и до перевода, сделанного им совместно с братом Мефодием, а также их учениками и последователями, первых богослужебных книг с греческого

языка на славянский славяне (в их числе древние русы) использовали так называемое «неустроенное» греческое письмо для передачи слов своего языка. Это были буквы, обозначающие сходные по звучанию звуки. Через кириллицу они перешли и в современный русский алфавит. Использование греческих букв для письма в древности называют в науке «неустроенной кириллицей». Это письмо не имело закрепленных традиций определенных начертаний для передачи специфических славянских звуков речи, например шипящих и *ц*, носовых звуков (в древнерусском языке эти звуки были утрачены очень рано), очень кратких — «редуцированных» *ъ* и *ь*, не было букв, образованных из сочетаний с *j*, то есть наших — *я*, *ю*.

Таким образом, представители грамотного древнерусского населения в первые века существования Киева и до середины IX века могли пользоваться греческой письменностью и греческими книгами. Но писать по-славянски они могли, только используя греческую азбуку «без устройства». О таком письме оставил свидетельство болгарский монах Черноризец Храбр (жил в конце IX—начале X в.).

*

Возможно, что как образец «неустроенного» письма следует квалифицировать известную Гнездовскую надпись *горуу?а* на глиняном горшке, найденном в селе Гнездове под Смоленском. Эту надпись разные ученые читали по-разному, а именно: *горуухща*, *горууща*, *горуунща*, *горуушна*, *горуунья*, *Горуух пса* (т. е. *Горуух писал*). Один из последних ее исследователей болгарский ученый Иордан Еленский пришел к заключению: «Мы еще очень далеки от удовлетворительной расшифровки. Все предложенные чтения не удовлетворяют по разным причинам: одни противоречат фонетическим, другие — морфологическим или вообще грамматическим закономерностям древнерусского языка, третьи не подтверждаются данными древнерусской лексикологии. Следует подчеркнуть, что особенности самой надписи — количество букв, содержание, предмет, на котором она сделана, и пр. — не помогают исследованиям, а, наоборот, затрудняют их. Поэтому вряд ли можно ожидать какую-либо более приемлемую расшифровку на основании изучения самой надписи без дополнительного материала той же эпохи. Гнездовская надпись еще ждет своего исследования» (Болгарская русистика. 1975, №5). Что

касается содержимого корчаги, то полагаем, что это было, скорее всего, горчичное масло. На простейшем опыте с современным горчичным маслом мы убедились в том, что оно является великолепным осветительным материалом. Оно отвечает трем основным требованиям: пламя с опущенного в него фитилька не переходит на открытую (т. е. не защищенную несгораемой преградой) поверхность масла, как это было бы с нефтепродуктами; пламя не образует заметной копоти; оно горит устойчиво, не затухая от естественных (т. е. не направленных непосредственно на него с целью гашения) колебаний воздуха.

В евангельских текстах в составе полного тетраевангелия 5 раз упоминается «горчичное зерно». В собранных нами материалах по нескольким сотням пергаменных списков славянского евангелия представлены следующие названия горчичного зерна: *горушьное, горюшьное, горушьное, горющное, горучьное* (*горючное* пока нами не отмечено), *горушичьное, горюшичьное, горцичьное, синапное* (гречизм) и, наконец, два наименования, свидетельствующие о том, что писцы предпочли заменить слово другим, более понятным по значению, — *грушьное* (от слова *груша*) и *горошьное* (от слова *горох*). Слова *горушьное* и *горюшьное* неоднократно встречаются в древнейших списках евангелия старославянского и древнерусского происхождения. Чаще, чем *горюшьное*, но реже, чем *горушьное*, в древнерусских списках представлено слово *горошьное*. Им писцы, хорошо знавшие горох, но не знавшие горчицу, заменяли слово *горушьное* (в древней Руси звук *у* передавался по греческому образцу — двумя буквами — *оу*), принимая его за опisku предыдущего писца в переписываемом ими оригинале. В южнославянских списках слово *горошьное* нам не встретилось. Но в них представлены слова со вторичным суффиксом *-ич-*: *горушичьное, горюшичьное*. Наоборот, в древнерусских рукописях не встречаются названия горчичного зерна с суффиксом *-ич-* (исключая единичные *горцичьное*). Прилагательное *горушьное* находим во всех трех текстах, содержащих это слово и представленных в Архангельском евангелии 1092 года, причем именно в той его части, которая написана первым его писцом. Известно, что этот писец вводил много лексических замен и вообще довольно свободно русифицировал древний по переводу текст. В ряде списков это слово дожило до XIV века вклю-

чительно. По всей Руси было известно и слово с мягким *р* в корне, но тоже именно с суффиксом *-ущ-*: *горющье*. Его мы не обнаружили в старославянских и древних южнославянских списках евангелия, но встретили в галицко-волынской рукописи 1266—1301 годов, в новгородской рукописи XIV века, в написанном в Москве в 1340 году Сийском евангелии. В названных рукописях слово отмечено в разных контекстах. Это свидетельствует о том, что рукописи с этими словами не могли быть результатом текстологического родства памятников, и, следовательно, слова с суффиксом *-ущ-* и корнем *-гор-* в значении «горчиный» из всех славянских областей специфичны именно для древней Руси.

Можно полагать, что набором линий в Гнездовской надписи, который разные ученые читают то как *хщ*, то как *нщ* и даже как букву «пси», передается восточнославянский звук *ч*, для которого еще не было придумано особой буквы, то есть, что Гнездовская надпись сделана «неустроенной» греческой азбукой, но писцом — восточнославянином по своему языку.

В нашем анализе слабое место заключается в том, что сам предмет был найден не в VIII или первой половине IX века, а, вероятно, в археологическом слое X века. Славяне в это время уже имели собственное письмо и должны были бы знать букву *ч*, как и другие необходимые им буквы для звуков, отсутствовавших в греческой фонетике, по сравнению с фонетикой древнерусского языка. Но ведь изготовлена корчага могла быть значительно раньше!

Морфологически слово *гороуча* — субстантивированное причастие действительного залога, настоящего времени, краткое, среднего рода, множественного числа, в именительном падеже и по общей семантике равно существительному с вещественно-собирательным значением, как например, *чернила*, *румяна* и т. п.

Этимологи сближают слово *гороуча* со словом *горючий* — «горький» (ср. «горючие слезы»). Морфологически оно образовано, как деепричастия типа *сидючи*, *глядючи*, известные из фольклора. Это позволяет думать, что написание *гороу??а* на Гнездовском глиняном горшке указывает не только на отсутствие буквы для звука *ч*, но и на отсутствие буквы *ю*, которая была позднее образована из вертикальной черточки, обозначающей йотацию, и греческого диграфа *ou*.

Из упомянутого ранее сочинения Черноризца Храбра «О письменах» известно, что в древности славяне писали «чертами» и «резами».

Принято считать, что это были какие-то зарубки, передававшие разное содержание и использовавшиеся для нужд торговли, ремесла, то есть для записей, фиксировавших передачу материальных ценностей, для ведения календаря сельскохозяйственных работ, связанных с определенными языческими праздниками и астрономическими наблюдениями. Но после состоявшегося 30 лет назад открытия новгородских берестяных грамот можно предложить и другое толкование слов «черты» и «резы». Возможно, Черноризец Храбр хотел сказать о двух разных способах нанесения письменных знаков: вырезывании или продавливании (как на бересте) — «резы» и обычном нанесении знаков красящим веществом — «черты». Черты и резы могли быть и буквами «неустроенного» славянского письма.

Древние источники повествуют нам о том, что Кирилл во время своей хазарской миссии в Крым, которую он совершал еще до изобретения славянской азбуки, нашел там Евангелие и Псалтырь, писанные «рушкими» (в другом чтении — «узкими») буквами. Он их очень скоро научился читать с помощью одного местного славянина. Поэтому некоторые ученые склонны считать, что еще до изобретения славянского алфавита солунскими братьями на Руси существовало особое древнерусское письмо. Каких-либо твердых оснований для проверки этой гипотезы пока не имеет. Умозрительно можно, однако, возразить, что если бы у восточных славян в первой половине IX века уже существовало свое совершенное письмо, которым могли быть выполнены переводы таких сложных книг, какими являются Евангелие и Псалтырь, то Константинопольскому Кириллу не для чего было бы изобретать другую славянскую азбуку и осуществлять заново перевод на славянский язык основных христианских книг. Побуждает к сомнениям также полное отсутствие каких-либо остатков такой развитой «рушкой», или «узкой», письменности на славянском (древнерусском) языке.

Неизбежность существования в Киеве и вообще в древней Руси греко-славянского письма (т. е. письма по-славянски, но письма несовершенного и во многих отношениях не соответствовавшего звуковой системе каких бы то ни было славянских языков) доказана нами в специальной статье «К истории буквенной цифири и алфавитов у славян» еще в 1964 году. Опираясь на числовое значение букв кириллицы, на последовательность букв этого алфавита, засвидетельствованную древними акростихами, и некоторые другие основания, мы пришли тогда к следующим заключениям: до изобретения специальной славянской азбуки в 863 году Константином-Кириллом у славян уже была устойчивая традиция применения букв греческого алфавита для записи чисел. Последовательность использования славянами для письма и записи чисел буквами различных алфавитов была такой: 1) употребление букв греческого алфавита для счета и письма при неудовлетворительной передаче специфических славянских звуков речи, не имевших соответствия в греческом языке эпохи Византийской империи; 2) изобретение специального славянского алфавита — глаголицы, которая хорошо передавала звуки южнославянской речи и представляла оригинальную и систематичную славянскую буквенную цифирь; это был акт деятельности Константина-Кирилла; 3) усовершенствование по образцу глаголицы и дальнейшее развитие предшествовавшего ей неупорядоченного греко-славянского письма, результатом чего явился в своей основе издавна понятный на Руси (и в Киеве) весьма совершенный алфавит — кириллица; он сохраняет закрепленные давней традицией, возможно, относящейся к первым годам существования Киева как перевалочного и торгового центра древней Руси, числовые значения для букв, восходящих к греческому алфавиту. В их числе буква «зело» со значением 6, буква «фита» со значением 9, буква «коппа» (славян. «получервь», т. е. половина буквы «ч») со значением 90, не имевшие фонетических соответствий в древнерусском языке.

Л. П. ЖУКОВСКАЯ

Рисунок В. Леонова

К 80-летию
выхода в свет «Что делать?»

УНИКАЛЬНЫЙ ИСТОЧНИК СЛОВАРЯ ЯЗЫКА В. И. ЛЕНИНА



В Институте русского языка АН СССР продолжается работа по созданию Словаря языка В. И. Ленина. На основе его картотеки составлен словник объемом свыше 33 тысяч слов. Такое лексическое богатство объясняется не только тематическим разнообразием произведений В. И. Ленина, но и особенностями его стиля — эмоциональностью, полемической страстностью и образностью.

Труд В. И. Ленина «Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения» направлен против международного оппортунизма, в нем разработаны основы партии нового типа, партии пролетарской революции, завершен идейный разгром «экономизма», показано, что между социалистической идеологией пролетариата и буржуазной идеологией идет непримиримая и непрерывная борьба. Ленинский труд «Что делать?» по-прежнему имеет неограниченное значение для коммунистических и рабочих партий.

В этом труде находим многообразные средства выразительности, текст насыщен метафорами, сравнениями, яркими определениями. Основу языка «Что делать?» составляет общеупотребительная и общественно-политиче-

ская лексика, широко представленная и в других работах В. И. Ленина. Анализ словника «Что делать?» дает возможность выделить ключевые слова, высокая частотность которых определена тематикой работы: *политический, движение, борьба, партия, политика, агитация, экономизм, профессиональный* и др. Понятие движения как общественной деятельности уточняется и дифференцируется: революционное, рабочее, крестьянское, студенческое, общедемократическое, массовое, местное, стихийное, социалистическое, социал-демократическое, практическое, стачечное, кооперативное, профессиональное и др.

Важность и уникальность работы «Что делать?» как источника Словаря состоит в том, что, во-первых, здесь В. И. Ленин раскрывает сущность многих политических терминов, которые встречаются в других произведениях без разъяснений, во-вторых, этот труд обогатил картотеку и словник большим количеством редких слов. Кроме того, сравнение словника «Что делать?» со словником 17-томного «Словаря современного русского литературного языка» дало возможность выделить классы слов, не отмеченные этим Словарем, то есть те слова, которые или являются индивидуально-ленинскими, или составляют характерные особенности лексики конца XIX — начала XX века, еще мало изученной в истории русского литературного языка. Остановимся кратко на каждом из этих положений.

В работе «Что делать?» подробно разъясняется, что такое кустарничество в революционной борьбе, подвергается критике тип революционера-кустаря: «Дряблый и шаткий в вопросах теоретических, с узким кругозором, ссылающийся на стихийность массы в оправдание своей вялости, ...не умеющий выдвинуть широкого и смелого плана, который бы внушил уважение и противникам, неопытный и неловкий в своем профессиональном искусстве, — борьбе с политической полицией, — помилуйте! это — не революционер, а какой-то жалкий кустарь» (Полн. собр. соч. Т. 6, с. 127). Переносное политическое значение у слов *кустарь* и *кустарничество* не отмечено ни Толковым словарем под редакцией Д. Н. Ушакова, ни 4-томным академическим Словарем, а зафиксировано только в 17-томном Словаре: *кустарь* — «о человеке, действующем примитив-

ными способами, неорганизованно, в отрыве от других» (далее приведена цитата из «Что делать?»); *кустарничество* — «работа, ведущаяся разобщенно, неорганизованно, примитивно» (далее цитата не из работ В. И. Ленина). Между тем у Ленина есть глубокое, полное определение слова *кустарничество*: «Но кроме неподготовленности в понятие „кустарничества“ входит еще и нечто другое: узкий размах всей революционной работы вообще, непонимание того, что на этой узкой работе и не может сложиться хорошая организация революционеров, наконец — и это главное — попытки оправдать эту узость и возвести в особую „теорию“, т. е. преклонение перед стихийностью и в этой области» (с. 104).

Впервые в «Что делать?» встречается созданный самим В. И. Лениным термин *хвостизм*, который неоднократно употребляется в более поздних работах. Это слово с пометой «политическое» включено в современные толковые словари как название оппортунистической тактики следования в хвосте событий, приспособления к отсталым, к стихийным элементам движения: «В чем же состоит роль социал-демократии..? Не в том же ведь, чтобы тащиться в *хвосте* движения: в лучшем случае это бесполезно для движения, в худшем — очень и очень вредно. „Рабочее“ же „Дело“ не только следует этой „тактике-процессу“, но и возводит ее в принцип, так что и направление его вернее было бы назвать не оппортунизм, а (от слова: хвост) *хвостизмом*» (с. 52).

Широкий круг слов, относящихся к общественно-политической лексике, не вошел в толковые словари современного русского литературного языка. Это прежде всего различные образования от имен собственных, фамилий политических и государственных деятелей. В тематическом плане — это наименования различных направлений мирового социалистического движения и сторонников этих направлений.

Уже на первых страницах читатель встречает группу таких слов: «В прежние времена споры между лассальянцами и эйзенахцами, между гедистами и POSSИБИЛИСТАМИ, между фабианцами и социал-демократами, между народо-вольцами и социал-демократами оставались чисто национальными спорами, отражали чисто национальные особен-

ности, происходили, так сказать, в разных плоскостях. В настоящее время (теперь это уже явственно видно) английские фабианцы, французские министерялисты, немецкие бернштейнианцы, русские критики, — все это одна семья, все они друг друга хвалят, друг у друга учатся и сообща ополчаются против „догматического” марксизма» (с. 6—7).

А всего в «Что делать?» их довольно много. Это отвлеченные существительные с суффиксами -ство, -изм: *миллеранизм, прудонизм, струвизм*; существительные со значением лица: *беззаглавцы, рабочеделенцы, чернопеределцы*; прилагательные: *зубатовский, мартыновский, озеровский, брентановский* и др. Поскольку основная направленность этого труда — разоблачение теоретика ревизионизма и реформизма Э. Бернштейна, выступившего с ревизией философских, экономических и политических основ марксизма, то частотными являются образования от этой фамилии: *бернштейнианец, бернштейнианство, бернштейнианский* и вариант *бернштейновский*. Именно в этом труде дано определение термина *бернштейнианство*:

«А то бернштейнианство и „критическое” направление, к которому повально обратилось большинство легальных марксистов, ...развращало социалистическое сознание, опошляя марксизм, проповедуя теорию притупления социальных противоречий, объявляя нелепостью идею социальной революции и диктатуры пролетариата, сводя рабочее движение и классовую борьбу к узкому тред-юнионизму и „реалистической” борьбе за мелкие, постепенные реформы. Это вполне равносильно было отрицанию со стороны буржуазной демократии права на самостоятельность социализма, а следовательно, и права на его существование; это означало на практике стремление превратить начинающееся рабочее движение в хвост либералов» (с. 17).

Многие приведенные термины широко употреблялись в языке той эпохи, и на страницах «Что делать?» иногда встречаем тонкую лингвистическую оценку некоторых из них: «И мы спрашиваем еще раз беспристрастных читателей, клеветем ли мы на рабочеделенцев (да простят мне это неуклюжее ходячее словечко!), называя их скрытыми бернштейнианцами...» (с. 62). Слово *рабочеделенцы* обра-

зовано от названия журнала «Рабочее дело», выходившего в Женеве с 1899 по 1902 год.

Производные от имен собственных являются оценочными словами, их экспрессивно-стилистическая окраска связана с социальной оценкой соответствующего лица или печатного органа, определить которую можно лишь в широком контексте ленинских произведений, в контексте эпохи.

●

Кроме образований от имен собственных, в 17-томный Словарь не вошли некоторые иностранные слова, например: *эксцикативный* (возбуждающий), а также большой пласт слов, созданных по моделям русского языка и преимущественно стилистически окрашенных (*недемократизм, полуабсолютизм, обалгорнивание, флюгерствующий*). Среди них особенно много сложных слов: *лжетолкование, лжеуступка, самооплевание, главноначальствующий, неисправимо-узкий, политически-обличительный, поповско-жандармский, профессионально-вышколенный* и др.

Пока нельзя сказать, что это индивидуально-ленинские слова, так как для такого утверждения нужен широкий фон для сравнения, нужна картотека языка произведений ленинских современников. Необычность некоторых слов В. И. Ленин подчеркивал кавычками или давал подробное разъяснение. Ограничимся некоторыми примерами: «Оба эти направления, и оппортунисты и „революционисты“, пасуют пред господствующим кустарничеством, не верят в возможность избавления от него, не понимают нашей первой и самой настоятельной практической задачи: создать *организацию революционеров*, способную обеспечить энергию, устойчивость и преемственность политической борьбы» (с. 105); «Пример немцев напомнил мне немецкое слово *Verballhornung*, по-русски буквально: обалгорнивание. Иван Балгорн был лейпцигский издатель в XVI веке; издал он букварь, причем поместил, по обычаю, и рисунок, изображающий петуха; но только вместо обычного изображения петуха со шпорами на ногах он изобразил петуха без шпор, но с парой яиц около него. А на обложке букваря добавил: „*исправленное*

издание Ивана Балгорна". Вот с тех пор немцы и говорят Verballhornung про такое „исправление", которое на деле есть ухудшение» (с. 67). Основная функция таких слов — передать отношение Ленина к своим идейным противникам, разоблачить их; задержать внимание читателя.

Отдельные слова, не отмеченные толковыми словарями, входят в состав употребляемых Лениным пословиц. Слово *наветки*, например, есть только в Толковом словаре В. И. Даля — «намеки или косвенное обвинение обиняками». Оно встретилось в пословице «Кошку бьют, невестке наветки дают». У Ленина она приобретает политическую окраску: «Я мог бы также ответить немецкой пословицей: Den Sack schlägt man, den Esel meint man, или по-русски: кошку бьют, невестке наветки дают. Не одно „Раб. Дело", а *широкая масса* практиков и теоретиков увлекалась модной „критикой", путалась в вопросе о стихийности, сбивалась с социал-демократического на тред-юнионистское понимание наших политических и организационных задач» (с. 182).

•

В картотеке Словаря языка В. И. Ленина многие слова и устойчивые сочетания представлены цитатами только из работы «Что делать?»: *педагогия, предварилка, обезьяний, обшлаг, устроить кошачий концерт цензорам, медовый месяц «легального марксизма», на стоячей воде «экономической борьбы с хозяевами и с правительством», ругать нас на все корки и «мистификаторами», и «дезорганизаторами» и др.*

Интересны сочетания *сказываться в нетях* и *проплеванный колодец*. Значение и происхождение оборота *в нетях (в нётех) быть (обретаться и т. п.)* объяснено в 17-томном Словаре: отсутствовать; быть в бегах (от существительного *нет*, устаревшее множественное число *нэти* — название списка не явившихся по призыву на военную службу «нетчиков»). В тексте ленинской работы оборот приобретает другой оттенок значения — отсутствие собственной точки зрения на ту или иную проблему, прикрытое простым отрицанием ее: «Не вздумает ли отрицать это „Р. Дело"? Не вздумает ли оно наконец изложить перед

всеми прямо и без уверток свое понимание наболевших вопросов международной и русской социал-демократии? — О нет, оно никогда не вздумает ничего подобного, ибо оно твердо держится того приема, который можно назвать приемом „сказываться в нетях”. Я не я, лошадь не моя, я не извозчик. Мы не „экономисты”, „Раб. Мысль” не „экономизм”, в России нет вообще „экономизма”. Это — замечательно ловкий и „политичный” прием, имеющий только то маленькое неудобство, что органы, его практикующие, принято называть кличкой: „чего изволите?”» (с. 96).

Выражение *проплеванный колодец* — это результат обыгрывания известной русской пословицы: «Русская пословица говорит: не плюй в колодец, — пригодится воды напиться. Но есть люди, что не прочь напиться и из такого колодца, в который уже наплевано... И Надеждин, ...воображающий, что он стоит гораздо выше этого деления на ортодоксов и критиков, — не замечает того, что он играет своими доводами на руку возмущающей его узости, что он пьет из самого что ни на есть проплеванного колодца!» (с. 165—166).

В «Что делать?» много слов с обобщенно-символическим значением: *болото, каменщик, леса, умник, плевелы, пшеница* и др. Аллегорическое выражение «Отделить плевелы от пшеницы» наполняется конкретным содержанием: «Напротив, как раз своей обличительной кампанией мы и отделяем плевелы от пшеницы. Плевелы мы уже указали. Пшеница, это — привлечение внимания еще более широких и самых отсталых слоев рабочих к социальным и политическим вопросам, это — освобождение нас, революционеров, от таких функций, которые по существу легальны (распространение легальных книг, взаимопомощь и т. п.) и развитие которых неизбежно будет давать нам все больший и больший материал для агитации» (с. 115).

В Словаре языка В. И. Ленина будет отражено все лексическое богатство и своеобразие «Что делать?», а также всеми возможными в лексикографии способами переданы особенности стиля этой работы.

Е. Л. ЛИЛЕЕВА

К 65-летию
«Апрельских тезисов»

«АПРЕЛЬСКИЕ ТЕЗИСЫ»: СЛОВО И КОНТЕКСТ



Первые известия о февральской буржуазно-демократической революции в России В. И. Ленин получил в Швейцарии, в Цюрихе. Это было 2(15) марта 1917 года. А 4(17) апреля в Петрограде, в Таврическом дворце на собрании большевиков — участников Всероссийского совещания Советов рабочих и солдатских депутатов Владимир Ильич огласил и разъяснил «Апрельские тезисы».

Март 1917 года был до предела насыщен событиями в жизни В. И. Ленина. Главная задача состояла в том, чтобы большевики уяснили своеобразие обстановки, сложившейся в России после свержения царизма, и новые перспективы революционной борьбы. 3(16) марта, то есть на следующий день после получения первых известий о февральской революции, В. И. Ленин в письме к А. М. Коллонтай дает оценку этому событию, намечает тактику большевиков:

«Этот „первый этап первой (из порождаемых войной) революции“ не будет ни последним, ни только русским... Все наши лозунги те же»; «Главное теперь — печать, организация рабочих в *революционную с.-д. партию*»; «...мы создадим по-прежнему *свою особую партию и обязательно соединим легальную работу с нелегальной*... Непременно *более революционная программа и тактика*... и непременно *соединение легальной работы с нелегальной*. Республиканская пропаганда, борьба

против империализма, *по-прежнему* революционная пропаганда, агитация и борьба с целью *международной* пролетарской революции и завоевания власти „Советами рабочих депутатов“ (а не кадетскими жуликами)» (Полн. собр. соч. Т. 49, с. 399, 400).

На следующий день к вечеру, то есть 4(17) марта, В. И. Ленин пишет черновой набросок тезисов о задачах пролетариата в русской революции, которыми должны руководствоваться большевики, отъезжавшие в Россию. В этом «Наброске тезисов 4(17) марта 1917 года», в частности, говорится: «Новое правительство не может дать ни народам России (ни тем нациям, с которыми связала нас война) ни мира, ни хлеба, ни полной свободы, и потому рабочий класс должен продолжить свою борьбу за социализм и за мир, должен использовать для этого новое положение и разъяснить его для самых широких народных масс»; «Дать народу мир, хлеб и полную свободу в состоянии лишь рабочее правительство, опирающееся, во-1-х, на громадное большинство крестьянского населения, на сельских рабочих и беднейших крестьян; во-2-х, на союз с революционными рабочими всех воюющих стран» (т. 31, с. 2,5).

6(19) марта В. И. Ленин посылает телеграмму большевикам, отъезжающим в Россию: «Наша тактика: полное недоверие, никакой поддержки новому правительству; Керенского особенно подозреваем; вооружение пролетариата — единственная гарантия; немедленные выборы в Петроградскую думу; никакого сближения с другими партиями» (т. 31, с. 7).

Наконец, В. И. Ленин пишет «Письма из далека»: Письмо 1. Первый этап первой революции. Письмо 2. Новое правительство и пролетариат. Письмо 3. О пролетарской милиции. Письмо 4. Как добиться мира? Письмо 5. Задачи революционного пролетарского государственного устройства. Эти пять писем были написаны за пять дней: с 7(20) по 12(25) марта.

●

Знакомясь с этими и другими ленинскими работами, которые были созданы в марте 1917 года (все они собраны в томе 31 Полного собрания сочинений), невольно восхищаешься ленинской работоспособностью и прозорливостью, буквально мгновенной теоретической и политической реакцией на новые события, их глубоким ос-

мыслением на основе довольно скудных данных, поступавших из России в это время. Вспомним письмо к А. М. Коллонтай: «Все наши лозунги те же», с одной стороны, и тут же четкая оценка международного резонанса русской революции, а главное — непоколебимая убежденность в том, что это «первый этап первой революции», что «главное теперь — печать, организация рабочих в революционную с.-д. партию».

Кстати сказать, буквально в тот же день, когда В. И. Ленин выступил с «Апрельскими тезисами», он приступил к обязанностям редактора центрального органа партии большевиков — газеты «Правда», о чем читатели были извещены в № 25 от 6 апреля 1917 года. Естественно возникает мысль о том, что теоретическая работа и политическая деятельность В. И. Ленина носили, с одной стороны, целенаправленный характер, с другой, явно распадалась на отдельные этапы, отмечаемые серьезными социальными потрясениями: первая русская революция, столыпинская реакция, первая мировая война, весна и начало лета (до июльских событий) 1917 года и т. д. Соответственно труды В. И. Ленина также поддаются группировке и периодизации, образуя крупные содержательно-смысловые единства.

«Апрельские тезисы» получили дальнейшее развитие в статье «Задачи пролетариата в нашей революции (Проект платформы пролетарской партии)», а также в работе Петроградской общегородской конференции РСДРП(б) 14—22 апреля (27 апреля — 5 мая) 1917 года и Седьмой (апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б) 24—29 апреля (7—12 мая) 1917 года, на которых В. И. Ленин выступал с докладами, речами, заключительным словом, и, конечно, формулировал главнейшие положения резолюций обеих конференций. Вооруженная решениями апрельской конференции, партия большевиков взяла курс на подготовку рабочего класса и беднейшего крестьянства к борьбе за второй, социалистический этап революции в России.

В свете изложенного «Апрельские тезисы» входят в очень обширное содержательно-смысловое единство, которое составляет 31 и 32-й тома Полного собрания сочинений (к ним тесно примыкает том 33, содержащий гениальный ленинский труд «Государство и революция»), а по времени охватывает всего пять месяцев (март — июль 1917 года).

В лингвистическом отношении следует отметить, что некоторые ключевые слова, характерные для рассматриваемого хронологического отрезка в жизни и деятельности Ленина, имеют в 31 и 32-м томах Полного собрания сочинений максимальное число самых показательных контекстов своего употребления. Рассмотрим некоторые примеры.



Ключевыми словами, словами-символами указанного времени были *хлеб*, *мир*, *земля*, *свобода*, впитавшие в себя большое конкретно-историческое содержание: «Новое правительство не может дать... ни мира, ни хлеба, ни полной свободы...» (т. 31, с. 2); «...глубокое пролетарское и массовое народное (все беднейшее население городов и деревень) движение революционного характера за *хлеб*, за *мир*, за *настоящую свободу*» (т. 31, с. 17); «Питерские рабочие, как и рабочие всей России, самоотверженно боролись против царской монархии, за свободу, за землю для крестьян, за *мир*, против империалистской бойни» (т. 31, с. 17) и др.

Анализ вопросов о мире, о земле, о свободе (и других, конечно) мы находим в «Апрельских тезисах». В лингвистическом плане важно подчеркнуть, что слова-ключи, слова-символы, такие, например, как *мир*, *хлеб*, *земля* и др., формируют вокруг себя особые ряды, группы слов. В частности, в конкретно-историческом смысле слово *мир* связано с отношением к войне. Пара *мир* — *война* является антонимической, но сочетание *мир без аннексий и контрибуций* несет на себе отпечаток событий тех лет. Прямых смысловых связей между *мир* и словами *оборонец*, *оборончество*, *братание* (*братанье*) не существует, но в указанных исторических рамках обнаруживаются контекстные смысловые связи между *мир* и *братание*, *мир* и *бойня*, *мир* и сочетанием *защита отечества*, а также словами *оборонец*, *оборончество*, *аннексия* и сочетанием *тайные договоры* и т. п. В конечном итоге слово *мир* вылилось в ленинский «Декрет о мире» и не может рассматриваться в отрыве от ленинского решения вопроса о войнах справедливых и несправедливых, от Программы мира, выдвинутой нашей партией.

Ключевым словом в это время является также *хлеб*. Оно оказывается связанным по смыслу со словом *голод*,

которое никак не может быть поставлено с ним по языковой связи. Например: «Своею кровью русские рабочие купили свободу нашей стране. Требования рабочих были: хлеба, свободы, мира. Хлеба — потому что народ в России голодает...» (т. 31, с. 60).

Слово *земля* относится к словам-ключам рассматриваемого и более широкого исторического периода. Одним из первых декретов Советской власти после победоносного Октября 1917 года был «Декрет о земле». Это слово в нашем контексте связано с судьбами русского крестьянства, с его внутренним расслоением, а следовательно, с учением В. И. Ленина о союзниках пролетариата в социалистической революции. Оно связано, таким образом, с сочетаниями слов «конфискация всех помещичьих земель» (т. 31, с. 109), «национализация *всех* земель в стране» (там же), но, главное, со словами *беднота, беднейший, батрак, батрацкий* и т. п. В «Первоначальном наброске Апрельских тезисов» говорится: «Не парламентарная республика, а республика Советов рабочих, батрацких, крестьянских и солдатских депутатов» (т. 31, с. 99). По копии рукописи, вклеенной между страницами 100 и 103 тома 31 Полного собрания сочинений, видно, что слово *батрацкий* в этой ключевой формулировке вставлено над строкой. Картотека Словаря языка В. И. Ленина подтверждает, что это первый случай включения В. И. Лениным слова *батрацкий* в название органов будущей Советской власти. Приведем еще примеры: «Ось программы передвинулась, центр тяжести — Советы батрацких депутатов»; «Необходимо выделение Совета депутатов от беднейших крестьян. Есть богатый мужик, есть батрак. Ему если даже дать землю, — он все равно хозяйства не создаст. Нужно создать из крупных имений образцовые хозяйства, с хозяйством на общих началах, а хозяйничать должны Советы батрацких депутатов» (т. 31, с. 110).

Слова *хлеб, мир, земля, свобода* революционный народ выдвинул как слова-лозунги. Однако их классовый конкретно-исторический анализ, вскрывание того политического содержания, которое они несут, разъяснение этого содержания широким массам принадлежит гению В. И. Ленина и созданной им партии большевиков. В лингвистическом плане здесь раскрывается богатейшее поле для анализа ключевого слова в контексте эпохи.

П. Н. ДЕНИСОВ

ТЕРМИНЫ В ТРУДАХ В. И. ЛЕНИНА

Термины, то есть слова и словосочетания, которыми именуются специальные (не общеобиходные) понятия, реалии, явления, в произведениях В. И. Ленина представлены очень широко. Характеризует их большое тематическое и «отраслевое» разнообразие. И то и другое естественным образом отражает проблемно-содержательную и жанровую широту трудов В. И. Ленина, его деятельность как ученого-исследователя, теоретика и пропагандиста марксизма.

Термины — необходимый и неизбежный атрибут всех произведений Владимира Ильича, но прежде всего теоретических. Теорией, по мнению В. И. Ленина, должны быть проникнуты все сферы деятельности, в том числе революционная, ибо «отсутствие теории отнимает право существования у революционного направления и неизбежно осуждает его, рано или поздно, на политический крах» (Революционный авантюризм.— Полн. собр. соч. Т. 6, с. 379).

Функциональная нагрузка терминологической лексики в трудах В. И. Ленина очень значительна и разнообразна: термины формируют научные теории и научные направления, являются средством введения новых понятий, средством научной полемики. И, самое обычное, но главное, терминами именуются все понятия, связанные со специальными (профессиональными) сферами деятельности. Номинативная функция терминологической лексики, реализуемая в трудах В. И. Ленина с необыкновенной чистотой и ответственностью, исключительно важна и не нуждается ни в каких других оценках и назначениях (стилистического, эстетического или какого другого характера).

Ведет ли автор непримиримую полемику по основному вопросу философии, используя важнейшие достижения естествознания (Материализм и эмпириокритицизм) или исследует экономическую и социально-классовую структуру России конца XIX века (Раз-

витие капитализма в России), он пользуется терминологией (научной в первом случае и «народной» во втором) прежде всего как средством точного обозначения необходимых понятий (философских, естественнонаучных или ремесленных, промысловых), точного выражения мысли.

Великое достоинство работ В. И. Ленина в том, что их теоретическая основа — это всегда новый этап в развитии марксизма и вместе с тем это всегда ярая (как сказал А. В. Луначарский) полемика с идейными оппонентами, разоблачение противников марксизма.

«Материализм и эмпириокритицизм», скромно названный автором в подзаголовке «Критические заметки об одной реакционной философии», по существу является главным философским трудом, в котором обоснованы и развиты важнейшие положения марксистской философии — основной вопрос философии, категории философии, теория отражения и др. Роль терминологии в этом труде В. И. Ленина, как может быть ни в одном другом произведении, предельно ответственна, так как разоблачение субъективно-идеалистической философии эмпириокритицизма (махизма) и его разновидностей — эмпириомонизма и эмпириосимволизма — Владимир Ильич вел через разоблачение псевдонаучной терминологии, терминологических ухищрений в трудах представителей этих философских направлений Э. Маха, Р. Авенариуса и их идейных предшественников Дж. Беркли, Д. Юма, И. Фихте и кантианцев.

Именно в этом труде кристаллизуется марксистская философская терминология, отражающая основные философские понятия: *движение, пространство и время, материя, сознание, опыт, причинность, свобода и необходимость, истина, абсолютная истина, относительная истина, объективная истина, отражение* и мн. др.

Исследуя проблемы, связанные с «судьбами капитализма в России» (выражение самого Владимира Ильича), в работах «По поводу так называемого вопроса о рынке», «Развитие капитализма в России» и некоторых других автор не может обойтись без точного обозначения местных ремесел, промыслов, людей, занятых в них, орудий и предметов их труда. Отсюда и так называемая народная терминология, которая естественным образом вплетается в критический анализ экономических проблем о внутреннем и внешнем рынке, об общественном разделении труда, а также политических проблем о сельском пролетарии, полупролетарии, о сельской буржуазии и т. п. Таковы: *башмачный, валяльный, войлочный, веревочный, позументный, сарпиночный* и мн. др. промыслы; *булавочники, войлочники, игрушечники, сусальщики, пуговичники, картузники, стрижевщицы* («женщины, которые стригут пух») и мн. др. наименования лиц по занятию. В. И. Ленин

часто комментирует подобного рода наименования: «Крестьяне работают в пеньковом промысле „на купцов“... из их материала, за сдельную плату, причем работа делится на специальные операции: „трепачи“ треплют пеньку; „прядильщики“ прядут; „бородельщики“ очищают от костры; „колесники“ вертят колесо» (т. 3, с. 397).

Этот пример иллюстрирует, как в ленинских теоретических трудах с одинаковым успехом используется и самая абстрактная общеполитическая терминология, и конкретная номенклатура местных ремесел и промыслов, поскольку цель их использования одинакова — точно назвать предмет исследования, предмет полемики.

В данной статье хотелось бы на основании текстов произведений В. И. Ленина показать его отношение к терминологии как автора и как читателя-полемика.

Для языка ленинских работ характерна общая черта — предельная четкость словоупотребления, то есть полное соответствие слов их значению и назначению. Строгая определенность словоупотребления для терминологической лексики — обязательное условие и залог правильного понимания мысли автора. И это требование во всех произведениях В. И. Ленина выполняется неукоснительно. Может быть, именно поэтому автор столь часто пользуется приемом дефиниции, даже в тех случаях, когда как будто не предполагается строгое определение понятия: «Временное революционное правительство есть орган борьбы за немедленную победу революции, за немедленное отражение контрреволюционных попыток...» (Две тактики социал-демократии в демократической революции.— Т. 11, с. 30); «Под тактикой партии разумеется ее политическое поведение, или характер, направление, способы ее политической деятельности» (там же, с. 9); «...интеллигентские импрессионисты, т. е. люди, бесхарактерно поддающиеся настроению минуты и забывающие основные принципы интернационализма» (О Стокгольмской конференции.— Т. 34, с. 106).

Итак, говоря о терминах в произведениях В. И. Ленина, подчеркивая органическое их употребление и естественность присутствия, постараемся показать наиболее типичные приемы ввода терминов в текст, с помощью которых достигается их правильное и однозначное понимание. Таких приемов несколько.

Этимологическая справка (для слов-терминов иноязычного происхождения): «Три гносеологические системы, по мнению Э. Гартмана, лежат в основе новейшей физики: гилокинетика (от греческих слов *hyle*=материя и *kinesis*=движение,— т. е. признание физических явлений движением материи), энергетика и динамизм (т. е. признание силы без вещества)» (Мате-

риализм и эмпириокритицизм.— Т. 18, с. 302—303); «... демократия — как власть народа (демократия буквально в переводе с греческого и значит: «власть народа») (О государстве.— Т. 39, с. 74). Этимологическая справка не заменяет определения термина, но она дает правильное представление о значении слова-термина. В текстах сведения о происхождении слова почти всегда дополняются, как это видно и из приведенных примеров, собственно определением.

Указание на мотив наименования того или иного социального явления (это прежде всего относится к наименованиям, произведенным от основ имен собственных): «Я бы назвал эту систему ллойд-джорджизмом, по имени одного из самых передовых и ловких представителей этой системы в классической стране „буржуазной рабочей партии“, английского министра Ллойд Джорджа» (Империализм и раскол социализма.— Т. 30, с. 176).

Авторское пояснение мотива образования слова также не раскрывает его значения. Однако такой комментарий очень существен для понимания явления, названного по имени того или иного исторического лица. Конечно, современным читателям трудов В. И. Ленина менее известны личности прошлого периода, и поэтому о них нужны более подробные сведения, которые, как правило, есть в редакционных примечаниях к «Полному собранию сочинений» В. И. Ленина.

Пояснение значения слова-термина (главным образом, иноязычного происхождения): «„Балансы многих акционерных обществ похожи на те известные из эпохи средних веков палимпсесты, на которых надо было сначала стереть написанное, чтобы открыть стоящие под ним знаки, дающие действительное содержание рукописи“ (палимпсесты — пергамент, на котором основная рукопись затерта и по затертому написано другое)» (Империализм, как высшая стадия капитализма.— Т. 27, с. 348); «Фактическое положение громадной массы мелких и мельчайших, большей частью, чересполосных крестьянских „парцелл“ (=крохотных участков земли), отличающихся наихудшим качеством почвы... неизбежно ставит их в кабальное отношение к наследственному владельцу латифундии, старому „барину“» (Сущность «аграрного вопроса в России». — Т. 21, с. 309).

Все три приема ввода термина в текст, видимо, можно охарактеризовать как авторский комментарий в связи с употреблением слов-терминов либо узких сфер применения, либо тех, которые образуются «на глазах» у читателя. И продиктован такой комментарий, скорее всего, желанием оградить читателя от затруднений в понимании текста.

Качественно иным и по функции и по конечному результату является ввод термина посредством дефиниции.

Дефиниция (определение) раскрывает содержание понятия, обозначенного термином. Этот прием самый распространенный и, видимо, наиболее наглядно показывает творческую манеру В. И. Ленина давать четкое представление о понимании автором основных для той или иной работы понятий. Ленинские дефиниции всегда соответствуют логическим приемам их оформления, то есть в них указываются достаточные дифференциальные признаки, необходимые для отграничения одного понятия от другого (классы, сословия), а также для объединения их в один классификационный ряд (например, философские категории) или в состав так называемых парных понятий (типа *пространство и время, свобода и необходимость* и т. п.).

Дефиниции в текстах, естественно, отличаются от определенных терминов в словарях и формально и функционально. В конкретных произведениях дефиниции формируются, эволюционируют в результате глубинного изучения реального общественного явления, изменений в самом этом явлении, а также с учетом существующих в научных исследованиях представлений о нем. В. И. Ленин в своем творчестве продолжил разработку основных фундаментальных проблем теории научного коммунизма применительно к новым историческим условиям и реальным ситуациям революционной практики. Так, проблема разделения общества на группы, объективные основания для этого деления и социальная роль каждой из групп в развитии общества относится к старым проблемам. Но только в трудах классиков марксизма она нашла объективно научное освещение: К. Маркс начинает определение тех общественно-экономических критериев, которые дали основание для строго научного историко-материалистического разграничения общества на социальные группы. В. И. Ленин завершил эти научные поиски и именно в его трудах появилась та дефиниция понятия классов, которая потом вошла во все словари — энциклопедические, философские и общелитературные толковые. Иными словами, стала классической. Вот это ленинское определение:

«Классами называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественно-го производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают» (Великий почин. — Т. 39, с. 15).

Данная дефиниция оформлена по схеме логического определения понятия. Такого рода дефиниций много в произведениях

В. И. Ленина. Можно даже выделить наиболее типичные их модели: [термин] — это [определение]: «...аннексия — это присоединение всякой страны, отличающейся национальными особенностями, всякое присоединение нации... против ее желания» (Доклад на собрании большевиков.— Т. 31, с. 104—105); или: [термин] есть [определение]: «Коммунизм есть высшая ступень развития социализма, когда люди работают из сознания необходимости работать на общую пользу» (Речь на I съезде земледельческих коммун и сельскохозяйственных артелей 4 декабря 1919 г.— Т. 39, с. 380—381); [термин], т. е. [определение]: «...Маркс не остановился на материализме XVIII века, а двинул философию вперед. Он обогатил ее приобретениями немецкой классической философии, особенно системы Гегеля, которая в свою очередь привела к материализму Фейербаха. Главное из этих приобретений — *диалектика*, т. е. учение о развитии в его наиболее полном, глубоком и свободном от односторонности виде, учение об относительности человеческого знания, дающего нам отражение вечно развивающейся материи» (Три источника и три составных части марксизма.— Т. 23, с. 43—44).

Степень отражения в дефинициях полноты объема понятия и его дифференциальных признаков различна и зависит от конкретного назначения определения в тексте, а также от его жанровой принадлежности. В тех случаях, когда дефиниция появляется как результат, итог, обобщение, творческое завершение исследования, она реализует свою основную функцию точного логического определения, установления содержания понятия в полном объеме (*классы*). Но нередко возникают так называемые термины-историзмы, именующие явления, прикрепленные к определенному этапу или событию в развитии общества. Тогда, естественно, и дефиниции этих терминов отражают конкретное социально-историческое содержание. Такая ситуация свойственна чаще всего общественно-политической терминологии, отражающей оперативнее других терминов реальные изменения в развитии общества. Например: «Это — так называемое двоевластие, это — то неустойчивое равновесие, которое явилось результатом соглашения между Советом рабочих и солдатских депутатов и Временным правительством» («Кризис власти». — Т. 32, с. 1—2).

Варьируется дефиниция и в зависимости от жанра. Так, в живой речи (доклады, выступления и т. п.) заметно меняется ее облик. Происходит это без снижения уровня определения понятия, но смысл его передается, что называется, «своими словами», в виде живого рассказа. «Что такое империализм. Это — когда кучка богатейших держав душит весь мир, когда они знают, что у них есть полторы тысячи миллионов человек всего мира, и душат их,

и эти полторы тысячи миллионов чувствуют, что такое английская культура, французская культура и американская цивилизация. Это значит: грабить, кто во что горазд» (Доклад на I Всероссийском съезде трудовых казаков.— Т. 40, с. 176). Для таких пояснений характерна эмоциональная оценка понятий, введенная, видимо, в расчете на конкретного адресата и на конкретные цели высказывания. Интересно сравнить приведенное ранее определение *классов*, данное в «Великом почине» и ставшее «официальной» дефиницией этого понятия, с тем, которое находим в речи, обращенной к комсомольцам 20-х годов: «А что такое классы вообще? Это то, что позволяет одной части общества присваивать себе труд другого. Если одна часть общества присваивает себе всю землю, мы имеем классы помещиков и крестьян. Если одна часть общества имеет фабрики и заводы, имеет акции и капиталы, а другая работает на этих фабриках, мы имеем классы капиталистов и пролетариев» (Задачи союзов молодежи.— Т. 41, с. 310).

Нередко в текстах произведений В. И. Ленина можно встретить четкие формулировки общественных явлений, в которых содержатся теоретические предпосылки для разработки научных дефиниций. Они, эти формулировки, формально не являются дефинициями, но очень близки к ним в силу определенности и подчеркнутости необходимых дифференциальных признаков. Так, для социального понятия *сельский пролетариат* и его конкретных разновидностей *батрак*, *поденщик* выделяется в качестве основных признаков то, что это «наемный рабочий» и что он «с наделом». В разных работах, написанных на разные темы, эти дифференциальные признаки повторяются всякий раз именно в таком наборе: «Другой новый тип — сельский пролетариат, класс *наемных рабочих с наделом*. Сюда входит неимущее крестьянство, в том числе и совершенно безземельное, но типичнейшим представителем русского сельского пролетариата является батрак, поденщик, черно-рабочий, строительный или иной рабочий с наделом» (Развитие капитализма в России.— Т. 3, с. 170); «Мы видим отсюда, что низшие группы крестьянства, в частности однолошадные и безлошадные дворы, представляют из себя, по своему положению в общем строе народного хозяйства, *батраков и поденщиков* (шире: *наемных рабочих с наделом*» (Аграрный вопрос в России к концу XIX века.— Т. 17, с. 109).

Та ясность мысли и ясность ее выражения, которые неизменно отмечаются и читателями трудов В. И. Ленина, и исследователями его языка и стиля, в значительной мере достигаются безупречным употреблением наиболее информативной в научном отношении лексики — терминологии.

В. П. ДАНИЛЕНКО

МЕТАФОРА

В ГАЗЕТНОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ

В. И. ЛЕНИНА

•

Существенной особенностью газетных выступлений В. И. Ленина является использование образных средств языка, и прежде всего метафоры, в особой публицистической функции. Рассчитанные на чувственное восприятие, на наглядность и активное выражение авторской позиции, они помогают газете осуществлять воздействие на читателя. Создаются яркие оценочные образы, которые служат выражению идейного замысла и политической позиции автора. С их помощью читатель воспринимает не только содержание публикации, но и отношение автора к тому, о чем он пишет.

Многие метафоры под пером В. И. Ленина приобретают яркую социальную окраску. Именно в газетной публицистике В. И. Ленина выкристаллизовывается особое общественно-политическое содержание отдельных метафор, которые развивают новое значение в зависимости от контекста и ситуации. Социальная функция образных средств в ленинской газетной публицистике определяется особым их подбором и организацией в контексте, зависящими от характера материала, от ориентации автора на определенного читателя, от ожидаемого публицистического эффекта.

Критерием отбора и использования языковых средств, которые служили основой для создания публицистических образов, была их способность выразить авторское «я», показать его отношение к изображаемому, содержать оценку. Именно оценочность составляет главную черту современного газетного стиля, и формировалась она под воздействием ленинских газетных выступлений, впитавших в себя лучшие черты прогрессивной революционно-демократической публицистики.

В статье «Насущные задачи нашего движения», открывающей первый номер «Искры», В. И. Ленин прибегает к развернутой метафоре, которая в образной форме оценивает сложившееся соотноше-

ние сил: «Перед нами стоит во всей своей силе неприятельская крепость, из которой осыпают нас тучи ядер и пуль, уносящие лучших борцов. Мы должны взять эту крепость, и мы возьмем ее...» (Полн. собр. соч. Т. 4, с. 376).

На иных ассоциативных связях строится метафора в статье «Отдача в солдаты 183-х студентов», где, подчеркивая остроту момента, В. И. Ленин пишет: «Искушенное опытом десятилетий, правительство твердо убедилось в том, что оно окружено горючим материалом, что достаточно малейшей искорки, ...чтобы зажечь пожар» (т. 4, с. 392).

А в статье «Земский съезд» метафорически выражено мнение автора о политике правительства по отношению к земским учреждениям, о пассивности самих его представителей: «Пора, наконец, и земским деятелям дать энергичный и организованный отпор закусившему удила правительству, убившему сельское самоуправление ...и с ослиной последовательностью замахнувшему свой топор над последними остатками земских учреждений» (т. 5, с. 94).

Оценочная направленность таких метафор несомненна, их цель — не только создание наглядно-конкретного образа, но и выражение авторской позиции, и в конечном счете — воздействие на читателя через чувственное восприятие.



В газетной публицистике В. И. Ленина широко представлены метафоры, употребляемые революционно-демократической публицистикой, но они, как правило, под влиянием идейного содержания, открытого выражения партийности меняют свой семантический и стилистический облик, обнаруживают внутреннюю экспрессию или получают ее от контекста, от ситуации. Кроме того, под пером В. И. Ленина подвергаются метафоризации новые группы слов, способных вступать в антонимические отношения. Это прежде всего глаголы, прилагательные, а также существительные (чаще с непредметным значением). При использовании таких слов можно рассчитывать на возникновение ассоциативных связей с положительно или отрицательно окрашенными эмоциями. Взаимодействие прямого и переносного значений этих слов осложняет и видоизменяет номинативную функцию, и слово уже не только называет предмет, но и служит средством выражения позиции автора: *холопский, лакейский, змеиный, сеять, ковать, ярмо, буря* и т. п.

В основе многих метафор лежит употребление военной лексики, очень естественной для боевой, наступательной публицистики В. И. Ленина и для той обстановки, в которой они создавались. Такой путь метафоризации находится в соответствии с общей осо-

бенностью развития русского литературного языка этого периода. Активное употребление военной лексики и фразеологии вполне соответствовало времени бурных социальных движений, острой классовой борьбы. Метафорическое употребление слов и словосочетаний *авангард, армия, база, крепость, окружение, порох, резервы, сдать, атаковать, штурмовать, отбиваться, открыть огонь, нанести удар* и т. п. помогало характеризовать обстановку в стране. Совершенно четкое общественно-политическое содержание приобретают и такие слова, как *искры, огонь, пламя, пожар* и некоторые другие. «Передовики кадетской „Речи“, беспартийно-прогрессивные гг. Прокопович и Р. Бланк в „Запросах Жизни“ открыли огонь против рабочей газеты за решение ее вести самостоятельную избирательную кампанию в Петербурге» (т. 21, с. 473).

В. И. Ленин объясняет читателям, почему военный словарь вышел из узких рамок специальной сферы и стал употребляться для обозначения различных сторон партийной жизни и борьбы. В статье «Итоги полугодовой работы» он пишет: «За первую половину 1912 года все политические партии в России начали и, в сущности, уже кончили то, что называется предвыборной мобилизацией партийных сил. Мобилизация — слово военное. Оно значит: приведение войска в боевую готовность. Подобно тому, как перед войной войско приводится в боевую готовность, призываются запасные, раздается оружие и боевые снаряды, — так и перед выборами все партии подводят итоги своей работе, подтверждают свои решения относительно взглядов и лозунгов партии, собирают свои силы, готовятся к борьбе со всеми остальными партиями» (т. 21, с. 435).

В качестве метафор используется и лексика из активизировавшегося в этот период словаря рабочих и крестьян (*обуздать, сеять, зерно, посев, топор, удила, намордник, лохмотья, заплаты* и др.): «Не может быть и тени сомнения в том, что систематическая, упорная республиканская пропаганда найдет теперь в России самую благодарную почву, ибо массы... крестьянские... думают тяжелую и крепкую думу... С какой быстротой будет расти брошенная в землю зерно республиканской пропаганды, этого никто не сможет теперь определить — но не в этом дело, дело в том, чтобы посев был сделан правильно, действительно демократически» (т. 21, с. 17—18); «...как будто бы топор был уже занесен...» (т. 4, с. 392). Такие метафоры актуальны, злободневны, оказываются самым тесным образом связанными с конкретными общественно-политическими условиями.

Особенностью общественного развития предреволюционных лет является постепенное приобщение рабочего класса и крестьянства к борьбе, сначала экономической, а затем и политической. Этот процесс очень точно выражается метафорическими значениями глаголов *просыпаться*, *пробуждаться*, существительных *проблески*, *пробуждение* и нек. др. В статье «Прежде и теперь» В. И. Ленин пишет: «Семидесятые годы затронули совсем ничтожные верхушки рабочего класса. Его передовики уже тогда показали себя, как великие деятели рабочей демократии, но масса еще спала. Только в начале 90-х годов началось ее пробуждение...», или там же: «Передовой отряд демократии России просыпался,— и через *десять лет* он показал себя во весь рост» (т. 22, с. 72, 73).

В. И. Ленин, выражая свое отношение к различным колебаниям рабочей и крестьянской массы, называет их болезнью, создает в своих статьях ассоциативные картины, насыщенные медицинской терминологией. Особенно интересна в этом смысле статья «Болезнь реформизма», где читаем: «И мы вам ответим: вы больны реформизмом, это очевидно. У вас „навязчивая идея“... Болезнь опасная. Доктора из „Луча“ залечат вконец» (т. 22, с. 218). Или там же: «Тяжелая болезнь, которая вас отравила, вызвана очень распространенной бациллой. Это — бацилла либеральной рабочей политики, или, иначе, ликвидаторства. Это носится в воздухе» (т. 22, с. 220).



По мере роста классовой борьбы острее и резче становится газетная публицистика В. И. Ленина, возрастает и оценочная роль метафор в выражении авторской позиции. В публикациях 1917 года и во время, непосредственно предшествующее революции, активизируется, например, употребление слов *шквал*, *вихрь*, *буря*, *океан*, *корабль*, с одной стороны, и *развалиться*, *рухнуть*, *бойня*, *душить*, *протаскивать*, *подкрашивать*, *кормить*, *отуплять* и т. п. — с другой.

Такие метафоры выражают авторское отношение к борьбе народных масс, создают обличительные характеристики обстановки, режима, правительственной политики, врагов рабочего класса и крестьянства. Так, положительной экспрессией окрашены слова, характеризующие социалистическую революцию, республику рабочих и крестьян, первую рабочую газету: «...ближайшей нашей задачей было... удержать эту власть, этот факел социализма...» (т. 37, с. 9); «Будем же продолжать их дело, дружно поддерживая и развивая рабочую газету столицы — первую ласточку той весны, когда вся Россия покроется сетью рабочих организаций с рабочими газетами» (т. 22, с. 70—71).

И совершенно другие метафоры использует В. И. Ленин для характеристики идейных врагов партии и народа, буржуазного правительства, его лидеров и политики, буржуазных газет. Эти метафоры рассчитаны на отрицательную реакцию читателя. «Наступил острый момент классовой борьбы,— разлетелись сразу в пух и прах иллюзии конституционного „порядка“ и „демократической республики“ — растерялись и скатились в болото наши обыватели в должности социал-демократических членов городской управы» (т. 22, с. 79). «...„Русские Ведомости“ — одна из первых либеральных газет, которая ставила подножку первому серьезному и глубокому движению масс в России...» (т. 24, с. 76). Остро публицистически звучит гиперболизированная метафора, употребленная на первом месте и выделенная курсивом, с помощью которой емко охарактеризована обстановка внутри страны: «Один кровавый комок — вот что такое общественно-политическая жизнь переживаемого нами исторического момента» (т. 31, с. 14).

Строительным материалом для многих метафор оказываются стилистически нейтральные (неоценочные) слова (*барометр, почва, поезд, телега, кирпич, рельсы* и др.), которые в экспрессивно окрашенных контекстах получают определенную окраску. Например: «Кроме необыкновенного ускорения всемирной истории нужны были особо крутые повороты ее, чтобы на одном из таких поворотов телега залитой кровью и грязью романовской монархии могла опрокинуться *сразу*» (т. 31, с. 13) — здесь слово *телега* получает от контекста резко отрицательную окраску; так же используются термины искусства (*театр, актер, роль, режиссер* и т. п.): «Эта восьмидневная революция была, если позволительно так метафорически выразиться, „разыграна“ точно после десятка главных и второстепенных репетиций; „актеры“ знали друг друга, свои роли, свои места...» (т. 31, с. 12).



Приведенный материал показывает, что метафоры являются действенным социально-оценочным средством в общем арсенале разнообразных приемов, определяющих стиль ленинской газетной публицистики. Соотношение понятийных и эмоционально-экспрессивных (образных) средств в ней всегда оказывалось тесно связанным с особенностями общественно-исторического развития и было ориентировано на массового читателя.

Л. И. ЖИТЕНЕВА
Ленинград



К 110-летию
со дня рождения

Имя А. М. Коллонтай, участницы Великой Октябрьской социалистической революции, первой в мире женщины-посла, широко известно. Ее литературное наследие — беллетристические произведения, научные работы, пропагандистские статьи и речи, выступления на конгрессах, доклады на съездах и конференциях, мемуары — представляет

огромный интерес. А. М. Коллонтай любили слушать и тепло встречали рабочие, солдаты, матросы, работницы на женских митингах. Неизменным успехом в период эмиграции пользовались ее речи у немецких, американских, норвежских, шведских рабочих. После революции она часто выступала перед гражданами молодой Советской республики.

Воспитывалась Александра Михайловна дома и получила прекрасное образование. Ее учительницей была старая народница, которая оказала на нее сильное влияние. Еще в ранние годы А. М. Коллонтай увлеклась социально-экономическими вопросами, читала марксистскую литературу. Ее интересовала жизнь заводских рабочих и работниц, она помогала стачечникам и заключенным, участвовала в демонстрациях, руководила революционными кружками.

Несколько лет А. М. Коллонтай провела в Швейцарии, Швеции, Англии, Германии, где изучала социально-эко-

Александра Михайловна КОЛЛОНТАЙ 1872—1952

номические науки и рабочее движение. Там же она познакомилась с Розой Люксембург, Карлом Либкнехтом, Августом Бебелем, Полем и Лаурой Лафарг, К. Каутским, Г. В. Плехановым. Много печаталась и выступала с речами.

В 1905 году А. М. Коллонтай принимала участие в демонстрации рабочих к Зимнему дворцу. Затем помогала печатать и распространять подпольные листовки, призывавшие к вооруженной борьбе с царским самодержавием. В апреле этого же года она выступила на первом общеженском митинге в Петербурге. Представительницы буржуазного движения и меньшевики на этом митинге защищали «единую женскую платформу». В своей речи А. М. Коллонтай призвала обратить больше внимания на печальную судьбу и бесправие работниц. Это выступление идеологические противники встретили бурей неодобрения. Однако решительность, страстность, убежденность А. М. Коллонтай привлекли многих пролетарских слушателей. «Мое выступление дало свои результаты: и в партию потянулись работницы», — вспоминала А. М. Коллонтай.

В ноябре 1905 года А. М. Коллонтай впервые увидела В. И. Ленина и слушала его выступление, познакомилась с Н. К. Крупской. Позднее участвовала в многочисленных конгрессах и съездах за рубежом и в России, постоянно выступала на митингах с пропагандистскими речами, много занималась литературной работой.

В сентябре 1910 года в Копенгагене закончился

VIII Международный конгресс II Интернационала. Девятьсот делегатов из разных стран заполнили городскую ратушу столицы Дании. Хозяева — датские социал-демократы — устроили прощальный прием для своих гостей. Все очень торжественно и в то же время непринужденно. Стихийно возникает митинг. И. М. Майский, впоследствии видный советский дипломат и академик, в книге «Годы. События. Факты» (М., 1973) так описывает выступление на нем А. М. Коллонтай: «Вдруг на маленькую трибунку, с которой говорят ораторы, порывисто взбежала Коллонтай. Она говорила лишь минут пять. Говорила о том, как она счастлива быть среди товарищей из разных стран мира, как вдохновляет ее неудержимый рост социалистического движения, как твердо верит она в конечное торжество пролетариата и установление на земле царства справедливости и всеобщего братства. Слова были простые, обыкновенные, но как они были сказаны! И слушатели были действительно увлечены пламенной речью оратора. Их восторг возрос еще более, когда Коллонтай, произнеся сначала свою речь по-немецки, повторила ее затем — все с тем же энтузиазмом! — по-английски и по-французски. Коллонтай была устроена бурная овация».

В 1912 году А. М. Коллонтай была приглашена в Стокгольм для выступления на первомайском митинге. Она произнесла пламенную речь на обширном поле Ерте перед тысячами людей. Риторические вопросы, восклицательные предложения, разнообразные повторы заставляли слушателей активно сопереживать речь: «Пусть буржуазия, пусть капиталисты говорят о вращении социализма в существующий строй! Ничего подобного не может произойти. Можно ли говорить о таком вращении, когда в Лондоне ежегодно 200 тысяч человек умирают в трущобах и рабочих заведениях? Может ли стоять вопрос о вращении, когда в Париже постоянно 500 тысяч лиц ходят без работы?» (Избранные статьи и речи. М., 1972).

Эмоциональная речь обладает огромной силой воздействия на слушателей. В своей речи А. М. Коллонтай идет от частных фактов к обобщающим выводам. И каким эмоциональным призывом завершается это замечательное выступление: «И если буржуазия говорит о войне, то мы отвечаем тысячами голосов организованных рабочих: „Мы не хотим войны! Мы требуем мира! Долой войну!..“».

В 1915 году А. М. Коллонтай прибывает в Нью-Йорк и начинает агитационно-пропагандистское турне по Аме-

рике. Только за 73 дня она выступила 65 раз и провела в вагоне почти 17 суток. Вот что Коллонтай записала в своем дневнике: «Если судить по собраниям, аплодисментам, отзывам, по тому, что каждое следующее собрание в городе привлекает все больше и больше народу, можно думать, что успех большой, мною довольны» (Коллонтай А. М. Из моей жизни и работы. М., 1974).

После США — опять работа за рубежом по заданию В. И. Ленина, многочисленные публикации и выступления с речами. В марте 1917 года она возвращается в Петроград из Норвегии и активно включается в подготовку Октябрьской революции. Ее вводят в редакцию «Правды», избирают в Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. А. М. Коллонтай ежедневно видит на массовых митингах трудящихся, слушают солдаты Петроградского гарнизона и матросы на кораблях Балтийского флота. Она говорит о мире, о войне, о революции.

В дни Октября Александра Михайловна — в Смольном — штабе восстания, а затем участвует в работе II съезда Советов. Она входит в состав Совета Народных Комиссаров первого созыва в качестве наркома государственного призрения (так называлось социальное обеспечение). После революции много внимания уделяет работе среди женщин, выпускает книги, пишет статьи, выступает с речами. Позднее переходит на дипломатическую работу.

*

А. М. Коллонтай умела быстро установить контакт с аудиторией, которую она мгновенно подчиняла себе. Она говорила горячо, взволнованно и чрезвычайно просто. Эта простота, искренность привлекала к себе слушателей, становилась для них как бы эмоциональным фоном содержания. «Не забудьте, товарищи, что революция сейчас глубоко коснулась устоев семьи. Нам необходимо воспитать в самом деле нового человека. Но кто же воспитывает этого нового человека-борца с чувствами солидарности, с чувствами глубокой ответственности своей перед коллективом, как не сознательная работница, которая сама является участницей борьбы этого коллектива и знает, что такое общественная ответственность? Нам необходимо сейчас идти на помощь уничтожающемуся на наших глазах непроизводительному домашнему хозяйству, заме-

няя его сетью потребительских коммунистических учреждений. Не бойтесь, что мы насильно разрушаем дом и семью... Наоборот, когда мы идем с агитацией на фабрики и заводы и говорим: „Стройте общественные столовые и общественные прачечные“, — женщины не дают нам прохода и требуют, чтобы мы немедленно осуществляли намеченный план». Сколько чувств вложила Александра Михайловна в эти слова о работе среди женщин, произнесенные ею на VIII съезде РКП(б) 22 марта 1919 года! Да и сами мысли, которые были высказаны ею, волновали слушателей.

Интересна структура этого отрывка, от которой и зависит создание устойчивого эмоционального отношения слушателей к содержанию. Вначале оратор призывает не забывать о завоеваниях революции, затем говорит о цели — воспитании нового человека и о тех, кто его будет воспитывать (риторический вопрос), потом снова говорит о цели, а в конце отрывка — опять призыв не бояться социалистических преобразований. Таким образом, слушатели как бы размышляют вместе с оратором.

*

Убедительность, наступательный характер, популярность, доходчивость, конкретность, доверительность тона — это характерно для речей А. М. Коллонтай. Вот она выступает перед молодежью на II Всероссийском съезде РКСМ (5 октября 1919 г.). Ее речь проникнута динамикой, движением, в стремительном ритме фразы она передает патриотический накал 1919 года. Так, о молодежи А. М. Коллонтай говорит: «Она рвется вперед, она хочет творить ту новую жизнь, которая рисуется ей в радужных красках, потому что новая жизнь будущего есть жизнь молодежи».

Большое место оратор отводит здесь художественно-образной системе воздействия: использует различные изобразительные средства, вызывающие необходимые ассоциации слушателей. «Частной индивидуальной собственности нанесен смертельный удар. И от этого удара легче дышать рабочей молодежи, потому что частная собственность является тем орудием, с помощью которого вы, пролетарская молодежь, лишалась возможности жить, свободно дышать, творить и развивать свои собственные способности, те качества, которые дала вам природа. Вы

были сжаты в тисках, и не было выхода до того момента, пока неизбежно царила частная собственность». О старой и новой жизни, об индивидуализме и коллективизме, о принудительном и свободном труде говорится просто, конкретно, по-деловому. И каждая мысль была понятна молодым строителям нового общества.

А. М. Коллонтай умела найти необходимый для выражения мысли и для воздействия на слушателей способ образного обобщения. Слова приобретают разнообразные смысловые оттенки, воспринимаются в сложной системе целого. Вот еще один отрывок из речи на II Всероссийском съезде РКСМ:

«Вы, собравшиеся здесь, уже есть зачатки этого нового царства. Нам ясно сейчас, что прежней молодежи [больше] нет. И когда у нас такая молодежь стоит на страже революции, нам не страшны Деникины и другие враги рабочего класса... Но помните, товарищи, что для того, чтобы победить наших врагов, нужно, чтобы вы сами стали тем новым человеком, без которого невозможна победа. Нужно, чтобы в основание вашего движения легло чувство солидарности рабочих всего мира. Необходимо, чтобы одновременно с этим вы поняли, что самоотверженность ваша, с помощью которой мы можем отразить врага, поднимает вас и отдаляет от старого мира и помогает нам положить новые камни фундамента будущего. Мы верим, что вы поможете нам укрепить новое здание».

Все образные средства здесь связаны между собой и выражают основную мысль: строительство и защита нового общества («зачатки этого нового царства», «молодежь стоит на страже революции», «помогает нам положить новые камни фундамента будущего», «укрепить новое здание»).

*

Образность и простота, яркость и точность, эмоциональность и лаконичность — вот признаки и качества речей и публицистики А. М. Коллонтай. Она была талантливым публицистом и оратором, неутомимым пропагандистом передовых, прогрессивных идей.

Н. Н. КОХТЕВ

Рисунок Б. Захарова

Александр Иванович Герцен относится к числу писателей, сыгравших значительную роль в пополнении и обогащении словаря русского литературного языка в послепушкинскую эпоху. Вопреки нападкам пуристов, Герцен обращается в своих произведениях к отвлеченно-книжной лексике, имевшей ограниченное распространение в художественной литературе того времени и часто не засвидетельствованной словарями 40-х годов.

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

К 170-летию
со дня рождения

НОВАТОРСТВО А. И. ГЕРЦЕНА

В своей классической статье «Памяти Герцена» В. И. Ленин показал, какое великое историческое значение имела деятельность А. И. Герцена. Создав вольную русскую прессу за границей, Герцен нарушил «рабье молчание», «он поднял знамя революции», пробудил к деятельности новое поколение борцов освободительного движения в России — революционеров-разночинцев во главе с Чернышевским. «В крепостной России 40-х годов XIX века, — писал В. И. Ленин, — он сумел подняться на такую высоту, что встал в уровень с величайшими мыслителями своего времени... Герцен вплотную подошел к диалектическому материализму и остановился перед — историческим материализмом» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 256).

40-е годы XIX столетия в истории России были духовным преддверием демократической революции.

Представители и продолжатели гоголевской школы — Белинский и Герцен, Тургенев, Салтыков-Щедрин и Некрасов, обличая существующий порядок, будили в широких массах ненависть к «гнусной расейской действительности», к самодержавию и крепостническому произволу.

Среди писателей — представителей гоголевского направления — Герцен занимает несколько особое место. Его многосторонняя деятельность публициста, философа, писателя, его энциклопедизм, отвечающий потребностям эпохи, его мировоззрение наложили своеобразный отпечаток на все его художественное творчество.

«Религия грядущего общественного пересоздания — одна религия, которую я завещаю тебе. Иди в свое время проповедывать ее к нам *домой*; там любили когда-то мой язык, и, может, вспомнят меня».

Из посвящения сыну
Александру к письмам
«С того берега»



Герцен явился создателем художественных произведений, в которые свободно вошли философия, наука и публицистика.

В своих произведениях Герцен обличал общественно-политическое устройство царской России, рассматривал влияние окружающей социальной среды на человеческую личность, поднимал вопросы морали, семьи, воспитания, общественно-полезной деятельности. Все это требовало новых идеологических понятий и новых средств для их выражения. И «Сорока-воровка», и «Доктор Крупов», и роман «Кто виноват?» — все это произведения особого жанра, сочетающего художественное обобщение с научно-философскими характеристиками явлений и людей. Эта особенность художественного творчества требовала свободы от условностей определенного жанра, соединения разнообразных элементов научно-публицистической и художественной речи.

*

Своеобразный, свободный язык Герцена высоко оценивался и современниками и писателями последующей эпохи. Так, И. С. Тургенев в письме к Герцену отмечает: «...язык твой легкий, быстр, светел и имеет свою физиономию». В. Г. Белинский писал: «У тебя свой особенный род, под который подделываться так же опасно, как и под произведения истинного художества. Как нос в гоголевской повести того же имени, ты можешь сказать о себе: «Я сам по себе» (Из письма Герцену, 6 апреля 1846 г.).

Общественные вопросы эпохи, волновавшие русское общество, идеологическая борьба, общественные идеалы нашли свое отражение в образовании определенной терминологии. Вот почему в романе «Кто виноват?», в повестях «Сорока-воровка» и «Доктор Крупов» значителен пласт отвлеченно-книжной лексики — *самобытность, деятельность, современность, действительность, нравственность, всесторонность, патриархальность, убеждение, обличение, направление, назначение, влияние, существование, развитие, сознание*, — характерной для языка передовой публицистики 40-х годов.

Значительное количество отвлеченно-книжных слов, встречающихся в произведениях Герцена и статьях Белинского, не зарегистрировано ни Словарем Академии Российской, ни Словарем П. Сокколова 1834 года. Многие из них не вошли в новый словарь 40-х годов — академический Словарь 1847 года. Например, совсем не внесены в него такие слова, как *своеобычность, разобщенность, чуждость, неразвитость, распущенность, несродность, ненужность, натянутость*, употребленные в романе «Кто виноват?».

*

Новаторских тенденций в литературном языке 40-х годов не понимали и не принимали литературные старожилы того времени.

Как известно, в «Москвитянине» в первом номере за 1848 год славянофил Шевырев опубликовал свой «Словарь солецизмов, варваризмов и всяких измов современной русской литературы», открывая его словарем «искандеризмов». Шевырев и Булгарин «нелепостями, безграмотностями» считали введение Герценом в литературный обиход следующих, например, слов со значением отвлеченного качества или действия; *необдуманность, запущенность, деликатность, ненужность, несбыточность, неразвитость, требовательность, смуглость, распущенность, несродность, развитие, нововведение, самопожертвование* и т. п. — то есть именно таких слов отвлеченно-книжного языка, которые вошли в 40-е годы в журнально-публицистический стиль и в дальнейшем закрепились в литературном языке.

В этих и подобных словах происходили своеобразные семантико-морфологические процессы.

Например, слово *возможность* у Герцена в романе «Кто виноват?» употреблялось в значении «заложенные в человеке потенциальные качества»: «...Можно было предполагать, что жизнь задавила в нем не одну возможность». А Словарь 1847 года его толкует, как «состояние возможного». Герценовские новообразования соответствовали строю и потребностям языка. Так, многим словам

Герцен придавал новое значение, расширяя сферу их употребления. В Словаре 1847 года слово *личность* толкуется: 1) отношение одного лица к другому. Никакая личность не должна быть терпима в службе. 2) Колкий отзыв на чей-либо счет, оскорбление. Не должно употреблять личностей. Ср. у Пушкина: «Но что всего важнее, г. Полевой доказал, что Михаил Трофимович несколько раз позволял себе личности в своих критических статьях...»

В то же время, как отмечая В. В. Виноградов, уже с конца XVIII века слово *личность* начинает употребляться в значении: человеческая индивидуальность, наделенная неповторимыми субъективными признаками — с одной стороны, с другой — как социальная единица, член общества, обладающий определенными гражданскими правилами и обязанностями, осознанием своей общественной значимости.

В 40-е годы в русской художественной и публицистической литературе слово *личность*, по словам В. В. Виноградова, «выступает как выражение центрального понятия мировоззрения».

В «Письмах с того берега» Герцен пишет: «В самые худшие времена европейской истории мы встречаем некоторое уважение к личности, некоторое признание независимости...»

В новом публицистическом значении данное слово А. И. Герцен употребляет и в художественных произведениях, например, в романе «Кто виноват?»: «...У нас не личность, не общие интересы развиваются...» или в повести «Долг прежде всего»: «Этот характер и среда, в которой он развивался, наша родная почва, или лучше, наше родное болото, утягивающее, морящее исподволь, заволакивающее непременно всякую личность, как она там ни бейся,— вот что мне хотелось представить в моей повести».

Таким образом, на слово *личность*, на его применение оказали громадное влияние философские учения, особенно В. Г. Белинского, А. И. Герцена, философское словоупотребление в 20—40-х годах... (см.: Виноградов В. В. Из истории слова *личность* в русском языке до середины XIX в. МГУ, 1946).

Герцен верил в наступление лучшего будущего. Из глухой, давящей самодержавной России ему виделась «новая жизнь России». В его употреблении слово *будущность* приобретает характер публицистического термина, противопоставляемого понятиям — действительность, современность. «Да, износил, истер, исказил все хорошее alexandrovского поколения, все, хранившее веру в близкую будущность России...» (Долг прежде всего) или: «...передо мной носились знакомые образы и виды, луга, леса, черные избы на белом снегу, черты лиц, звуки песен.., и я верил в близкую будущность России, верил, когда все сомневались, когда не было никакого оправдания вере» (Кто виноват?).

В отвлеченных существительных, выражающих понятия действия или состояния, в некоторых случаях категория действия заменяется новой семантической категорией, далекой от первоначального действия. Так, Герцен и Белинский слово *развитие* последовательно употребляли в значении: 1) рост человеческой личности, сознание человека, его духовная и интеллектуальная зрелость; 2) общественное развитие, прогресс. Герцен считает «высшей целью жизни человеческой развитие, во что бы оно ни стало, какие бы оно последствия ни привело...» (Кто виноват?). Ср. у Белинского «Да, я любил вас со всею страстью, с какою человек, кровно связанный со своею страной, может любить ее надежду, честь, славу, одного из великих вождей ее на пути сознания, развития, прогресса» (Письмо к Гоголю).

Или, например, *мышление* в Словаре 1847 года характеризуется как «действие мыслящего». У Герцена оно получает новые семантические оттенки — это способность человека мыслить, рассуждать: «Лицо, одаренное смелым и резким мышлением» (Кто виноват?).

Не только книжные образования с суффиксами *-ость*, *-е(ни)е*, о которых шла речь, становятся принадлежностью публицистического стиля в 30—40-х годах. Переосмысляются, расширяют свое значение такие существительные, как *вопрос*, *быт*, *поприще*, *начало*, *обстановка*, *обстоятельства*, *интересы*, *дело*, *борьба* и др.

Слово *быт* вошло в литературный язык из живой народной речи (в областной речи оно означало «имущество, средство к жизни, скarb, пожитки»; ср. в «Записках» Державина: «Отправил весь свой домашний быт зимним путем до Твери...»).

В первой четверти XIX века отвлеченно-обобщенное значение слова *быт* вытеснило первоначальное, конкретное. Проследим по словарям его значения. В Словаре П. Соколова 1834 г.: *быт...* Употребляемое в просторечии. К означению состояния или бытия чего (т. I, с. 164). В Словаре 1847 г.: *быт* 1) бытность. Это не в нашем быту случилось. 2) состояние или бытие чего-либо (т. I, с. 92).

Герцен употребляет слово *быт* в значении «общий уклад повседневной жизни, определенная общественная среда, нравы и обычаи». Например, в словосочетаниях *национальный быт* (Кто виноват?), *сельский быт* (Сорока-воровка). То же мы наблюдаем и у Белинского: *патриархальный быт*, *юридический быт*, *допетровский быт* и т. п.

«В период расцвета натуральной школы,— пишет В. В. Виноградов,— в 30—40-е годы XIX века слово *быт* и производное от него *бытовой* становятся боевыми словами реализма» (Из истории лексических взаимоотношений русских говоров и литературного языка).

Общественно-политический смысл слова *борьба* выступает уже в поэзии декабристов. В передовых кругах 30—40-х годов *борьба* — это какое-то внутреннее противодействие окружающему, протест личности против современной действительности. Вспомним у Герцена в романе «Кто виноват?»: «Достоинство жизни человеческой — в борьбе». В «Былом и думах» публицистическое значение слова *борьба* получает большую определенность, законченность: «Сиделось солнце, купола блестели... постояли мы, постояли... и вдруг, обнявшись, присягнули в виду всей Москвы пожертвовать нашей жизнью на избранную нами борьбу». Как известно, позднее в отчетливом революционном звучании это слово очень характерно для поэзии Некрасова: «Пел он о славном походе и о великой борьбе» (Дедушка); «Кто, служа великим целям века, жизнь свою всецело отдает на борьбу за брата человека, только тот себя переживет» (Зине).

*

В словоупотреблении Герцена находим отражение характерного для публицистического языка 40—60-х годов «обобществления» (термин В. В. Виноградова) ряда естественнонаучных терминов. Достойным осуждения Шевырев признал употребление Герценом слова *среда* в значении «окружающая обстановка, социально-бытовые условия, общественная жизнь и т. п.». В аналогичном значении употребляется в публицистических стилях 40-х годов слово *сфера*, которое в словарях того времени засвидетельствовано только как специальный научный термин (земная сфера). У Герцена: «В этих низменных сферах общественной жизни душа вянет, сохнет в вечном беспокойстве...» (Кто виноват?). «Не лучше ли, куда бы судьба ни забросила, стараться делать пользу, пользоваться всем настоящим, окружающим — словом, действовать в той сфере, в которую попал...» (Записки одного молодого человека).

В этом же ряду значений находится термин *атмосфера*. В Словаре 1847: *атмосфера*... Газообразная жидкость, окружающая землю. В Словаре В. И. Даля: *атмосфера*... Воздух со всеми природными примесями, колоземица... И только в 60-е годы этот термин получит широкое распространение в «обобществленном» значении (у Добролюбова, Писарева, например). Слово *атмосфера* в расширенном значении в 30—40-е годы мы находим у А. И. Герцена и В. Ф. Одоевского. Например, в романе «Кто виноват?»: «Кто не знает старинной приметы, что дети, слишком много обещающие, редко много исполняют. Отчего это? Вопрос премудренный. Я его не умею и не хочу разрешать, но думаю, что решение его надобно скорее искать в атмосфере, в окружающем, в влияниях и соприкос-

новениях, нежели в каком-нибудь нелепом психическом устройстве человека». Ср. в «Былом и думах»: «...Я не могу сказать, чтоб мой отец особенно теснил меня, но просто вся атмосфера нашего дома была тяжела для живого мальчика».

Известными «заместителями» публицистических терминов *среда, сфера, атмосфера* оказываются такие нейтральные слова, как *обстановка и обстоятельства*. В качестве публицистических терминов они будут употребляться позже, в 60-е годы. Герцен предвосхищает их смысловой сдвиг уже в своих произведениях 40-х годов. «Наша жажда видных и громких общественных положений показывает великое несовершенство наше, отчасти неуважение к самому себе, которые приводят человека в зависимость от внешней обстановки» (Кто виноват?). «Случай, которому вы, кажется, придаете всю мощь греческого фатума, имеет влияние над внешней стороной жизни, так сказать, над обстановкой» (Записки одного молодого человека).

Было бы неправильно утверждать, что именно Герцен ввел в русский литературный язык целый ряд слов отвлеченно-книжной лексики. Многие слова подобного типа находим в языке Радищева, Карамзина, декабристов и Пушкина. Однако их широкое употребление началось в 30—40-е годы, и этому способствовало прежде всего новаторство Герцена, благодаря которому эти новые значения получили наиболее полное использование и развитие.

Осуждаемое пуристами герценовское новаторство на самом деле не только не противоречило «духу языка» (писатель умело использовал богатейшие возможности русского словообразования), но было направлено именно к тому, чтобы обогатить, пополнить, обновить литературный язык в направлении, заданном Пушкиным. Вспомним, как сетовал Пушкин: «...метафизического языка у нас вовсе не существует». Ему вторил Белинский: «Как еще беден русский язык для выражения предметов науки, общественности,— словом, всего отвлеченного, всего цивилизованного, глубоко и тонко развитого, даже ежедневных житейских отношений...» (Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1955, т. IX, с. 226).

Герцен чутьем большого мастера слова понял, почувствовал эти новые потребности русского литературного языка, заметил и развил в нем «ростки нового».

По словам Л. Н. Толстого, Герцен «уже ожидает своих читателей впереди» (Из записи в дневнике от 12 октября 1905 г.)

Н. П. РУДНЕВА

Коломна

Рисунок В. Комарова



О диалогах у Глеба Успенского



В сочинениях Глеба Успенского, как и других очеркистов второй половины XIX века, диалогическая речь выступает основным элементом композиционно-стилистической структуры художественно-публицистических жанров. Это было обусловлено глубоким демократизмом передовой русской литературы и публицистики, ее интересом к жизни народа, стремлением раскрыть «диалектику души» простого человека.

В диалогах Успенского нашла яркое и разноплановое отражение народно-разговорная речь — речь крестьян, горожан-простолудинов, солдат, мастеровых, низшего духовенства. В произведениях писателя она отбирается и обрабатывается в соответствии с идейно-эстетическим замыслом автора и выполняет важную роль в композиции, в обрисовке многочисленных персонажей, в их социально-речевой и психологической характеристике.

Диалогическая речь в очерках Глеба Успенского, особенно 70—80 гг., во многом создает неповторимый стилистический облик этих произведений. Она включается в авторский монолог, где излагаются взгляды публициста по животрепещущим вопросам русской жизни.

У писателя есть очерки, которые целиком или почти целиком построены на диалоге персонажей. Таков, например, очерк «Прогулка», композиционно-стилистическую структуру которого по существу составляют диалоги. В них же раскрывается и идея произ-

ведения, и характеры персонажей. Образность «Прогулки» построена на диалогах, в которых отражаются социальное положение персонажей, их настроения, переживания, чувства. Аналогичное можно утверждать и относительно таких очерков, как «Остановка в дороге», «Мнение фельдшера Кузьмичева о современном обществе», «Дыхнуть некогда» и др.

*

Одна из наиболее общих существенных функций диалога — сделать более конкретными, наглядными и фактически достоверными, а тем самым и неотразимо убедительными наблюдения и горькие размышления очеркиста над происходящими в русской деревне, в российской действительности глубинными социальными процессами.

В очерках «Из деревенского дневника» Глеб Успенский размышляет над тем, как «бьется» деревня из-за денег. Движимые единственным стремлением «добыть денег» для уплаты всевозможных податей, крестьяне идут на самые невероятные ухищрения. Об одном из таких ухищрений — «обслуживании» приезжих господ-охотников и рассказывает автор, прибегнув к «групповому» диалогу, в котором мужики с подкупающей непосредственностью и откровенностью раскрывают друг перед другом секреты «подхода» к богатому барину, чтобы «пондравиться» ему ради лишней кредитной бумажки. «„Пондравиться“ приезжающим господам — первая забота слепинских мужиков», — заключает Глеб Успенский.

Этот диалог, растянувшийся на четыре с лишним страницы, — живое свидетельство безвыходного экономического положения крестьян. И одновременно — прекрасный образец мастерского воспроизведения народной речи, ее живописности, остроты неподдельного юмора, того свободного народного, правдивого слова, которое услышишь, по признанию Глеба Успенского, только тогда, когда мужики разговаривают «промежду себя». Этот диалог выразительнее и действеннее многих статистических выкладок раскрывал перед читателями Глеба Успенского его тезис: «измененные экономические и общественные условия в положении мужика, изменившие — или, по крайней мере, изменяющие его нравственный мир...»

Данный диалог включен в текст без специальных слов, вводящих прямую речь. Примыкая к авторскому изложению, он как бы продолжает его. Объединенный общей идеей с публицистическими размышлениями очеркиста, диалог не только подтверждает, иллюстрирует мысли автора, но развивает их, конкретизирует. Поэтому-то отпадает необходимость в словах, вводящих диалог. Они

только отвлекли бы внимание читателя. Такой прием построения очеркового текста распространен в творчестве Глеба Успенского. Он многозначителен в силу того обстоятельства, что обычно воспроизводятся «разговоры» крестьян. Диалог позволяет непосредственно сформулировать народный взгляд на конкретные события, на социальные процессы. А «слитность» диалога с авторским текстом подчеркивает солидарность, идейную близость позиции публициста с крестьянством.

*

Вариантом «вставного» диалога представляются диалоги (обычно между «проходными» персонажами, реже — между автором и персонажем) в составе сценки, искусно «вмонтированной» в авторское изложение, в которой и благодаря которой мысль публициста обретает рельефное, эмоционально напряженное воплощение. В таких миниатюрах, часто имеющих самостоятельное художественное звучание, основная идейно-изобразительная и оценочная нагрузка приходится именно на диалог или на отдельные реплики. Во «Власти земли» Глеб Успенский рассказывает о встрече со «старым-престарым» крестьянином, который сдал землю «в общество», так как сил работать у него уже нет, а сам пошел странствовать по святым местам. «О чем же вспоминает этот старик, стоящий на краю гроба?.. — спрашивает очеркист, — он вспоминает только землю».

« — Жалко было бросать-то? — спросил я.

— Вот как жалко, сказать не могу... И-и, матушка родная!.. И буквально с плачущими нотами в голосе продолжал:

— По де-вя-но-сто мер хлеба се-я-ал!.. Ов-вес у меня крестецкий, тя-а-желый-претяжелый... Бывало, до свету примутся мои бабы жать, что огнем палят...» (Успенский Г. И. Полн. собр. соч., М., 1953, т. VIII).

Обращают на себя внимание слова, вводящие прямую речь (...буквально с плачущими нотами в голосе...), а также графическое воспроизведение речи старика, передающее тот эмоциональный настрой, с которым он вспоминает о своей прошлой жизни, полной радостей и забот земледельческого труда.

Такие «вставки» — характерная композиционная деталь очерков Глеба Успенского. Пользуясь ими, писатель передает в форме диалога рассказ персонажа о его жизни, судьбе, о происшествии и случаях, чаще всего трагических. Таковы в очерках «Из деревенского дневника» рассказ пчеляка о жене Кузнецова, сошедшей с ума, сценка в железнодорожном вагоне — рассказ старушки, везущей в мешке трупики младенцев, трагическая судьба крестьянской семьи, поведенная автору стариком-сторожем и т. д. Во всех

этих и других «вставных» эпизодах, сюжетно завершенных, читатель находит живые свидетельства окружающей его действительности, которая, по словам Глеба Успенского, «так громко кричит о неправде и зле, что не слышать этого крика или успокаиваться фантазиями — положительно невозможно». И публицист говорит о том, «о чем кричит действительность». И живые свидетели, их голоса, полные трагизма и безысходности, звучат со страниц, написанных «кровью сердца».

Диалог в очерках Глеба Успенского служит своеобразным поводом для начала публицистического обсуждения острой социальной проблемы или для широкого социологического обобщения. Обычно в ходе «разговора» сообщается нечто новое или обсуждается какое-либо событие, чей-нибудь поступок, что служит автору материалом для дальнейших обобщений.

Вот иллюстрация «Из деревенского дневника»:

«— Мих-хайла-а! — изо всей мочи, напрягая последние истомленные силы, прокричал стонущий человек и очень часто заохал.

— Кто тут? — приотворив окно, спросил я.

— Ох, родимый, мальчишку ищу... с отцом поехал — ни отца, ни мальчишки... И что случилось!.. о-ох-ох-ох!

Это была женщина.

— Куда ездил-то он?

— На мельницу, родной, — молол.

— Ты была на мельнице-то?

— Была, была... нетути, уехали, да вишь... до дожджа... Хожу, ищу, с коих пор... Видно, что недоброе случилось».

Так при помощи диалога вводится новая ситуация, новый житейский факт, который дает повод автору для социолого-публицистических обобщений.

...Случилось несчастье. Отец с ребенком поехал на мельницу. Отец выпил. На утро нашли его пьяным. Он спал, а под телегой лежал мертвый мальчик. Никто не знает, как это случилось, как, почему свалилась на людей беда, «которая бьет, как гром, никому ничего не объясняя». И «есть ли какая-нибудь возможность распутаться, разобраться что-нибудь в этом глубоком несчастье всему этому несчастному народу?..» — заключает очеркист.

Для стилистики очерков Глеба Успенского характерна такая черта. Взятые из диалога реплика или какое-то выражение становятся не только поводом для публицистического комментария и обобщения, но и своего рода опорой для дальнейших авторских рассуждений, как, например, в начале цикла «Из деревенского дневника». На вопрос «Откуда и как они [мужики] их [деньги] добудут?», поставленный автором, он сам же отвечает так: «На этот

вопрос всякий слепинский мужик может дать вам только такой ответ:

— Откуда!.. Ведь Господь милостив, батюшка.. Человек всю жизнь бьется — все ничего, а вдруг „и из палки выстрелит“!». Этими словами заканчивается 8-я главка, а вся следующая построена по существу на раскрытии смысла выражения *и из палки выстрелит*, которое неоднократно повторяется в авторском изложении, служа его композиционным и содержательным стержнем.

Аналогичную роль в очерковом цикле «Крестьянин и крестьянский труд» выполняет слово *биться*, взятое из речи Ивана Ермаловича, и *очувствоваться* в «Письмах с дороги» — из реплики думающего интеллигента.

*

Для Глеба Успенского типичен диалог, в котором на короткую реплику-вопрос следует пространный ответ, содержащий обстоятельные рассуждения персонажа или его рассказ о своей жизни, о каком-либо событии. Такое построение дает автору широкие возможности выполнить главную задачу: выяснить народный взгляд на действительность, показать читателям сущность крестьянской психологии, внутренний мир мужика, строй его мыслей, его истинное отношение к происходящему вокруг.

К описанной структуре диалога и соответствующему способу изложения своих размышлений, наблюдений над жизнью Глеб Успенский прибегает в циклах «Крестьянин и крестьянский труд», «Власть земли» (здесь это представлено особенно широко) и во многих других очерках.

Последовательное обращение к народно-разговорной речи, щедрое оснащение текста диалогами крестьян и представителей других демократических слоев придавало очеркам Глеба Успенского убедительность и жизненную достоверность, стиль изложения отличался непосредственностью, динамичностью, столь свойственными народному языку.

В заключение подчеркнем, что смелое и свободное вовлечение Глебом Успенским разговорной и народно-разговорной речи в свои очерки в полной мере отвечало ведущим тенденциям развития русского литературного языка послепушкинского периода.

Ю. А. БЕЛЬЧИКОВ

Рисунок В. Комарова

В этом году исполняется 100 лет со дня рождения Корнея Ивановича Чуковского, щедро одарившего книгами самых разных жанров миллионы читателей всех возрастов, и, прежде всего, самых маленьких.

«РЫЦАРЬ РУССКОГО ЯЗЫКА»

Впервые Чуковский заинтересовался миром ребенка в 1907 году, свои наблюдения он опубликовал в статье «Детский язык». Через десять лет родилась его первая сказка для детей — «Крокодил» (1916 г.), затем «Мойдодыр» и «Тараканище», в 20-х годах одна за другой появляются сказки «Муха-Цокотуха», «Телефон», «Федорино горе», «Бармалей», «Айболит», с которыми выросли дети не одного поколения.

Чуковский своими детскими книжками ставил цель, которая «заключается в том, чтобы какую угодно ценою воспитать в ребенке человечность — эту дивную способность человека волноваться чужими несчастьями, радоваться радостями другого, переживать чужую судьбу, как свою...»

В 1928 году после длительного и тщательного изучения психологии маленьких детей Чуковский выпустил книгу «От двух до пяти», в которой отобразил чудесный мир детского словотворчества и убедительно доказал, что даже смешные нелепицы, «перевер-

тыши» идут на пользу воспитанию. Говоря о таланте Чуковского, Ираклий Андроников назвал его «неиссякаемым, умным, блистательным, веселым и праздничным».

Еще одно качество отличает творчество Чуковского — это увлекательность всего, о чем он пишет. В книгах «Лица и маски», «От Чехова до наших дней», «Из воспоминаний», далеко выходящих за рамки мемуарного жанра, повествуя о знаменитых современниках, писатель каждого показывает не только в своем основном творческом облике, но обрисовывает его и в разносторонней органической талантливости, артистичности его натуры. Горький, Репин, Маяковский, Блок, Брюсов, Алексей Толстой, Луначарский и др. ожидают перед нами во всем великолепии их творческой индивидуальности.

Прекрасны переводы М. Твена, О. Генри, У. Уитмена, Р. Киплинга, Честертона и многих других писателей, сделанные К. Чуковским. А ли-

К 100-летию К. И. Чуковского

тературоведческий труд «Мастерство Некрасова», который был удостоен Ленинской премии, профессионалы называют «поэмой о Некрасове».

К. Чуковский с большой любовью относился к русскому языку, чутко реагируя на все изменения, новшества, горячо отстаивая чистоту и выразительность нашей литературной речи. Из многолетних наблюдений над языком родилась книга «Живой как жизнь», которая читается с огромным, неослабевающим интересом.

На литературной странице мы предлагаем читателю выдержки из этой книги К. И. Чуковского, который сам был настоящим «рыцарем русского языка».

...Русский язык, как и всякий здоровый и сильный организм, весь в движении, в динамике непрерывного роста.

Одни его слова отмирают, другие рождаются, третьи из областных и жаргонных становятся литературными, четвертые из литературных уходят назад — в просторечие, пятые произносятся совсем по-другому, чем прожались лет сорок назад, шестые требуют других падежей, чем это было, скажем, при Жуковском и Пушкине.

Нет ни на миг остановки, и не может быть остановки.



Здесь все движется, все течет, все меняется. И только пуристы из самых наивных всегда воображают, что язык — это нечто неподвижное, навеки застывшее, — не бурный поток, но стоячее озеро.

И после Пушкина — сколько появилось оборотов и слов, которые, отслужив свою недолгую службу, либо переосмыслились, либо исчезали совсем!... Молодое поколение (да и то, что постарше) давно освоилось с такими формами, как «Звонила Вера, что завтра уезжает», или: «Позвони Еремееву, чтобы прислал чемодан», но еще Чехов не знал этих форм. Не знал он и формы: «говорить по телефону». Он писал: «Сейчас в телефон говорила со мной Татаринова» (XIX, 231); «Альтшуллер говорил в телефон» (XIX, 231); «Сейчас говорил в телефон грузинский учитель» (XIX, 280); «Сейчас говорил в телефон с Л. Толстым» (XIX, 186) и т. д.

Та же форма в его «Рассказе неизвестного человека»: «Я заказывал в ресторане кусок ростбифа и говорил в телефон Елисееву, чтобы прислали нам икры, сыру, устриц и проч.» (VIII, 180).

Изменение микроскопическое, почти неприметное: замена одного крохотного словечка другим, но именно путем безостановочного изменения микрочастиц языка меняется его словесная ткань.

Иногда привычные слова вдруг приобретают новый смысл, который более актуален, чем прежний. Таково, например, слово *спутник*, которое внезапно прогремело на всех континентах в качестве всемирного термина, применяемого к искусственным небесным телам, из-за чего первоначальное, старое, «земное» значение этого слова сразу потускнело и зачахло. В нашей стране уже растет поколение, которое даже не слышало о том, что в жизни бывают *спутники*, не имеющие отношения к космосу.

Как-то в одной из своих лекций о Чехове я, выступая перед радиослушателями, сказал между прочим, что его обокрали дорожные спутники. Четырехлетний житель Севастополя, Вова, случайно услышал эту фразу, и на лице его появилось выражение ужаса:

— Мама, ты слышишь? Спутника обокрали!

Первоначальное значение этого слова, еще недавно такое живое и ясное, для Вовы, как и для миллиона других его сверстников, просто не существует и не имеет права существовать.

Оно вытеснено новым значением, таким победоносным и величественным.

Каждый живой язык, если он и вправду живой, вечно движется, вечно растет.

Но одновременно с этим в жизни языка чрезвычайно могущественна и другая тенденция прямо противоположного свойства, столь же важная, столь же полезная. Она заключается в упорном и решительном сопротивлении новшествам, в создании всевозможных плотин и барьеров, которые сильно препятствуют слишком быстрому и беспорядочному обновлению речи.

Без этих плотин и барьеров язык не выдержал бы напора бесчисленного множества слов, рождающихся каждую минуту, он весь расшатался бы, превратился бы в хаос, утратил бы свой целостный, монолитный характер. Только этой благодатной особенностью нашего языкового развития объясняется то, что, как бы ни менялся язык, какими бы новыми ни обрастал он словами, его общенациональные законы и нормы в основе своей остаются устойчивы, неизменны, незыблемы:

Как сильно буря ни тревожит
Вершины вековых деревьев,
Она ни долу не положит,
Ни даже раскатать не может
До корня заповедный лес.

Некрасов. II, 461

Пускай она, эта буря, и повалит какую-нибудь одряхлевшую сосну или ель. Пускай где-нибудь под тенью дубов разрастется колючий бурьян. Лес все же останется лесом, какая бы судьба ни постигла его отдельные деревья или ветки. Даже в те эпохи, когда в язык проникает наибольшее число новых оборотов и терминов, а старые исчезают десятками, он в главной своей сути остается все тем же, сохраняя в неприкосновенности золотой фонд и своего словаря и своих грамматических норм, выработанных в былые века. Сильный, выразительный и гибкий язык, ставший драгоценнейшим достоянием народа, он мудро устойчив и строг.

■

В каждую эпоху литературный язык представляет собой равнодействующую этих двух противоположных стремлений, одинаково законных и естественных: одно — к без-

удержному обновлению речи, другое — к охране ее старых, испытанных, издавна установленных форм. Оба стремления, проявляясь с одинаковой силой, обрекли бы наш язык на абсолютный застой, неподвижность. Сила новаторов все же во всякое время превышает силу консерваторов — это-то и обеспечивает языку его правильный рост. Все дело в пропорции, в норме — в гармонии да и нет. Здесь то раздвоение единого и единство противоположностей, которое и составляет самую суть диалектики.

■

«Язык что одежда», — говорит некий английский лингвист. И действительно, на лыжах не ходят во фраке. Никто не явится на официальный бал, облачившись в замусоленную куртку, которая вполне хороша для черной работы в саду.

Из чего опять-таки следует, что мы никогда не имеем права судить о ценности того или иного слова, того или иного оборота чохом и голословно, вне связи с другими элементами данного текста. Очень верно сказано об этом у Пушкина:

«Истинный вкус состоит не в безотчетном отвержении такого-то слова, такого-то оборота, но в чувстве соразмерности и сообразности».

Люди же, лишённые вкуса и языкового чутья, всегда воображают, что об отдельных словах они во всех случаях могут судить независимо от той роли, которую эти слова призваны играть в данном тексте. Им кажется, например, что борьба за чистоту языка заключается в «безотчетном отвержении» всех иностранных речений только за то, что они иностранные.

■

Горе, если признаком научности исследований о том или ином из великих художников слова будет этот якобы научный, а на самом деле канцелярский жаргон, весь насыщенный шаблонными словами. Не отпугиваем ли мы читателей от наших книг и статей именно этим казенным жаргоном?

Ведь литературоведение не только наука, но в значительной мере искусство. Главное в этом искусстве — язык, щедрый, изощренный и гибкий. И чтобы дать литературный портрет того или иного писателя, дать характеристику его творческой личности — будет ли это Герцен, Грибоедов, Крылов или Александр Твардовский — требуется богатей-

шая лексика, изобилующая разнообразными красками. Здесь с такими словечками, как «яркий», «волнующий», «сочный» (если даже прибавить к ним «показал» и «раскрыл»), далеко не уедешь. Не помогут тебе и такие трафаретки, как: «с *исключительной* силой», «с *исключительной* любовью», «с *исключительной* смелостью».

Здесь стандартная фразеология особенно немощна, потому что на страницах твоей статьи или книги придется же тебе процитировать того гениального мастера, о котором ты пишешь, и контраст между его обаятельным стилем и стилем твоих штампованных, казенных сентенций покажется читателю особенно разительным.

■

— Пожалуйста, говорите по-всему, своим языком. Избегайте трафаретов, как заразы. Ибо словесный трафарет есть убийство души, он превращает человека в машину, заменяет его мозги — кибернетикой. А если у школьников из-за канцелярской фразеологии, все еще процветающей во многих классах, мозги уже слишком засорены всевозможными «линиями показа», «яркими раскрытиями образов», научите их преодолеть этот вздор, замутивший их мысли и чувства.

■

Я убежден, что изучение русской литературы станет лишь тогда живым и творческим, если из школьного обихода будет самым решительным образом изгнан оторванный от жизни штампованный, стандартный жаргон, свидетельствующий о худосочной, обескровленной мысли. Против этого жаргона я и восстаю в своей книжке, убежденный в самом сердечном сочувствии педагогов-словесников.

Ибо каждый, кому дорого духовное развитие наших детей, обязан, насколько у него хватит умения и сил, способствовать скорейшему преодолению гнилого и затхлого, ради нового — живого и творческого.

■

Неужели мы, писатели, педагоги, лингвисты, можем только скорбеть, негодовать, ужасаться, наблюдая, как портится русский язык, но не смеем и думать о том, чтобы мощными усилиями воли подчинить его своему коллективному разуму?

Пусть философия бездействия имела свой смысл в былые эпохи, когда творческая воля людей так часто бывала бессильна в борьбе со стихиями — в том числе и со стихией языка. Но в эпоху завоевания космоса, в эпоху искусственных рек и морей неужели у нас нет ни малейшей возможности хоть отчасти воздействовать на стихию своего языка?

Всякому ясно, что эта власть у нас есть, и нужно удивляться лишь тому, что мы так мало пользуемся ею.

Ведь существуют же в нашей стране такие сверхмощные рычаги просвещения, как радио, кино, телевидение, идеально согласованные между собой во всех своих задачах и действиях.

Я уже не говорю о множестве газет и журналов — районных, областных, всесоюзных, — подчиненных единому идейному плану, вполне владеющих умами миллионов читателей.

Стоит только всему этому целенаправленному комплексу сил дружно, планомерно, решительно восстать против уродств нашей нынешней речи, громко заклеить их всенародным позором — и можно не сомневаться, что многие из этих уродств если не исчезнут совсем, то, во всяком случае, навсегда потеряют свой массовый, эпидемический характер.

■

Ведь культура речи неотделима от общей культуры. Чтобы повысить качество своего языка, нужно повысить качество своего интеллекта. Мало добиться того, чтобы люди не говорили *выборá* или *мне ндравится*. Иной и пишет и говорит без ошибок, но какой у него бедный словарь, какие замусоленные фразы! Какая худосочная душевная жизнь сказывается в тех заплесневелых шаблонах, из которых состоит его речь!

Между тем лишь та речь может по-настоящему называться культурной, у которой богатый словарь и множество разнообразных интонаций. Этой культуры никакими походами за чистоту языка не добьешься. Здесь нужны другие, более длительные, более широкие методы. Эти методы и применяются в нашей стране, где народ создал для своего подлинного и всестороннего просвещения столько библиотек, школ, университетов, институтов, академий наук и т. д. Поднимая свою общую культуру, советский народ тем самым поднимает и культуру своего языка.



**К 60-летию
образования
СССР**

РУССКИЙ ЯЗЫК ИЗУЧАЮТ МИЛЛИОНЫ УЧАЩИХСЯ

Велика и многонациональна наша страна — родина Великой Октябрьской социалистической революции, освободившей от векового гнета миллионы трудящихся. Свыше ста наций и народностей населяют СССР, и живут они, трудятся вместе, общими братскими усилиями строя светлое коммунистическое общество. В выполнении этой величайшей задачи огромную роль играет русский язык, добровольно и сознательно избранный ими в качестве средства межнационального общения.

Русский язык в нашем обществе — обществе зрелого социализма — стал для всех народов СССР могучим средством борьбы за претворение в жизнь светлых идеалов человечества.

Являясь свидетелями массового стремления как можно глубже освоить русский язык, мы вспоминаем мудрые слова В. И. Ленина о том, что «великий и могучий русский язык не нуждается в том, чтобы кто бы то ни было должен изучать его *из-под палки*» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 295).

Верная заветам Ленина, наша Коммунистическая партия последовательно осуществляет принцип добровольного овладения нерусскими национальностями русским языком.

В приветствии участникам Всесоюзной научно-теоретической конференции «Русский язык — язык дружбы и сотрудничества народов СССР», состоявшейся в 1979 году в Ташкенте, Леонид Ильич Брежнев отметил, что «в условиях развитого социализма... объективно возрастает роль русского языка как языка межнационального общения в строительстве коммунизма, воспитании нового человека. Свободное владение, наряду с родным, русским языком, добровольно принятым в качестве общего исторического достояния всеми советскими людьми, способствует дальнейшему упрочению политического, экономического и духовного единства советского народа».

Основной линией языковых отношений между народами нашей страны стало двуязычие, при котором русский язык воспринимается таким же своим, как и родной язык. Показательным в этом отношении является Узбекистан — республика, в которой живут и трудятся представители более ста национальностей, с интересом и любовью приобщающихся к великому русскому языку. Ныне подавляющее большинство нерусского населения. Узбекской ССР, в том числе и узбеки, называют русский своим вторым родным языком, которым они свободно владеют. «При его помощи, — пишет кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана Ш. Р. Рашидов, — все нации и народности... приобщаются к научным и культурным достижениям других наций, а также к величайшей сокровищнице русской и мировой науки и культуры» (Рашидов Ш. Р. Язык нашего единства и сотрудничества. М., 1979, с. 28).

Центральный Комитет КП Узбекистана, Совет Министров Узбекской ССР, Министерство просвещения республики, выполняя волю и желание всех народов, населяющих Узбекистан, постоянно, систематически и планомерно направляют всю свою деятельность на оказание конкретной практической помощи в осуществлении мероприятий по совершенствованию изучения и преподавания русского языка во всех звеньях народного образования, повышению качества знания русского языка у всего населения.

Обучение языку межнационального общения мы начинаем с самых ранних лет. Жизнь, многолетние педагогические наблюдения показали, что чем раньше ребенок начинает познавать языки, как родной, национальный, так и русский, межнациональный, тем успешнее он ими овладевает. Поэтому мы в числе первых в стране начали обуче-

ние малышей русской разговорной речи в национальных детских садах. Разработана программа, по которой ведутся занятия по русскому языку среди педагогического персонала узбекских и каракалпакских детских садов.

Практикуются у нас так называемые смешанные сады, где воспитываются дети разных национальностей. Там имеются широкие возможности для общения малышей на русском языке, и ребенок начинает познавать его с самого раннего возраста.

Для детей, не охваченных дошкольными учреждениями, в республике организованы подготовительные классы при общеобразовательных школах, для которых разработана специальная программа по обучению русскому языку, подготовлены методические и учебные пособия.

Заметно увеличилось число воспитателей, свободно владеющих русским языком. Среди них немало энтузиастов-специалистов, передовой опыт многих из них изучен, обобщен и распространен.

На базе ряда опорных детских садов ведется экспериментальная работа по обучению детей русской разговорной речи, начиная с пятилетнего возраста. Созданной при Ташкентском госпединституте имени Низами проблемной научно-исследовательской лабораторией по обучению детей русской разговорной речи в национальных детских садах и начальных классах общеобразовательных школ Узбекистана составлена программа для дошкольных факультетов высших педагогических учебных заведений.

Органы народного образования проводят большую работу по обеспечению глубокого овладения учащимися русским языком. В частности, он является одним из ведущих предметов учебного плана, введено его изучение с первого по десятый класс.

Самое пристальное внимание уделяется проблеме начального обучения русскому языку, где, как известно, закладываются основы знаний.

Специалисты-русисты очень серьезно, с большой ответственностью подошли к такому важному мероприятию, как деление классов на подгруппы при изучении русского языка.

Как показывает опыт работы, успешному овладению русским языком способствует создание школ с параллельными русско-национальными классами. Школы смешанного типа, где одним из языков обучения является русский, — одно из важных условий интернационального воспитания

учащихся, способствующих лучшему усвоению русского языка, созданию языковой среды, более тесному осуществлению межпредметных связей в преподавании русского и родного языков. Таких школ у нас около 600.

Успеваемость по русскому языку и литературе по итогам прошлого учебного года — 99,8%. Значительно улучшилось качество знаний учащихся по предмету: namного увеличилось количество школьников, обучающихся на «4» и «5». Например, в Наманганской и Андижанской областях этот показатель составляет свыше 60%. Многие учителя-русисты умело прививают учащимся навыки разговорной речи, активизируют их мыслительную и речевую деятельность.

Узбекистан одним из первых начал разработку проблемы углубленного изучения русского языка и литературы.

В системе обучения русскому языку в нашей республике значительное место отводится школам-интернатам и общеобразовательным школам с углубленным изучением русского языка и литературы. Уже пять лет в каждом районе республики действуют общеобразовательные школы с углубленным изучением предмета, начиная с четвертого класса, а с прошлого учебного года — с первого класса. Число таких школ и классов постоянно растет.

Интенсивно разрабатывается серия специальных учебных пособий для школ с углубленным изучением предмета.

В помощь учителям, работающим в школах данного профиля, издано методическое пособие «Предмет углубленного изучения — русский язык», в котором сформулированы основные принципы такого изучения, разработаны методические рекомендации по организации учебно-воспитательного процесса, представлены образцы уроков русского языка и литературы, сценарии утренников и др.

После Ташкентской Всесоюзной конференции по русскому языку и особенно за годы десятой пятилетки многое сделано для укрепления учебно-материальной базы предмета. Число кабинетов русского языка и литературы увеличилось почти вдвое и составляет более восьми тысяч.

Исключительное значение для улучшения качества знаний по русскому языку имеет внеклассная работа. За годы десятой пятилетки число кружков по изучению русского языка выросло почти вдвое, а контингент увеличился почти на 14 тысяч.

У нас в республике весьма популярны факультативы по русскому языку и литературе. Мы видим их смысл в том, чтобы оказать помощь в практическом овладении вторым родным языком в устной и письменной форме, а также раскрыть познавательное, воспитательное и эстетическое значение художественных произведений, закреплять и развивать умения, навыки, полученные на уроках. Как правило, факультатив по русскому языку организуется только с учетом интересов учащихся.

Ведется практическая работа по изучению русского языка и во внешкольных учреждениях. Созданы кружки: «Развитие речи», «Выразительное чтение», «Велик и могуч», проводятся фестивали «Русское слово», недели русского языка и литературы. Организуются посещения выставок, театров, просмотры художественных фильмов на русском языке с последующим обсуждением, экскурсии и походы, встречи с выдающимися людьми, писателями и поэтами, конкурсы чтецов. Руководители кружков, используя интересные, увлекательные формы работы, воспитывают, развивают у учащихся стремление четко и ясно излагать свои мысли на русском языке, развивают культуру речи.

Значительно повышают интерес к изучению русского языка школьные, межшкольные, районные, областные и республиканские олимпиады, фестивали, которые, став традиционными, проводятся постоянно, каждый год. На высоком уровне прошла VIII Республиканская олимпиада, которая выявила большое число учащихся, показавших отличные результаты при выполнении письменных и устных заданий по русскому языку и литературе.

Готовятся и выпускаются в свет оригинальные учебные программы для факультативных курсов, внеклассной и кружковой работы и др. Издано 18 учебников для общеобразовательных школ и школ работающей молодежи. Переведены на цветную печать учебники 1—3 классов. Впервые начали действовать учебники по русскому языку для 9—11 классов и по литературе для 9—10 классов школ работающей молодежи. В серии «Библиотечка узбекского школьника» вышло более 30 названий художественной литературы тиражом в 4 млн. экземпляров. В эту серию включаются лучшие произведения классической русской и советской литературы.

Важным условием успешной и эффективной постановки обучения русскому языку в дошкольных, внешкольных

учреждениях и общеобразовательных школах является обеспечение их высококвалифицированными преподавателями-русистами. Серьезное внимание уделяется подготовке учительских кадров. За пятилетку в школы республики было направлено около 10 тысяч молодых специалистов. С каждым годом повышается уровень преподавания русского языка и литературы на специализированных факультетах педвузов, в национальных группах пединститутов, в педагогических училищах.

Успешно функционирует Республиканский педагогический институт русского языка и литературы. Это головной вуз по подготовке учителей-русистов. Созданный в 1963 году, он уже выпустил свыше 6,5 тысяч учителей. Кроме того, подготовка учителей русского языка и литературы осуществляется в Ташкентском, Самаркандском, Нукусском университетах и в двенадцати педагогических институтах.

Кафедры этих педвузов уделяют главное внимание улучшению качества лекций, практических и лабораторных занятий. Особое место в лекционных курсах занимают вопросы развития мыслительной деятельности студентов, проведения творческих работ, эффективного использования ТСО (технических средств обучения) и наглядности, программированного обучения, педагогизации учебного процесса.

На протяжении многих лет продолжается тесное сотрудничество узбекских специалистов с центральными педвузами РСФСР и Украины.

Систематически и планомерно преподаватели русского языка повышают свою квалификацию. Расширен факультет повышения квалификации преподавателей русского языка при Республиканском пединституте русского языка и литературы.

Национальные отделения педвузов республики, а также педвузов РСФСР и Украины, слушатели факультета повышения квалификации постоянно и планомерно обеспечиваются оригинальными программами и учебными пособиями по русскому языку и литературе.

Постоянно совершенствуется учебно-методическая работа по предмету в условиях двуязычия. Разработана тематика спецкурсов, спецсеминаров, предусматривающая, наряду со специальными вопросами, проблемы коммунистического воспитания, профессиональной ориентации студентов, совершенствуются рабочие программы.

Возросло внимание к научно-исследовательской работе по проблемам преподавания русского языка и литературы и подготовки научно-педагогических кадров.

При Республиканском пединституте русского языка и литературы открыта аспирантура по русской и советской литературе в национальной школе. Создан координационный совет по филологическим наукам.

В последние годы заметно усилился интерес студентов — будущих учителей русского языка — к научно-исследовательской деятельности. Почти в два раза увеличилось количество научных студенческих кружков. Наш Республиканский пединститут русского языка и литературы назван базовым вузом по проведению Всесоюзной олимпиады «Студент и научно-технический прогресс».

В Узбекистане проведен целый ряд всесоюзных, республиканских, зональных, областных семинаров-совещаний по вопросам дальнейшего улучшения преподавания русского языка и повышения уровня знаний учащихся и студентов.

Большое внимание уделяется пропаганде и распространению через печать, радио и телевидение передового опыта в деле изучения русского языка. У населения пользуются популярностью радио и телепередачи из цикла «Русский язык», «Экран — учителю», «Изучаем второй родной язык». В республике с января 1980 года стала выходить новая республиканская газета на русском языке — «Учитель Узбекистана». Большим спросом пользуется специальный методический журнал «Русский язык и литература в узбекской школе», глубоко и всесторонне освещающий научно-теоретические и методические вопросы. Учителя республики в своей практической работе используют также всесоюзные журналы «Русский язык в национальной школе» и «Русская речь», издания подобного профиля братских союзных республик.

В результате многогранной и разноаспектной деятельности просвещенцев Узбекистана практически вся учащаяся молодежь республики владеет «русским языком как вторым родным языком, как средством общения и обмена знаниями, мыслями, чувствами» (Рашидов Ш. Р. Язык нашего единства и сотрудничества. М., 1979, с. 29).

С. Ш. ШЕРМУХАМЕДОВ
Министр просвещения Узбекской ССР

ВАЖНЫЙ ЭТАП

В настоящее время изучение русского языка как средства межнационального общения народов СССР составляет одно из центральных и наиболее актуальных направлений отечественного языкознания. Теоретические аспекты этой проблемы опираются на явления, характеризующие развитие современного советского общества с учетом всех фактов взаимодействия языков в условиях национально-русского двуязычия и многоязычия. Практические аспекты заключаются в научно обоснованных рекомендациях, ориентирующих на современные литературные нормы при использовании русского языка в разных ситуациях общения.

Этим двум направлениям и была посвящена Всесоюзная конференция «Теоретические проблемы изучения русского языка как средства межнационального общения», которая проходила в октябре 1981 года в Москве в Институте русского языка АН СССР. На конференции обсуждались проблемы, связанные с функционированием русского языка и

сферами его распространения в национальных республиках СССР, и проблемы культуры русской речи в условиях национально-русского двуязычия.

Открывая конференцию, заместитель директора Института русского языка АН СССР В. В. Иванов подчеркнул, что значение нынешней конференции определяется целым рядом моментов, и прежде всего тем, что ее участники — представители не только республиканских академий наук, но и вузов, университетов и педагогических институтов. Важность связей академических отделов и секторов русского языка с вузами определяется в первую очередь тем, что изучение русского языка как средства межнационального общения, может быть, более, чем иные направления в современной русистике, имеет непосредственный выход в решение практических задач обучения русскому языку, овладения этим языком не только как средством коммуникации, но и как мощным средством развития и повышения уровня культуры современного советского человека.

Значение настоящей конференции и в том, что большое место в ее работе заняли теоретические вопросы: изучение функционирования русского языка в различных сферах общения; изучение взаимодействия русских и национальных языков с преимущественным

вниманием к исследованию влияния национальных языков на русскую речь; изучение вопросов художественного билингвизма; сравнительно-сопоставительное изучение русского и национальных языков; развитие русско-национальной и национально-русской лексикографии.

Вопросы, поставленные на конференции, вызвали оживленную дискуссию ее участников, в частности широко обсуждался вопрос о местных особенностях устной и письменной форм русской речи нерусских на разных лингвистических уровнях в различных национальных республиках, о варьировании норм русского языка в разных национальных регионах и некоторые другие вопросы. Участники конференции, определяя общее направление и методы борьбы за повышение культуры русской речи на всей территории ее распространения, исходным методологическим принципом этой борьбы приняли ориентацию всех говорящих на русском языке, независимо от их национальности или территориально-диалектной принадлежности, на единые, строго кодифицированные нормы русского литературного языка, на единые законы его развития.

Всесоюзная конференция выразила удовлетворение тем, что исследование проблем русского языка как средства общения народов СССР широко

развивается как в академиях наук союзных республик, так и в национальных вузах страны, выдвинула в качестве актуальных вопросов дальнейшего исследования такие проблемы, как а) формирование общего лексического фонда народов СССР; б) изучение процессов освоения лексики национальных языков русским языком через посредство переводов, русскоязычной периодики и художественной литературы, через средства массовой информации; в) выявление типов интерференции в русской речи нерусских и их сопоставление с нормативными требованиями системы и структуры русского языка.

Всесоюзная конференция «Теоретические проблемы изучения русского языка как средства межнационального общения» явилась важным этапом в изучении русского языка как средства общения народов СССР, она внесла ценный коллективный вклад в исследование тех больших и ответственных задач, которые стоят перед учеными-языковедами, перед преподавателями национальных вузов в области дальнейшего изучения этой проблемы, совершенствования методов преподавания русского языка и повышения культуры русской речи как части общей социалистической культуры советского человека.

М. В. ОРЕШКИНА

ОРАНЖЕВО-КРАСНЫЙ ИЛИ КРАСНО-ОРАНЖЕВЫЙ?



Все, что нас окружает, мы видим в цвете. До 90 процентов получаемой внешней информации приходится на органы зрения. Писатели в целях усиления воздействия на чувства и воображение читателя нередко обращаются к его цветовому зрению, используя художественно-изобразительные возможности прилагательных-цветообозначений, особенно в пейзажных зарисовках и при портретных характеристиках.

А. А. Фадеев в статье «О литературном труде», отмечая, «как трудился над выработкой своей художественной речи Лев Николаевич Толстой», особо обратил внимание на то, что Л. Толстой «записывает разные определения цвета: алый, красный, червлёный, малиновый, брусничный, вишневый, голубой, лазоревый, дымчатый, карий, бурый, желтый, песочный, рудо-желтый и т. д.». Ошибки, связанные с употреблением прилагательных, обозначающих цвет, встречаются даже у мастеров слова. Н. А. Островский при обсуждении первой книги романа «Рожденные бурей» в 1936 году говорил, что «в книге „Как закалялась сталь“... повторяется *изумрудная слеза*. Я по простоте своей рабочей упустил, что изумруд *зеленый*. Это была детская ошибка».

Особенно часто ошибки возникают при употреблении сложных прилагательных, обозначающих оттенки цветов. Поэтому вопрос, вынесенный в заголовок статьи, не такой простой, как это может показаться на первый взгляд. Значение прилагательного *оранжево-красный* одни понимают как «красный с оранжевым оттенком», другие — как «оранжевый с красным оттенком», а третьи не видят разницы в значении между словами *оранжево-красный* и *красно-*

оранжевый. А различие между ними есть, доказательством чему служит противопоставление таких цветов в специальных работах. «Каждый из цветов спектрального ряда переходит в цвет, последующий за ним или предшествующий ему, постепенно, так что, кроме семи главных цветов [красного, оранжевого, желтого, зеленого, голубого, синего, фиолетового], есть между ними много промежуточных или переходных цветов в спектре. Так, например, между желтым и зеленым цветами в спектре лежат зелено-желтые и желто-зеленые цвета, между зеленым и голубым — голубо-зеленые и зелено-голубые цвета» (Петрушевский Ф. Краски и живопись. СПб., 1901, с. 1—2).

Такое противопоставление первоначально наметилось и закрепилось в языке естественных наук — ботаники, зоологии, минералогии и др., где была необходима точность в определении и передаче самых незначительных цветовых оттенков. О значении цвета, например, в минералогии писал в книге «Рассказы о самоцветах» А. Е. Ферсман: «Окраска минералов и горных пород является одним из самых важных и характерных признаков камней, в особенности цветных. Значение окраски сказывается уже при определении минералов. Опытный минералог по цвету, по его оттенкам не только разгадывает природу камня, но и отличает его от камней того же вида, но других месторождений; неуловимые оттенки цвета позволяют ему определить, откуда привезен данный образец».

Одной из причин возникновения ошибок в понимании и объяснении значения прилагательных типа *оранжево-красный* является отсутствие прямых указаний на значение таких слов в грамматических трудах и толковых словарях.

Считается общепринятым, что в сложных прилагательных, обозначающих оттенки цветов, основной тон передает вторая часть сложения, а первая указывает на цветовой оттенок основного тона. Следовательно, *оранжево-красный* — это «красный с оранжевым оттенком», а *красно-оранжевый* — «оранжевый с красным оттенком». Но, к сожалению, в лингвистической литературе об этом говорится лишь попутно, в связи с исследованием других проблем. Так, Б. З. Букчина и Л. П. Калакуцкая в книге «Сложные слова» (М., 1974) отмечают: «...компоненты прилагательных, обозначающих оттенки цветов, чаще всего находятся именно в подчинительном отношении: *пепельно-серый*, *лимонно-желтый*, *изжелта-красный* и другие означают „серый с пепельным оттенком“, „желтый с лимонным оттенком“, „красный с желтым оттенком“...».

В толковые словари из-за их ограниченного объема обычно не включаются сложные прилагательные, обозначающие оттенки цветов, и лишь единичные примеры дают возможность судить

о значении таких слов. Так, в четырехтомном «Словаре русского языка» *черно-бурый* определяется как «бурый с черным отливом, оттенком». Объяснение значения рассматриваемых прилагательных находим в специальных работах. «Доминирующую окраску мы ставим на конце, например беловато-серый, буро-желтый, голубовато-зеленый и т. д., поэтому надо отличать буро-желтый, где больше желтого оттенка, от желто-бурого, где превалирует бурый оттенок; желтовато-зеленый от зелено-желтоватого и даже зелено-желтого и т. д.» (Бондарцев А. С. Трутовые грибы европейской части СССР и Кавказа. М.-Л., 1953; то же в его работе: Шкала цветов. М., 1954).

Следует обратить внимание еще на одну особенность цветообозначений. Как отмечают лингвисты, «цветовые прилагательные обладают абсолютным значением, общепринятым и не зависящим от субъективных оценок» (см.: Брагина А. А. «Цветовые» определения и формирование новых значений слов и словосочетаний. — Сб. «Лексикология и лексикография». М., 1972). А восприятие цвета, напротив, весьма субъективно и различается не только у разных людей, но даже и у одного человека в зависимости от возраста, усталости, настроения, освещенности, цветового фона и т. п.: «Нельзя, например, утверждать даже от человека к человеку, что они видят один и тот же предмет одинаково. С детства меня научили обозначать цвет голубых предметов словом *голубой*, и я всю жизнь называю так соответственное ощущение; но это еще не значит, что мое голубое как ощущение сходно с голубым другого человека, потому что и этот называет цвета по заученной привычке» (Сеченов И. М. Избранные произведения. М., 1958).

Еще в большей степени это касается индивидуального восприятия оттенков различных цветов: «Человек с нормальным зрением не назовет красный зеленым или синий фиолетовым, но что считать зеленовато-желтым, а что желтовато-зеленым, отчасти дело привычки» (Шаронов В. В. Свет и цвет. М., 1961). Поэтому на вопрос, вынесенный в заголовок статьи «Оранжево-красный или красно-оранжевый?», мы можем ответить так: если основной цвет — *красный*, а оттенок — *оранжевый*, то *оранжево-красный*, а если преобладающий цвет — *оранжевый*, а дополнительный оттенок — *красный*, то *красно-оранжевый*.

*

Однако этот ответ нельзя считать исчерпывающим. Сложные прилагательные типа *оранжево-красный* могут характеризоваться многозначностью, или полисемией. Они могут иметь два значения: 1) оттенки цвета и 2) сочетания двух цветов. Например:

Лапы их [гусей] розовели в воде, оранжево-красные, похожие на зажженные морозом осенние листья (Шолохов. Тихий Дон; в этом примере *оранжево-красный* — красный с оранжевым оттенком); Утром действительно небо проясняется. Над лесом — радуга с оранжево-красными переливами (Арамитев. Путешествие на Кульдур; *оранжево-красный* — двухцветный: оранжевый и красный); Основание и коготок клюва [утки-морянки] — черные, середина же красно-оранжевая (Рябов. Охота по перу; *красно-оранжевый* — оранжевый с красным оттенком); ...видна яркая пасть печи, пляшущая большими языками красно-оранжевого пламени (Бунин. Белая лошадь; *красно-оранжевый* — двухцветный: красный и оранжевый).

Сравните еще примеры: Время от времени в темном небе взрывались и гасли ракеты, на мгновение освещая окружающее бело-голубым призрачным светом (Чаковский. Блокада); Болгарская земля... Лесистые горы старой планины, бело-голубые туманы на увалах, широкие поляны, на которых пасутся неисчислимые отары овец (Закруткин. Земля побратима) — в обоих примерах *бело-голубой* — голубой с белым оттенком; На гафеле «Ушакова» вился бело-голубой, краснотелый военно-морской флаг... (Панов. Повесть о двух кораблях); Показался бело-голубой автобус (Дубов. Беглец — здесь *бело-голубой* — двухцветный: белый и голубой); На фанерном бауле, опирающемся на его колени и колени одного из парней, дядечка аккуратно режет ломтиками желто-белое сало с розовой прослойкой (Кетлинская. Вечер. Окна. Люди; *желто-белый* — белый с желтым оттенком); В загородке возле печи стояли телята, коричневые и желто-белые (Бунин. Игнат; *желто-белый* — двухцветный: желтый и белый); Над селом, тянувшимся в две улицы по берегу реки Большой, ярко сияла полная луна и перемигивались крупные бело-желтые звезды (Марков. Соль земли; *бело-желтый* — желтый с белым оттенком); Лейтенант и шофер-солдат вынесли из машины мягкий кожаный чемодан и бело-желтую, мелкого плетения тяжелую корзину (Фадеев. Молодая гвардия; *бело-желтый* — двухцветный: белый и желтый).

Приведенные примеры показывают, что каждый из вариантов допускает перестановку частей в составе сложного целого.

В прилагательных, имеющих значение оттенков цветов, при перестановке компонентов изменяется и значение, поскольку вторая часть всегда обозначает основной цвет, а первая — его оттенок: ...Поперек кителя у Малого засаленная полоса, ворс вытерся, бронза пуговицы съелась, контур звездочки отливал сине-белым металлом (Горбачев. Звездное тяготение; *сине-белый* — белый с синим оттенком); Их фигуры в черных шинельках ярко выделялись среди

бело-синих снегов, и выражение их лиц было видно так же ясно (Караваява. Разбег; *бело-синий* — синий с белым оттенком).

Перестановка компонентов в прилагательных, имеющих значение сочетания цветов, не отражается на общем значении сложного слова: Он был в каске, в защитной гимнастерке. Но когда, в поисках документов, расстегнули ворот — под ним увидели знакомые сине-белые полосы флотской тельняшки (Соболев. Морская душа; *сине-белый* — двухцветный: синий и белый); Сквозь смотровые щели боевой рубки стало видно, как острый нос корабля разваливает бело-синие волны (Панов. Море, корабль и ты; *бело-синий* — двухцветный: белый и синий). Как видим, *сине-белый* и *бело-синий* выступают здесь в одном значении: состоящий из двух цветов — *синего* и *белого*; двухцветный.

Многозначность сложных прилагательных-цветообозначений — явление сравнительно редкое; ею не обладают слова, состоящие из основ прилагательных, в какой-либо мере контрастных по цветовому значению, как, например, *белый* и *черный* и т. п.: плед в черно-белую клетку (М. Горький. Жизнь Клима Самгина), птица с длинным пестрым, бело-черным, хвостом (Алтаев. М. И. Глинка), черно-оранжевый околыш матросской фуражки (Вересаев. Два конца); шмель — оранжево-черный, как георгиевская лента (Федин. Первые радости); стайка бело-коричневых голубей (Соколов-Микитов, Чарши); шумливая, коричнево-белая Гега несется вниз по камням (Лидин. Медвежонок).

Возвращаясь к ответу на вопрос заглавия — «Оранжево-красный или красно-оранжевый?», — можем добавить: это одно и то же, если речь идет о сочетании цветов, о двухцветной окраске и если специально не подчеркивается порядок следования цветов.

Г. И. ГЕРАСИМОВ

Белгород

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

Правильно употреблять слово *извиняюсь* или лучше сказать *извините*?

Т. К. Бубок, Минск

Очень распространенная небрежность речи. Ведь *извиняюсь* может означать только «извиняю себя» (то есть, например, «считаю нормальным, что я вас толкнул»). Правильно употребить слова *извините*, *виноват*, *простите*.

СЛОВА с уменьшительными и ласкательными суффиксами постоянно сопровождают нас в быту. Разговоры у прилавка, в транспорте, на приеме у врача, в прачечной, в ателье наполнены ими; часто употребление этих форм бывает для нас незаметным.

Ваша шляпочка на болваночке. Позвоните нам через часочек — таков был ответ клиенту в одном из московских ателье.

В редакцию «Русской речи» приходит немало писем, в которых содержится просьба дать рекомендации, в каких случаях употребление этих форм оправданно, в каких — неуместно. Целесообразно поэтому показать те речевые ситуации, когда экспрессивные варианты с уменьшительными, уничижительными и ласкательными суффиксами являются наиболее распространенными и типичными. Эти формы — одна из самых характерных стилистико-грамматических примет современных бытовых диалогов:

Не оторвете билетик? Передайте пятачок — в транспорте.

Материальчик не дадите посмотреть? Дайте колбаски полкило — в магазине.

По таблеточке с утра и вечером; Вы мне справочку не выпишете? — можно услышать в поликлинике и т. д.

В приведенных примерах уменьшительные формы пред-



«ВАША

ШЛЯПОЧКА

НА

БОЛВАНОЧКЕ»



ставляются естественными и вполне объяснимыми. Как правило, необходимость установить речевой контакт с собеседником заставляет прибегать к использованию таких вариантов. Заметно, что в современной обиходной речи происходит процесс стилистического опрощения этих слов. Уменьшительные формы применяются как своеобразная норма разговорности; иногда они используются без всякого стилистического задания. Ср. из устной речи:

Скоро допечатаю, еще одна страничка осталась; Варенье вкусное, ягодка каждая видна; Корочка у хлеба очень поджаристая; В магазине кофточки красивые продаются; Моя сумочка прохудилась совсем; Тут в коробочке нитки лежали.

Можно, однако, заметить, что именно в устной речи в определенной ситуации — в обращении с просьбой к собеседнику — элемент стилистической экспрессии бывает выражен очень ярко:

Слушай, Расскажи анекдотик! Дайте еще бутылочку шампанского; Полполовничка супа налей, больше не надо; Подари мне свою книжечку.

Нередко экспрессия слов с уменьшительными суффиксами используется как средство иронии: Эти штучки нам известны!; Скромный-скромный, а того и гляди, вот-вот захватит себе комнатку; Формулировочка не очень подходящая! Подчас чрезмерное употребление подобных слов делает речь смешной и жеманной: «Пройдите на середочку вагончика», — приглашает пассажиров женщина-водитель.

Такое стилистически неуместное использование уменьшительных форм вызывает резко отрицательные оценки: «Хочу сказать о языке сахарном, сладеньком, сусальном. Не скажут лимон — непременно лимончик. Не скажут билет — билетик. Постоянно слышишь: четвертинка кругленького, площадочка, бутылочка, кило колбаски, газеточка, песочек, булочка, конвертик, марочка... Покажите мне видики Ленинграда, — попросила одна приезжая продавщицу» (Лит. газета, 1968, 10 янв.).

В какой мере можно считать литературным использование уменьшительных оценочных форм и где проходит разумная граница в их употреблении? Так, в художественной литературе их применение стилистически мотивируется, см. отдельные примеры:

Даже Фелька Жарковский — хвала и гордость нашей арифметички — очочки поправил и в общую толпу; Мы сперва хотели развопиться, а потом смолчали: сами же были когда-то своей группочкой! И они группочкой!.. (С. Иванов, В. Матвеев. Слышать голос трубы! — Пионер, 1973, № 2). Здесь авторы с помощью уменьшительных форм придают тексту разговорную окраску живой, естественной, как бы «доверительной» речи.

Отношение к особой стилистической окраске рассматриваемых слов у говорящих различно, и этим отчасти регулируется норма. Еще К. С. Аксаков заметил по поводу уменьшительных форм: «Малому свойственно быть милым». В городской речи, как показывают приведенные примеры, слова с уменьшительными суффиксами не обозначают малые размеры называемых предметов. Чаще всего они используются в качестве своеобразных форм вежливости. А. И. Куприн, вспоминая о впечатлениях детства, рассказывал, что его мать говорила «постоянно уменьшительными словами, входившими в обиход обитательниц Вдовьего дома. Это был язык богаделок и приживалок около „благодетельниц“: кусочек, чашечка, вилочка, ножичек, яичко, яблочко и т. д. Я питал и питаю отвращение к этим уменьшительным словам, признаку нищенства и приниженности» (М. Куприна-Иорданская. Годы молодости. Воспоминания о А. И. Куприне).

В современной устной речи уменьшительные формы употребляются с разной стилистической оценкой. Так, в разделе наречий оценочность ощущается лишь в небольшой степени: Мне *немного* страшно, ни *чуть* не смутилась; Они *тихо* стоят себе. Тогда как в применении к лицам (в именах, в названиях лиц, в оценках качеств людей) все свойства положительной или иронической экспрессии, как правило, сохраняются: Она *миленькая* такая, а муж у нее *страшенький*, прямо, кикимора морская; Он *остороженький*, не оступится.

В письменной речи стилистическая окрашенность уменьшительных форм осознается в более резкой степени, нежели в устной. Журналисты нередко используют это в целях создания определенного колорита, ср. фельетонное оформление речи:

Ну до чего же мы все хорошие! До чего красивые и приятные! И вон тот, который *старушку* локотком отодвинул, а сам вместо нее в автобус сел! И вон тот, что *переулочек* уже трое *суточек* *метелочкой* подметает и еще, согласно предписанию нарсуда, двенадцать *суточек* подметать будет,— тоже очень симпатичный! И вон тот, кого с работы наладили за *развальчик* *коллективчика*,— тоже симпапушечка! Все хорошие! Все приятные! Все! Без исключения. Вы думаете — я один так считаю? Как бы не так! Нас *добреньких* и ласковых много! (Известия, 1975, 12 марта).

Ироническая окраска создается в этом контексте с помощью столкновения контрастных языковых и неязыковых оценок. Когда слова с уменьшительными суффиксами используются в письменной речи как средство иронии, не возникает сомнений в их целесообразности, если соблюдено чувство меры. Они не теряют своего стилистического заряда даже в тех контекстах, в которых говорящий забывает об оценочных свойствах этих образований. Отсюда

и создается неловкость психологического восприятия: слова типа *родненький, миленький, компрессик* воспринимаются как фальшивые, противоестественные, если они употребляются в разговоре с незнакомыми людьми. Вспоминается всем известный литературный портрет Иудушки Головлева. Со своим «братцем» Степкой-балбесом, поучая его жить праведно, он «калякал» таким образом:

— Маслица в лампадку занадобится, или богу свечечку поставить захочется — а! деньги-то и есть! Так-то, брат! Живи-ко, брат, тихо да смирно — и маменька будет тобой довольна, и тебе будет покойно, и всем нам весело и радостно. Мать — ведь она добрая, друг!

— Добрая-то добрая, — согласился и Степан Владимыч: — только вот солониной протухлой кормит!

— А кто виноват! кто над родительским благословением надругался? — сам виноват, сам именице-то спустил! А именице-то какое было: кругленькое, превыгодное, пречудесное именице! Вот кабы ты повел себя скромненько да ладненько, ел бы ты и говядинку, и телятинку, а не то так и соусу бы приказал. И всего было бы у тебя довольно: и картофельцу, и капустки, и горошку... Так ли, брат, я говорю? (Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы).

Лицемерие было потребностью натуры Иудушки. Чтобы показать это читателю, Салтыков-Щедрин обращается к самому сильному стилистическому средству — экспрессивным уменьшительным словечкам. «Слезно-лицемерное пустословие» Иудушки как нельзя лучше обнаруживается в его диалогах, насыщенных фальшиво-звучащими ласкательными формами.

*

Конечно, формы вежливого общения требуют соблюдения определенного этикета. Языку нужны стилистические средства, смягчающие категорические высказывания или выражающие искреннюю просьбу. Однако уменьшительно-ласкательные образования уместны лишь в определенной ситуации, когда собеседники хорошо знают друг друга и между ними возникает необходимость выражения эмоциональных отношений. В речевых контактах между людьми малознакомыми уменьшительно-ласкательные формы не только не обязательны, они могут быть неправильно поняты и восприняты. Поэтому слова с суффиксами субъективной оценки не могут быть в этих случаях рекомендованы в качестве нейтральных форм речевого этикета.

Н. Н. ВАСИЛЬКОВА

ЕСТЬ

такие предлоги...

Как известно, основной функцией предлогов в нашей речи является выражение различных синтаксических отношений (обстоятельственных, объектных, атрибутивных) между знаменательными словами, например: *под* водой, мечтать *о* подвиге, лодка с парусами и т. п. Вместе с тем некоторые первообразные (непроизводные) предлоги в определенных стилях речи функционируют при опущенных именах, то есть отдельно от тех падежных форм, с которыми обычно употребляются. При этом они могут замещать синтаксические позиции тех или иных членов предложения. Такой особенностью, характерной прежде всего для живой разговорной речи, а также разговорного стиля литературного языка, по нашим наблюдениям, обладают следующие предлоги: *за*, *без*, *через*, *кроме*, *перед*, *под*, *над*, *от*, *до*.

Наиболее часто при опущенных именах функционируют предлоги *за* и *без*. Предлог *за* в русском языке употребляется с винительным и творительным падежами и служит, как правило, для выражения в словосочетании и предложении обстоятельственных или объектных синтаксических отношений: *сесть за* стол, *заходи за* мной. Однако в определенном контексте этот предлог встречается и при опущенном имени, замещая обстоятельство, определение, сказуемое: — Сам голосуй «за» и заседа-середняка уговори (Шолохов. Поднятая целина); Я считал, что дело ученого — бороться «за» и не хотел бороться «против» (Комсомольская правда, 1978, 4 июня); Но есть один веский довод «за» (Знание — сила, 1966, № 1); Кто за? — Кто против? — Кто воздержался? (вопрос к присутствующим на собрании).

В последнем примере предлог *за* и глагол *воздержался* выступают в роли сказуемого. Предлог *за* и подлежащее *кто* образуют своеобразное предикативное сочетание. Например: Кто за? Кто был за? Кто будет за? Ср. также заголовки некоторых газетных и журнальных статей с предлогом *за* в указанной функции: Мы — за (Учительская газета, 1964, 8 дек.); Автоинспекция — за! (Техника — молодежи, 1964, № 1); Все «за», а кто-то «против» (Правда, 1977, 18 марта).

Иногда предлог *за* может иметь при себе определение: Рабочее «за» сильнее хозяйского «против» (Коммунист Таджикистана, 1975, 22 апр.); нередко он употребляется в сочетании с предлогом *против*, выполняющим те же синтаксические функции: Загадочный мир: «за» и «против» (Неделя, 1977, № 33).

Предлог *без* с родительным падежом (например: явиться без опоздания) также встречается отдельно от своей падежной формы: Письма под грифами, шифрами, с фотографиями и без, сложенные в солдатские треугольники и сохраненные в выцветших конвертах (Правда, 1977, 20 дек.). Следует отметить, что в приведенных примерах перед предлогом *без*, который требует родительного падежа,

стоит существительное в творительном падеже. Подобные речевые обороты встречаются также в газетных заголовках: Билеты с начинкой и без (Комсомольская правда, 1964, 11 дек.); Отдых с пользой и без (Ленинабадская правда, 1979, 9 июня).

Предлоги *до*, *от*, *под*, *над*, употребляясь отдельно от своих падежных форм, входят, как правило, в состав таких речевых оборотов, как *до* и *после*, *от* и *до*, *под* и *над*: Но коллектив восстал против него с такой страстностью, которой я не встречал ни до, ни после (Комсомольская правда, 1968, 12 дек.); В такие минуты приходят тоскливые мысли: Есть же такие, что работают «от» и «до», вечерами отдыхают... (Огонек, 1978, № 31); И слышит шепот гордый вода и под и над: «Через четыре года здесь будет город-сад!» (Маяковский. Рассказ о Кузнецкстрое и о людях Кузнецка).

Приведем еще примеры с другими предлогами, способными употребляться отдельно от своих падежных форм: Наполеон его очень увлек, то есть особенно увлекло его то, что очень многие гениальные люди на единичное зло не смотрели, а шагали *через* (Достоевский. Преступление и наказание); Приподнял медведь голову, прижал уши, оскла-

бился и прямо ко мне. Схватился я за другое ружье; но только взялся рукой, уж он палетел на меня, сбил с ног в снег и перескочил *через* (Л. Толстой. Случай на охоте); — Это слово с обеих сторон выделено запятыми? — Нет. Запятая поставлена только *перед* (из диалога преподавателя со студентом); В конструкциях с прямой речью слова автора могут стоять *перед*, после и в середине (из ответа студента на экзамене); — Полететь может Чкалов. — А кто *кроме*? (из кинофильма «Валерий Чкалов»).

В данных контекстах предлоги входят в несколько необычные для нас сочетания: *шагали через* (ср. шагали *через* зло), *перескочил через*, *поставлена перед*, *могут стоять перед*, *кто кроме*. А вот пример, в котором предлоги *через* и *от* связаны друг с другом противительными отношениями: Деньги, и немалые, Джордж получал *через* благотворительные фонды, именно *через*, а не *от* (Огонек, 1977, № 14).

Иногда первообразные предлоги могут находиться несколько обособленно от своих падежных форм, то есть не стоять непосредственно *перед* ними. Их разделяют другие предлоги. Особенно такое употребление характерно для на-

учно-публицистического стиля речи: Даже аэрозоль из свежетакой воды, которым дышат *до* и после *работы* донецкие горняки, существенно снижает заболеваемость (Правда, 1979, 2 июля); Следовательно, допускается еще какая-то иная, нетрансформационная грамматика, существующая *до* и помимо трансформационной *грамматики* (Вопросы языкознания, 1977, № 6); Было приведено большое число наблюдательных и теоретических аргументов *за* и против этих гипотез (Неделя, 1975, № 45); Даже самый развернутый протокол не может передать выражение глаз товарищей, интонации реплик, тональность обмена мнениями *перед* и после заседания (Огонек, 1977, № 43); Вселенная эволюционирует, и ее ранние стадии эволюции исключают возможность жизни (подобно тому, как не может быть жизни *на* и в звездах) (Наука и жизнь, 1975 № 1).

Думается, что представленный материал, иллюстрирующий несколько необычное, на первый взгляд, функционирование первообразных предлогов, говорит о стремлении говорящих и пишущих к речевой экономии, что характерно прежде всего для разговорного стиля.

Ю. Т. ДОЛИН
Ленинабад



Николай
Иванович
ИЛЬМИНСКИЙ

1822—1891

В ЭТОМ году исполняется 160 лет со дня рождения одного из крупнейших педагогов и лингвистов XIX века Николая Ивановича Ильминского, поставленного И. А. Бодуэном де Куртене в один ряд с такими величайшими учеными-языковедами, как Потебня, Фортунатов, Богородицкий, Соболевский, Шахматов.

Н. И. Ильминский родился 23 апреля 1822 года в Пензе, образование получил в Казанской духовной академии. Еще в студенческие годы проявились его блестящие лингвистические способности, феноменальный дар усвоения языков: он в совершенстве знал латинский, древнегреческий, старославянский, многие западные и восточные языки. Современники отмечали его необыкновенную способность быстро схватывать самый строй, внутренний дух языка, к изучению которого он приступал.

Н. И. Ильминский более известен как востоковед широкого профиля, но его труды в области русского и славянского языкознания также весьма значительны и составили целую эпоху. Он внес значительный вклад в изучение памятников старинной славянской письменности. В работе «Размышление о сравнительном достоинстве в отношении языка разновременных редакций церковнославянского перевода Псалтыри и Евангелия» (1882) дан обстоятельный анализ из-

менений в области грамматики, происшедших со времени первых памятников старославянского языка до русского языка конца XIX века. В следующей книге — «Материалы для сравнительного изучения церковнославянских форм и оборотов» (1888) — ученый провел сопоставительный анализ употребления относительного местоимения *иже*. Сопоставление проводилось по евангелиям: Остромирову, Мариинскому и Галицкому, а также по некоторым другим памятникам письменности. Кроме того, в книге подробно рассматривается использование родительного падежа при отрицаниях. Большое место уделено изучению форм винительного падежа местоимений и употреблению числительных в различных памятниках старославянской литературы.

В 1888—1889 годах Н. И. Ильминский работал над реконструкцией древнерусского текста Четвероевангелия. За основу этого издания он взял текст Остромирова евангелия, недостающие же в нем места заимствовал из Мариинского и Галицкого, приводя их грамматику и орфографию в соответствие с господствовавшими формами Остромирова евангелия. Кроме этих и некоторых других работ, посвященных изучению памятников славянской письменности, ученый создал учебные пособия по старославянскому языку: «Обучение церковнославянской грамоте в начальных народных училищах» (1885); «Обучение церковнославянской азбуке» (1886).

Круг интересов Н. И. Ильминского не ограничивался востоковедением и исследованием памятников славянской и русской письменности.

Большой вклад внес Ильминский в дело просвещения и образования народов Поволжья и Средней Азии, пропаганды среди них русского языка, в методику преподавания русского языка учащимся нерусской национальности. С проблемами преподавания русского языка нерусским ему впервые пришлось столкнуться в 1859 году, когда он работал несколько лет переводчиком при Оренбургской пограничной комиссии. Во время службы ему постоянно приходилось разъезжать по степи, жить в казахских кибитках. В кратчайший срок изучив казахский язык, он близко сошелся с казахами. «Я был изумлен,— писал Н. И. Ильминский,— что этот народ, кочевой, чуждый, на наш взгляд, цивилизации и почти вовсе безграмотный, обладает, однако же, замечательным искусством говорить: я полюбил их язык». Любовь к народному языку, отличное знание его позволили Н. И. Ильминскому создать учебное пособие по русскому языку для казахов. Это пособие было написано им по просьбе В. В. Григорьева, видного ученого-ориенталиста, тогдашнего начальника Оренбургской пограничной комиссии. Оно вышло в 1861 году в Казани под названием «Самоучитель русской грамоты для киргизов» (до революции казахи именовались киргиз-кай-

саками или просто киргизами). «Самоучитель» стал не только первым учебным пособием по русскому языку для народов, говорящих на тюркских языках, но также и первой сопоставительной грамматикой казахского и русского языков. Рекомендации при сопоставлении даны в «Самоучителе» на родном языке учащихся. Пособие было построено на уровне науки того времени.

Н. И. Ильминский сыграл большую роль в воспитании и образовании одного из просветителей казахов И. А. Алтынсарина, который писал своему учителю: «Я помню Вас столько, сколько благодарный сын может помнить отца. Даже нахожу утешение и отраду в воспоминаниях о Вас...», «Я учился у Вас быть честным и добрым» (Ильминский Н. Воспоминания об И. А. Алтынсарине. Казань. 1891).

Говоря об отношениях Н. И. Ильминского с национальными просветителями народов России, нельзя не вспомнить о той дружбе, которая связывала его с великим сыном чувашского народа И. Я. Яковлевым (1848—1930). Именно после встречи с Н. И. Ильминским окончательно сложился план будущей деятельности И. Я. Яковлева — целиком посвятить себя просвещению чувашей.

Общее дело, цель которого — просвещение некогда отсталых и неграмотных народов России, тесно связывало Н. И. Ильминского и с И. Н. Ульяновым. Илья Николаевич с искренним уважением относился к Н. И. Ильминскому, в необходимых случаях обращаясь к нему за помощью. Так, когда была предпринята попытка ликвидировать Симбирскую чувашскую школу, возглавляемую И. Я. Яковлевым, И. Н. Ульянов и Н. И. Ильминский приложили много сил, защищая ее существование, и, в конце концов, отстояли ее. Хорошие теплые отношения сохранились у Н. И. Ильминского с семьей Ульяновых и после смерти Ильи Николаевича. Ильминский не побоялся выступить в защиту старшего сына Ульяновых — Александра, осужденного на казнь за попытку покушения на царя. По этому поводу 6 апреля 1887 года к Н. И. Ильминскому в Казань ездил Владимир Ильич, встреченный, несмотря на тяжесть и опасность дела, ласково и приветливо. Впоследствии, не без помощи Н. И. Ильминского, Владимиру Ильичу разрешили сдавать экзамены в Петербургский университет.

В 1871 году Н. И. Ильминский был избран членом-корреспондентом Академии наук. В 1884 году в Академии наук открылась вакансия академика по ориенталистике, и внимание отделения истории и филологии остановилось прежде всего на известном знатоке восточных языков Н. И. Ильминском. Однако ученый ответил отказом, мотивируя его «нежеланием расстаться с Казанью и о кругом его тамошних занятий, имеющих столь высокое благотворное значение для местных интересов», и рекомендовал на это ме-

сто исследователя тюркских языков В. В. Радлова. Интересы так называемых «малых» народов были у Н. И. Ильминского на первом месте: то он составлял проект гимназии для татар, то планировал издавать газету для них, то готовил проект о школах в степи, то предлагал допускать казахов в университеты без гимназического образования...

Педагогические воззрения Н. И. Ильминского сложились в единую систему, новую для того времени. Впоследствии она получила название «педагогической системы Ильминского», согласно которой первоначальное обучение детей нерусских народностей должно проводиться на родном языке учителями, подготовленными из среды своего народа и хорошо знающими русский язык. Книги при этом должны быть напечатаны русской графикой и на простом народном языке. Эту систему Н. И. Ильминский и его ученики активно проводили в жизнь, несмотря на яростное сопротивление со стороны многих весьма влиятельных ее противников.

В 1872 году ученый оставил преподавание в Казанском университете и основал учительскую семинарию, цель которой — путем просвещения и образования прочно сблизить национальные меньшинства с русским народом, разрушить разделявшую их отчужденность. Из стен семинарии стали выходить учителя, сформировавшиеся под влиянием системы Н. И. Ильминского и стремившиеся нести образование в самые отдаленные уголки Казанской губернии. Наряду с русскими здесь получали образование и другие народности Поволжья — татары, чуваша, марийцы.

Огромное значение в своей системе Н. И. Ильминский придавал преподаванию русского языка другим народам России. Этого требовали и общегосударственные и собственные интересы малых народов. Русский язык уже тогда начинал играть весьма заметную роль посредника в общении народов многонационального Российского государства; только с помощью русского языка можно было получить в то время высшее образование. Но изучение русского языка без опоры на родной язык нерусских учащихся, считал Н. И. Ильминский, невозможно. Родная речь должна быть, по мнению ученого, как бы матерью неродного языка: «Последний должен расти в сознании при деятельном содействии и по попечении первого». Далее Ильминский отмечал, что «языки Казанского края так отличны по своему составу от русского, что для изучения русского языка нужно составить особые книги, где бы русский язык и его правила излагались бы последовательно в грамматическом порядке, применительно к условиям этих языков».

Хорошее знание Н. И. Ильминским языков и обычаев народов Поволжья способствовало обогащению русской науки ценными материалами по истории быта и обрядов чувашей, марийцев, мордвы,

татар и других народов Поволжья и Прикамья. Переводческая комиссия, которую возглавлял Н. И. Ильминский, собирала, записывала и публиковала произведения народного творчества этих народов. Например, в 1880 году были изданы образцы народной словесности коми-пермяков, а в 1882-м — мордовского народного творчества.

*

Общепризнанной и прогрессивной заслугой Н. И. Ильминского и его последователей считается широкое применение русского алфавита для ряда народов Поволжья, не имевших ранее своей письменности или имевших ее на основе арабского алфавита. В начале 60-х годов XIX века развернулась полемика по этому вопросу. Н. И. Ильминский принял деятельное участие в его обсуждении. Отличное знание восточных языков помогало ученому аргументированно доказывать преимущество русского алфавита перед арабским. Сопоставляя, например, казахский и арабский языки, он отмечал отсутствие некоторых звуков казахского языка в арабском и, соответственно, отсутствие букв в арабском алфавите для обозначения этих звуков. А русский алфавит, писал Н. И. Ильминский, с небольшими добавлениями вполне пригоден не только для казахского языка, но и для других языков народов России. Н. И. Ильминский предлагал использовать русский алфавит с учетом фонетических особенностей каждого языка, внося соответствующие добавления в каждый алфавит. Н. И. Ильминский участвовал в разработке алфавитов для казахов, чувашей, татар, марийцев и некоторых других народов. В то время эта идея Н. И. Ильминского не нашла должной поддержки и понимания и была осуществлена только в советское время. Начинание Н. И. Ильминского послужило толчком к развитию духовной жизни народов и народностей нашей Родины.

В. Н. ВЕДЕРНИКОВ

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

Что такое *ономáстика*?

М. В. Климов, Псковская обл.

Ономáстика (от греческого *onomastikos* — относящийся к имени) — раздел лексикологии, посвященный изучению собственных имен.



Василий
Алексеевич
БОГОРОДИЦКИЙ
1857—1941

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ русский языковед Василий Алексеевич Богородицкий родился в апреле 1857 года в семье священника в городе Царевokokшайске Казанской губернии (ныне г. Йошкар-Ола Марийской АССР), где и получил начальное образование в уездном училище. Дальнейшая учеба будущего выдающегося языковеда с весьма широким, даже энциклопедическим кругом научных интересов проходила в Казани: там он учился в I-й гимназии, затем на историко-филологическом факультете Казанского университета.

Еще будучи студентом, В. А. Богородицкий в 1879 году начал составлять к работе своего учителя И. А. Бодуэна де Куртенэ «Подробная программа лекций И. А. Бодуэна де Куртенэ в 1877—1878 учебном году» весьма обстоятельный «Указатель имен авторов, переводчиков, издателей и т. д., упоминаемых как в этой программе, так и в Подробной программе лекций 1876—1877 г.». Программа печаталась в «Известиях и ученых записках Казанского университета» (1879, № 2, 6, 1880, № 6, 1881, № 1) и вышла отдельным оттиском в 1881 году.

Напечатанная в «Русском филологическом вестнике» (Варшава, 1880, т. IV, № 3—4) статья на основе кандидатской диссертации (так тогда именовались выпускные сочинения, соответствующие нынешним

дипломным работам) «Гласные без ударения в русском языке» сразу же вызвала сочувственные отзывы И. В. Ягича и И. А. Бодуэна де Куртенэ. [В. А. Богородицкий был утвержден в степени кандидата историко-филологических наук по классическому отделению 28 мая 1880 года.]

При этом следует заметить, что И. А. Бодуэн де Куртенэ с гордостью использовал многие ценные наблюдения талантливого ученика в своих «Отрывках из лекций по фонетике и морфологии русского языка», опубликованных в воронежских «Филологических записках» (1881, вып. 4—5; 1882, вып. 2—3) и отдельным оттиском. Учитель внимательно следил за успехами ученика, неоднократно отмечая его научную самостоятельность и четкость изложения материала.

«Склад ума г. Богородицкого, — говорил И. А. Бодуэн де Куртенэ о молодом ученом, — свойственно строго научное направление. Это пытливый, критический, необыкновенно точный и вообще логичный ум исследователя... Одним словом, Богородицкий сосредоточивает в себе все условия, чтобы сделаться со временем настоящим двигателем науки» (Известия и ученые записки Казанского университета, 1881, № 1). По рекомендации И. А. Бодуэна де Куртенэ талантливый молодой языковед был оставлен для подготовки к профессорскому званию.

В мае 1881 года В. А. Богородицкий защитил в качестве диссертации *pro venia legendi* (на право чтения лекций) свое сочинение «Изучение малограмотных написаний» и в июне был утвержден в звании приват-доцента. В мае им были прочитаны две пробные лекции на публичном заседании историко-филологического факультета, а в октябре этого же года В. А. Богородицкий начал свою многолетнюю преподавательскую деятельность в Казанском университете чтением вступительной лекции по сравнительной фонетике русского языка «Об изучении русской речи». В этой лекции была изложена программа дальнейшей работы В. А. Богородицкого по русскому языкознанию, определившая во многом его последующую научную деятельность.

29 апреля 1884 года на открытом заседании историко-филологического факультета было защищено как диссертация на степень магистра сравнительного языковедения исследование В. А. Богородицкого «Гласные без ударения в общерусском языке». Другое большое научное сочинение молодого языковеда «Курс грамматики русского языка. Ч. 1. Фонетика» (Варшава, 1887), печатавшееся первоначально в «Русском филологическом вестнике» (1883—1887), также было защищено как диссертация и принесло ему в 1888 году степень доктора сравнительного языковедения. Работы В. А. Богородицкого были высоко оценены современниками. В 1915 году он

был избран членом-корреспондентом Академии наук. Он состоял членом различных научных обществ как в России, так и за рубежом.

Постоянный и глубокий интерес к фонетическим исследованиям сохранялся у В. А. Богородицкого всю жизнь. Ученый создал первую в России лабораторию (кабинет) экспериментальной фонетики при Казанском университете. С этой лабораторией было связано изучение звукового строя не только русского языка, но и других языков, особенно Среднего Поволжья. Построенный на собственных разысканиях фонетический раздел составлял главную часть его неоднократно переиздававшихся книг «Очерки по языковедению и русскому языку», «Общий курс русской грамматики», «Лекции по общему языковедению», «Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками». Наблюдения В. А. Богородицкого над фонетическими явлениями русского языка и их экспериментальное изучение получили всеобщее мировое признание.

Оригинальные идеи, восходящие к его учителям И. А. Бодуэну де Куртене и Н. В. Крушевскому, развивал В. А. Богородицкий в области словообразования. Ему принадлежит разработка проблем исторической изменчивости строения слова и теоретическое обоснование понятий переразложения и опрощения. Он является первооткрывателем этих основополагающих понятий словообразовательного анализа. Эти идеи В. А. Богородицкого активно разрабатываются в современной языковедческой науке, поскольку они сохранили свое значение и сейчас.

Большой заслугой ученого в области сравнительной грамматики индоевропейских языков признается разработанный им принцип относительной хронологии при реконструкции явлений праязыка. Такие явления прежде восстанавливались без учета того, что они не могли сосуществовать в одно время, а фактически должны рассматриваться в определенной хронологической последовательности.

В трудах В. А. Богородицкого чрезвычайно ярко проявился интерес к живому звучащему слову, отсюда его постоянное увлечение диалектологическими исследованиями на материале различных языков: славянских, балтийских, тюркских. Особенно много внимания он уделял изучению говора деревни Белой вблизи Казани. Этот говор обстоятельно описывался В. А. Богородицким в ряде статей на протяжении около пяти десятков лет, начиная со студенческой скамьи.

В лингвистическом наследии В. А. Богородицкого видное место занимают и проблемы прикладного языкознания в связи с преподаванием русского языка, особенно нерусским. Его небольшая работа «О преподавании русской грамматики в татарской школе» выходи-

ла пятью повторными отдельными изданиями в течение почти 70 лет (I — 1885, последнее издание — 1951).

В. А. Богородицкий хорошо знал современную ему языковедческую науку, тщательно следил за ее новостями, оценивал наиболее значительные книги языковедов разных стран. Его собственные работы тоже вызывали оживленное обсуждение в научных журналах, а иногда даже возникали своеобразные дискуссии, результаты которых способствовали выяснению истины и отражались на страницах трудов не только В. А. Богородицкого. Интересна его статья о Казанской лингвистической школе, одним из деятелей которой был сам В. А. Богородицкий. В статье показан вклад казанских ученых в мировое языкознание.

Научные интересы В. А. Богородицкого были очень широки: проблемы языкознания, психологии, литературоведения, философии, математики, методики преподавания, но главные интересы ученого относятся к области русского языка и его истории. Значительны заслуги В. А. Богородицкого в разработке проблем татарского и других тюркских языков: он впервые создал общее пособие по научному изучению языков этой семьи.

Работая в высших учебных заведениях Казани, В. А. Богородицкий много сил отдавал подготовке высококвалифицированных языковедческих кадров. Среди его учеников следует назвать профессоров Н. П. Андреева, В. А. Малаховского, А. М. Селищева, татарского языковеда Г. Шарафа, чувашского языковеда Т. М. Матвеева.

Большое лингвистическое наследие В. А. Богородицкого и в наши дни продолжает привлекать к себе внимание не только историков языкознания, но и ученых, разрабатывающих конкретные проблемы отдельных языков. Его идеи по-прежнему продолжают оказывать благотворное и плодотворное воздействие на современную языковедческую теорию и практику.

И. Г. ДОБРОДОМОВ

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

Что означает слово *нумизмат*?

Л. А. Дятлов, Саратов

Нумизмат — человек, который занимается нумизматикой. *Нумизматика* — наука, изучающая историю денег и денежного обращения, а также коллекционирование старинных монет и медалей.

ДОКТОР филологических наук Евдокия Трофимовна Черкасова родилась 3 марта 1902 года на Украине, в поселке Червоное Житомирской области. Ее биография не типична для ученого-филолога: Е. Т. Черкасова поздно пришла в науку. Окончив гимназию, она работала учительницей сельской школы, потом заведующей детским садом и снова учительницей. В 1926 году Е. Т. Черкасова окончила школьный факультет Академии коммунистического воспитания имени Н. К. Крупской, а в 1938-м — Московский городской педагогический институт. В годы войны Е. Т. Черкасова работала мастером на одном из московских заводов и учетчиком по труду в совхозе Московской области.

Только в 1944 году Евдокия Трофимовна поступила в аспирантуру МГПИ имени В. И. Ленина. После ее окончания в 1947 году Е. Т. Черкасовой была присуждена ученая степень кандидата филологических наук. С этого же года и до конца своей жизни она работала в Институте русского языка АН СССР, совмещая эту работу с преподаванием в МГУ имени М. В. Ломоносова. Докторскую диссертацию Евдокия Трофимовна защитила в 1966 году.

Для Е. Т. Черкасовой всегда было характерно тщательное изучение языкового материала, от которого она шла к



Евдокия
Трофимовна
ЧЕРКАСОВА

1902—1976

обобщениям, чуждаясь искусственных схем и надуманных построений. Е. Т. Черкасова занималась разными вопросами морфологии и синтаксиса, истории литературного языка, языка художественной литературы, но главной ее темой была история образования и развития служебных слов в русском языке. Ей принадлежит ряд серьезных фундаментальных исследований по истории становления русских производных предлогов. Этой проблеме посвящены многочисленные статьи и главы, написанные Е. Т. Черкасовой для «Очерков по исторической грамматике русского литературного языка XIX века» (М., 1964). Обобщением результатов многолетней работы по этой теме является книга «Переход полнозначных слов в предлоги» (М., 1967). На огромном материале в ней показаны пути и закономерности формирования русских вторичных предлогов.

Рассматривая причины появления производных предлогов, Е. Т. Черкасова отмечает, что они складываются по внеязыковым и собственно языковым причинам. Внеязыковые причины — это общественная потребность в точных и специализированных средствах выражения отношений между словами; языковые — многозначность первичных предлогов, в силу чего они часто не справлялись с точным выражением тех или иных отношений.

Занимаясь грамматикой, Е. Т. Черкасова была в неменьшей мере лексикологом, что объяснялось и ее склонностями, и спецификой основной темы: история вторичных предлогов и союзов — это история смысловых изменений отдельных слов и некоторых групп слов. Исследования по истории возникновения и развития вторичных предлогов обнаруживают интересные закономерности в области переходности частей речи, функционирования разных групп слов. Е. Т. Черкасова отмечает, например, что слова, содержащие в своем лексическом значении «элемент релятивности» (называющие определенную логическую категорию, логические отношения), неизбежно начинают функционировать в роли предлогов. Такова судьба существительных *время, причина, направление, цель, подобие, сравнение, отличие* и др. (в роли предлогов выступают *во время, по причине, в целях, в направлении к* и др.). Появление функций предлогов у слов, называющих определенный вид логического отношения или сами отношения, наблюдается в кругу разных частей речи: *в отношении, относительно, подобно, наподобие, в соответствии с, соответственно с, за исключением, исключая* и т. д.

Для образования предлогов от слов, не содержащих в себе элемент релятивности, возможна фразеологизация предложно-падежной формы в результате длительного смыслового преобразования (например, история предлогов *ввиду, в силу, во имя*).

Однако ббльшая часть производных предлогов сложилась на базе свободных сочетаний слов. Так формировались почти все отадъективные, отглагольные и преобладающая часть собственно отыменных предлогов. Непродуктивным оказалось для русского языка образование предлогов путем калькирования под влиянием иноязычного источника (калькированием Е. Т. Черкасова называет такое явление, когда в словах, уже существовавших в русском языке, под влиянием другого языка развивается новое значение). Так, предложное значение у словоформы *в качестве* появилось под влиянием французского *en gualité de*.

Чрезвычайно интересны очерки Е. Т. Черкасовой по истории отдельных предлогов (*вследствие, в течение, ввиду, в силу* и др.). В них детально рассмотрены все контексты, представляющие тонкие переходы, видоизменения лексических значений слов в условиях их «обычных» и «необычных» связей.

Е. Т. Черкасова раскрыла сложный механизм преобразования деепричастных форм в предлоги: *благодаря, спустя, несмотря на, исключая* и др. В этом процессе взаимодействовали лексические и грамматические факторы: роль переходности и вида глагола, двусторонность синтаксических связей деепричастия, «предрасположенность» его значения к переходу в предлог.

Исследование Е. Т. Черкасовой доказывает необоснованность широко распространенного мнения о том, что полнзначные слова переходят в предлоги непременно через стадию наречия. Приводимый ею материал убедительно свидетельствует: такой путь возникновения предлогов был единственным лишь в общеславянский период. В более позднюю эпоху этот путь был необязательным и далеко не самым характерным для образования вторичных предлогов. Предлоги, генетически связанные с наречными формами имен, составляют, по наблюдениям Е. Т. Черкасовой, меньшую часть предложных образований.

Последние годы жизни Е. Т. Черкасова была руководителем коллективной темы по исторической лексикологии нового времени, над которой работала группа научных сотрудников в секторе грамматики и истории литературного языка Института русского языка АН СССР. Ею написано теоретическое введение и собран большой материал. Книга (в двух томах) была закончена без нее, и уже вышла из печати: I. История лексики русского литературного языка конца XVII — начала XIX в. II. Лексика русского литературного языка XIX — начала XX в.

Е. Т. Черкасовой всегда были близки также интересы школы. Она занималась проблемами обучения русскому языку, вопросами орфографии, писала об этом в своих статьях.

Е. Т. Черкасова была требовательным и чутким преподавателем, незаурядным и самобытным человеком, ее любили студенты и ценили коллеги. Она была чрезвычайно предана науке. Увлеченность работой сочеталась в ней с убежденностью: науке надо служить всегда, каждый день. Уже будучи тяжело больным человеком, она продолжала работать.

О. П. ЕРМАКОВА

Калуга

СРЕДИ КНИГ

Ф. П. Филин.

ИСТОКИ И СУДЬБЫ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Эта книга стала событием большого культурного значения прежде всего потому, что в ней ставятся и освещаются самые интересные вопросы, интересующие самые широкие круги читателей — и специалистов-филологов, и историков, и социологов.

В ней автор обратился к истории и теории русского литературного языка в наиболее острых и спорных ее моментах. Проблема становления национального русского языка составила центральную тему книги. Эта тема не раз обсуждалась в работах многих ученых-русистов, но не нашла еще единого и общепризнанного решения. До сих пор ведутся споры об истоках русского литературного языка. В полемически заостренной форме Ф. П. Филин всю первую главу посвящает изложению разных версий происхождения русского литературного языка.

До 30-х годов XX века в филологической науке господствовало убеждение, что русский литературный язык является иноязычным по происхождению. Причем его первоуродную основу составляет церковнославянский язык, появившийся на Руси после введения христианства. Эта гипотеза завоевала среди ученых особенно много сторонников, и наиболее яркое теоретическое и фактическое ее обоснование было дано, прежде всего, в трудах академика А. А. Шахматова.

С критикой этой гипотезы выступил в 30-е годы академик С. П. Обнорский. Его идея об исконной, а не заимствованной основе литературного языка вызвала в свое время острую научную дискуссию. Ф. П. Филин рассказывает о нем еще никем не написанную историю развернувшейся научной полемики, живым свидетелем и участником которой он был. В книге рассказано не только о сущности споров, но и о том, какие аргументы выдвигались в пользу каждой из гипотез.

Ф. П. Филин считает, что русский литературный язык возник на народной основе и, сохраняя ее на протяжении истории, «ассимилировал и растворил в своем составе ино-

язычные элементы». Чтобы доказать ошибочность концепции А. А. Шахматова и Б. О. Унбегауна, Ф. П. Филину необходимо было детально рассмотреть все двенадцать признаков иноязычной основы, которые выделил в русском литературном языке А. А. Шахматов.

Автор книги провел статистический анализ состава словаря современного литературного языка и пришел к определенному выводу. «Формально-генетических церковнославянизмов (не забудем, что большинство из них возникло на русской почве) в современном русском литературном языке оказалось что-то около 10%, а греко-латинских и западноевропейских заимствований (включая слова, созданные самими русскими, и все русские производные от иноязычных основ) — около 13%. Какая-то доля (в общем незначительная) приходится на заимствования из всех других языков (инославянских, тюркских, финноугорских, кавказских и т. д.). Галлицизмов не более 4%. Свыше трех четвертей словарного состава нашего современного литературного языка составляет исконно русская по происхождению лексика». Относительно проведенных подсчетов необходимо заметить, что именно в этой книге впервые устанавливается действительный удельный вес генетических церковнославянизмов (на основе сплошного обследования 17-томного академического Словаря и большого Обратного словаря).

Иноязычные теории происхождения русского литературного языка Ф. П. Филин отвергает, опираясь не только на собственный фактический

анализ, но и на обширные конкретные исследования многих современных ученых. Рассмотрев историю литературного языка в разных аспектах и с разных точек зрения, автор книги убежденно заключает: «...нет, нельзя отделить литературный язык от народа, его создавшего».

Проблема становления национального русского языка рассматривается в книге на широком историческом фоне. Приведены разные точки зрения ученых о том, что такое национальный русский язык, а также об истоках нашего литературного языка. Категория «национального языка», его состава, исторических путей его развития в России освещена во второй главе. В этой части книги содержится ряд дискуссионных теоретических положений, вызывающих немалые споры и разногласия. По мнению одних лингвистов, в категорию «национального языка» включается только один литературный язык, по мнению других — в его состав, помимо литературного языка, входят и диалекты.

Ф. П. Филин расширяет представления о национальном русском языке, включая в него не только литературный язык, но и все разновидности общенародного языка, «в том числе и территориально-социальные диалекты, полудиалекты, вне-литературное просторечие, жаргоны (исключая тайные языки, понятные только посвященным)». Причем автор неоднократно подчеркивает ведущую роль литературного языка.

В развитии русского национального языка, примерно с XVII века, особое место зани-

мал московский говор, по выражению автора, «московское наддиалектное койне». Устный язык всех говоров и койне был спаян общерусской основой и служил на Руси главным средством общения. Процесс сложения национального языка был длительным и завершился лишь в эпоху Пушкина.

Касаясь вопроса о хронологических рамках современного литературного языка, Ф. П. Филин выделяет два существенных этапа: «1) от Пушкина до Великого Октября и 2) после 1917 года до наших дней (что не исключает, а предполагает частные подразделения внутри каждого этапа)». Когда речь заходит о выделении наиболее существенных этапов в истории литературного языка, у читателя неизбежно возникают вопросы: Что же такое литературный язык как историческая категория? Каковы его особенности и основные признаки? И наконец, если нижней границей хронологических рамок современного литературного языка считать эпоху Пушкина, что же было до этого времени? Существовал ли на Руси литературный язык донациональной поры (до XVIII в.)? Именно эти узловые моменты теории литературного языка находятся в центре внимания автора в особой главе, посвященной литературному языку.

Для всех, кто вплотную интересуется тем, какое содержание вкладывается в понятие «литературный язык», особый интерес представляют те страницы книги, где формулируются и раскрываются общие особенности литературных языков эпохи нации. Здесь их можно воспроизвести лишь в кратких чертах: 1) обработан-

ность, упорядоченность литературного языка; 2) нормативность, узаконенная обществом; 3) стабильность, непрерывность традиции; 4) обязательность норм для всех членов коллектива, наддиалектность литературного языка; 5) развитая стилистическая дифференциация; 6) универсальность и 7) наличие устной и письменной разновидностей литературного языка.

Основным процессам, происходящим в языке эпохи нации, предшествовала сложная языковая ситуация донациональной поры, без которой история современного литературного языка не может быть понята и объяснена. Поэтому автор снова возвращает читателя во времена Древней и Московской Руси. В книге опровергается взгляд на церковнославянский язык как на единственный литературный язык того времени. Все богослужебные тексты были написаны на церковнославянском языке русской редакции. В то же время ученым известны и тексты деловой литературы (грамоты, договоры, летописи и др.), которые были написаны на древнерусском языке, возникшем из живой речи восточных славян с примесями церковнославянизмов. Сосуществование двух письменных языков и смешение генетически разных элементов сыграло огромную роль в последующем развитии русского литературного языка.

Эпилог книги составили размышления автора о некоторых путях развития современного языка. Русский литературный язык стал средством межнационального общения народов СССР и одним из международных языков. Ф. П. Филин

высказал свое мнение о тенденциях развития русского языка послеоктябрьской эпохи, о взаимоотношениях письменной и устной разновидностей языка, о языке современной художественной литературы. Автор и в этой части касался прежде всего тех проблем, которые до сих пор вызывают споры и пока что далеки от окончательного решения.

Книга «Истоки и судьбы русского литературного языка» (М.: Наука, 1981) заключает написанную Ф. П. Филиным историческую тетралогию. Ее нельзя отрывать от предшествующих монографий автора, объединенных общей идеей и преемственностью сюжета: «Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи. (По материалам летописей)» (1949), «Образование языка восточных славян» (1962), «Происхождение русского, украинского и белорусского языков» (1972).

Л. К. ГРАУДИНА

З. А. Потиха.

СТРОЕНИЕ РУССКОГО СЛОВА

Издательство «Русский язык» выпустило учебный словарь «Строение русского слова» (М., 1981), написанный доктором педагогических наук, профессором З. А. Потихой. Основное назначение словаря — дать достаточно полные сведения о строении наиболее употребительных и актуаль-

ных слов русского языка. Словарь содержит четыре части: Введение, Словарь морфемного членения слов, Индекс служебных словообразовательных морфем и Справки о некоторых фонетических и лексических явлениях в русском языке, связанных со словообразованием. Автор книги пишет во Введении: «Главный путь обогащения словарного состава — это словообразование. Следовательно, изучая словообразование и овладевая новыми словами, учащиеся имеют возможность проследить пути и познать средства обогащения языка в целом».

З. А. Потиха просто и ясно рассказывает о том, как проводится морфемный анализ слов. *Морфема* [от греч *morphē*—форма] — значимая часть слова, далее неделимая. При морфемном анализе выделяются все живые (с точки зрения современного русского языка) морфемы (корень, приставка, суффикс, окончание, соединительные гласные *о* и *е*). В первую очередь определяется основа слова путем отбрасывания окончания, если оно есть, например: *дет-и*. «Золотым правилом» морфемного разбора является сравнение однокоренных и однокоренных слов и выявление в них живых аффиксов: *объ/един/-/ённ/ый* — ср. *едін/ств/о*, *едін/ый*.

Словарь морфемного членения слов содержит около 3000 словарных статей-гнезд современного русского литературного языка. В словарные гнезда входят однокоренные родственные слова, во главе которых стоят исходные (чаще непроизводные) слова, расположенные в алфавитном порядке, например:

автомобиль автомобиль/н/ый, автомобиль/чик, автомобил/ист

агент агент/ур/а, агент/ур/н/ый, агент/ств/о

пред... В глаголах обозначает предварительность, заблаговременность, действия: *предвид/е/ть, предо/хра-н/и/ть, пред/ре-ш/и/ть...*

Из-за ограниченного объема учебного словаря в него включены в основном значимые части речи и зафиксирован не весь словообразовательный ряд, а лишь основные его звенья. Когда учащиеся выяснят состав слов данного гнезда, они могут продолжить работу по словообразованию, обратившись, например, к разделу о суффиксах существительных. Здесь дан суффикс и замечания о словах, в которых выделяется этот суффикс:

-ай Выделяется в отдельных существительных, обозначающих понятия, явления.
обыч/ай (ср. *обыч/н/ый*),
случ/ай (ср. *случ/и/ть/ся*)

-ич Выделяется в существительных, обозначающих жителей городов.
Слова образованы от названий городов.
Москв/ич (ср. *Москв/а/*).

Далее автор приводит суффиксы, выделяемые в именах прилагательных, глаголах, причастиях, деепричастиях, наречиях. В словаре дано около 40 наиболее употребительных приставок и объяснено, в каких словах выделяется каждая приставка и что она обозначает:

Специальная глава посвящена греко-латинским словообразовательным элементам в терминологии, которые в русском языке часто не вычленяются (*телескоп, телефон*). Здесь приводятся словообразовательные элементы, выступающие в качестве первых частей слова: *авиа...* (от лат. *ptíŭca, летать*) — *авиа/бáз/а, авиа/лйн/и/я* и др.; или вторых частей слова: *...метр(и)я* — (от греч. *méritъ*) — *ампер/мётр, геомётр/и/я, хроно́метр* и др. Из приведенных примеров видно, какой необходимый материал для разбора слов по составу приводится в книге «Строение русского слова».

В словообразовании существительных и прилагательных в современном русском литературном языке, особенно в его научно-публицистических стилях, важное место занимает словосложение. Соединительные гласные *о* и *е* в данном случае выступают как самостоятельные морфемы. При разборе слова по составу необходимо правильно выделить соединительную гласную и помнить о том, что она может быть только в сложных словах.

В заключение автор приводит справки о некоторых фонетических и лексических явлениях в русском языке, связанных со словообразованием. Это и чередование звуков, и различные случаи выпадения согласных в словах, и глаголы

на -чь, и звук *j* (йот) и его обозначение в Словаре, и связанные корни, и варианты морфем, и сведения об этимологическом (историческом) анализе слов. Вот сколько интересного и поучительного можно узнать из учебного словаря З. А. Потихи «Строение русского слова». Этот словарь предназначен для зарубежных школ, но он будет полезен всем читателям, которые проявляют интерес к изучению богатств русского языка: и учителям-словесникам, и студентам-филологам, и школьникам.

И. М. БЕСПАЛОВА

А. А. Брагина.

ЛЕКСИКА ЯЗЫКА И КУЛЬТУРА СТРАНЫ

Жизнь народа протекает во времени. И во времени развивается значение слова, то отступая в глубь истории, то возвращаясь в активное речевое обращение. Сама жизнь как бы призывает слова на службу обществу, проявляет их смысловые возможности. В значении слов раскрывается и перспектива развития науки, культуры, техники страны в целом.

О пополнении словарного состава языка, о переменах в значениях известных слов, отражающих новые явления в общественной и производственной жизни советских людей, рассказывает книга А. А. Брагиной «Лексика языка и культура страны» (М.: Русский язык, 1981). Автор много

лет собирала материал для этой книги, часть которого была опубликована в нашем журнале, например: Антоновка — антоновские яблоки; Солдат — ефрейтор — сержант — мичман — прапорщик — офицер; Чужое или свое? и другие.

В книге восемь глав. Расскажем о некоторых из них.

О связи слова с окружающим миром, о том, как слово отражает историю страны, происходящие перемены в жизни общества, говорится в главе I «Слова и вещи. Слова и явления. Слова и идеи». Например, слово *хлеб*: «Хлебистый говорили о человеке, в доме которого был запас хлеба. *Хлебный год* — это урожайный год, *хлебная сторона* — это богатая, обильная хлебом». В каждом таком слове — образ: *хлебород*, *хлебозор*, *хлебозорка*, *хлебить*. «Где хлебно и тепло, там и жить добро» — говорилось в народе. Складывались слова и пословицы веками, они и теперь служат нам своей неумирающей сутью. «Есть хлеб — будет и песня» — так начинается свой рассказ о целине и битве за хлеб Леонид Ильич Брежнев.

Научно-технический и социальный прогресс несут с собой и языковые изменения. Слово *комплекс* в сельском труде говорит о новом методе работы, совсем иных масштабах в сельском хозяйстве. Но и старые слова продолжают жить в нашей лексике: «Паровоз сменили *локомотив*, *электровоз*, *самолет*, *аэробус*... *Кибитки*, *коляски*, *каretы*, *телеги*, *возки* и *обозы* — это уже приметы ушедшей эпохи. Предметы уходят из жизни, но слова еще живут, только меняются их роль, их функции

в живом речевом обороте». Так, летчик говорит о сверхзвуковом самолете: «На этой тележке я бы прокатился?».

В книге можно прочитать и о новых терминах, об интернациональной терминологии, создающейся на основе греческих или латинских корней: *телефон, кинематограф, синхрофазотрон* и т. д.

Результатом общения народов является пополнение лексик в их языках. Заимствующий язык не просто принимает новое слово, а, вбирая в себя, придает ему свою форму, свое содержание, как бы создавая его вновь. Об этом рассказывает IV глава. С возросшим уровнем жизни, стремительным развитием науки, техники и культуры русский язык становится источником обогащения других языков народов мира: «Заимствованные слова, если их расположить во временной последовательности, могут стать своеобразной летописью страны, передадут рост ее международного престижа, ее политического, культурного и научно-технического потенциала. Сравним ряд *сарфап, семга, квас, мед, тройка, телега* с другим рядом *декабрист, народник, интеллигенция* и, наконец, совсем с иным рядом *Советы, ленинизм, колхоз, совхоз, трудодень, спутник, лунник, луноход, мягкая посадка, необратимая разрядка*».

«Слова и краски» — это название V главы. Как связано слово с миром красок?

Языковая образность уходит корнями в историю народа, его быта. В романе А. Толстого «Петр Первый» есть интересный цветовой ряд: *красный — клюквенный*. Определение *клюквенный* имеет здесь переносное цветовое значение:

«цвета ягоды клюквы», «как клюква». Буквальное значение этого слова — «сделанный из клюквы» — служит основой для нового значения, и этот реальный оттенок — связь с определенной реальией — помогает писателю усилить особый национальный колорит в описании свадебного паряда невесты: «Поверх летника — широкий опашень *клюквенного сукна*...»

Очень часто старое слово, ушедшее из широкого употребления, вдруг оживает, наполняется новым содержанием, раскрывает свои выразительные возможности. Автор прослеживает старое слово *маяк*, которое с новой силой вошло в наш современный язык, обрело новую жизнь, превратившись в экспрессивный синоним. Издавна сложившиеся осмысления слова *маяк* дали в народной речи образное, переносное, употребление — сравнение с человеком, являющимся образцом в труде и жизни. Вот примеры из газет: «Равнение на маяки» — о лучших тружениках в сельском хозяйстве; «Свет маяка» — о лучшей заведующей сельским клубом; «Колхозный маяк» — о передовике-колхознике; «фильмы о маяках», «маяк свекловодов» и др.

В заключение хочется отметить, что книга содержит богатый справочный материал, все положения автора иллюстрированы текстами из известных художественных произведений и публицистики. Книга А. А. Брагиной предназначена для преподавателей русского языка как иностранного, а также для всех интересующихся проблемами русского языка.

Т. С. КОЛМАКОВА

АФГАНЦЫ ИЗУЧАЮТ РУССКИЙ ЯЗЫК



С каждым годом увеличивается на нашей планете число людей, изучающих русский язык. Особенно активно этот процесс идет в странах, недавно получивших независимость и выбравших некапиталистический путь развития.

Значительный интерес для этих государств представляет опыт Советского Союза в экономической, социальной и культурной областях, особенно в вопросах национальной политики и языкового строительства, поскольку большинство молодых независимых стран, как и СССР, многонациональны и многоязычны.

Примером молодого независимого государства, недавно ставшего на путь коренных социально-экономических преобразований и проявляющего интерес к русскому языку, является Демократическая Республика Афганистан.

Власть в стране до национально-демократической революции 1978 года принадлежала буржуазии и помещикам, сильны были пережитки феодализма. «До революции 90 процентов мужчин и 98 процентов женщин были неграмотны. Образование было доступно немногим. Школы в то время были сосредоточены в поместьях феодальных владык. Всего два процента детей школьного возраста из крестьян и рабочих семей имели возможность посещать их. Система образования была откровенно дискриминационной... Занятия велись либо на дари, либо на пушту. Языки национальных меньшинств игнорировались» (За рубежом, 1981, № 23). Во всех школах, лицеях и высших учебных заведениях обязательным было изучение английского, немецкого и французского языков.

Между тем издавна интерес передовых, патристически настроенных афганцев к русскому языку и Советской стране был немалым. Памятным для всех событием явился февраль 1919 года, когда эмир Аманулла-хан провозгласил Афганистан независимым от Англии государством и возглавляемое В. И. Лениным правительство выразило готовность установить с Афганистаном дипломатические отношения и оказало «моральное, дипломатическое и материальное в тех условиях материальное содействие Страны Советов сражающемуся (против британского империализма.— *Н. М.*) афганскому народу» (Халфин Н. А. Договор равных. Новый мир, 1981, № 1).

Владимир Ильич Ленин писал афганскому эмиру: «...Мы счастливы отметить, что первый договор о дружбе, который заключил афганский народ, был договор с Россией.

Мы уверены, что искреннейшее наше желание будет осуществлено и что Россия навсегда останется первым другом Высокого Афганского государства на благо обоих народов» (Ленин В. И. Полное собрание сочинений, т. 52, с. 319).

Договор о дружбе, подписанный в Москве 28 февраля 1921 года, стал основой взаимовыгодного экономического сотрудничества между двумя соседними странами.

Активное расширение технико-экономических и культурных связей, всесторонняя помощь СССР в подготовке национальных кадров — все это способствовало пробуждению интереса афганского народа к дружественной стране, к достижениям советских людей в области науки и техники, экономики и культуры, а также к русскому языку.

Национально-демократическая революция, свершившаяся 27 апреля 1978 года, открыла новый этап в жизни страны. Были осуществлены многочисленные реформы, в том числе в области образования. Подлинная война была объявлена неграмотности: открыты сотни новых школ, тысячи рабочих и крестьян обучаются на курсах ликбеза. Многие делается для поднятия культуры всех народностей Демократической Республики Афганистан: издаются учебники, газеты и книги на узбекском, туркменском, белуджском и других языках.

Стало возможным и более полное удовлетворение потребностей населения в изучении русского языка особенно после подписания 5 декабря 1978 года Договора о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между СССР и ДРА.

Благодаря реформам в области образования и просвещения резко увеличилось число учебных заведений с преподаванием русского языка. Уже в 1978 году русский язык был введен в лицее «Революция». Весной 1979 года открыта кафедра русского

языка и литературы на филологическом факультете Кабульского университета (автору этой статьи посчастливилось быть в числе первых советских русистов — основателей кафедры), Осенью того же года русский язык был введен и в ряде других высших учебных заведений страны.

В последнее время значительно увеличилось число кружков и курсов русского языка. Если перед апрельской революцией в стране насчитывалось около двадцати групп с числом учащихся менее трехсот, то в 1981 году работало около 70 групп (1500 учащихся). В 1982 году в Кабуле планируется открытие нового здания Советского культурного центра, в котором предусмотрены специальные учебные классы и лингафонные кабинеты для занятий русским языком, что, несомненно, позволит полнее удовлетворить запросы желающих изучать русский язык.

Следует отметить изменение социального и возрастного состава слушателей курсов: раньше это была в основном интеллигенция и представители делового мира, а теперь — крестьяне и рабочие, инженерно-технические работники, служащие государственных учреждений и военные, школьники, лицеисты и студенты. Наиболее отличившимся выпускникам курсов, получившим удостоверение, разрешается вести занятия самостоятельно.

Летом 1981 года впервые группа афганских лицеистов приняла участие в четвертой московской Международной олимпиаде школьников по русскому языку.

С 1980 года в Кабуле действует Методсовет по распространению русского языка в ДРА, в задачу которого входит оказание методической помощи преподавателям-русистам кружков и курсов, школ и гимназий, техникумов и вузов, координация учебной и научно-методической работы, создание совместных разработок и пособий, обмен необходимой литературой и т. п. Активно изучается, обобщается и пропагандируется богатый опыт старейших коллективов русистов (особенно Кабульского политехнического института и Кабульского автомеханического техникума), создавших немало интересных и полезных методических разработок и пособий: «Вводно-фонетический курс для афганцев», «Русский язык для афганцев», учебные словари, многочисленные сборники текстов и упражнений по специальности и т. п. Все шире используются технические и аудиовизуальные средства обучения: в большинстве учебных заведений действуют лингафонные кабинеты, везде используются слайды и диафильмы, регулярно демонстрируются учебные, документальные и художественные кинофильмы.

По данным специалистов, знание русского языка открывает сейчас доступ к 70 процентам имеющейся в мире информации,

следовательно, оно представляет широкие возможности для приобщения к новейшим достижениям науки, способствует ускорению подготовки национальных кадров, что так необходимо молодому государству.

Все это прекрасно понимают афганцы. Не зря с каждым годом увеличивается число студентов и слушателей, изучающих русский язык. При Министерстве просвещения ДРА создан специальный отдел, координирующий преподавание русского языка по всей стране. В настоящее время количество изучающих русский язык в Афганистане превышает десять тысяч.

На новую высоту поднимается и уровень владения языком: если до апрельской революции русский язык преподавался лишь на первых курсах в техникумах и Кабульском политехническом институте, то сейчас его изучают на всех курсах этих учебных заведений. Многие студенты защищают работы на русском языке, а наиболее сильным в языковом отношении выпускникам с 1981 года выдается удостоверение переводчика по специальности, что повышает авторитет молодого специалиста.

Почти все выпускники владеют русским языком в достаточной степени, чтобы объясняться с советскими специалистами на объектах экономического сотрудничества. Таким образом, русский язык в ряде случаев в силу практической необходимости становится рабочим языком в этой многонациональной стране.

Увеличение числа желающих изучать русский язык в кружках и на курсах, рост учебных заведений с факультативным или обязательным изучением русского языка — все это создает возможность построения целостной многоступенчатой системы преподавания русского языка в ДРА, вплоть до подготовки высококвалифицированных национальных педагогических и научных кадров русистов низшего, среднего и высшего звена (для кружков и курсов, школ и лицеев, техникумов и вузов). И первые обнадеживающие шаги в этом направлении уже сделаны.

Немногочисленные пока афганские кадры русистов скоро пополнятся педагогами, получившими высшее образование в вузах СССР, а также преподавателями, которых готовит отделение русского языка и литературы при Кабульском университете.

Интерес к русскому языку — языку дружбы и братства, мира и социального прогресса — свидетельствует о признании достижений советского народа в экономических, социальных, культурных и других сферах современной действительности.

Н. Ю. МЕРКУЛОВ

Рисунок В. Толстоногова

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

Конференции, симпозиумы, семинары являются неотъемлемой формой деятельности Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ). На таких встречах ученые из разных стран обмениваются мнениями по различным вопросам преподавания русского языка и литературы, устанавливают деловые и творческие контакты, участвуют в дискуссиях по различным аспектам языкознания, литературоведения, методической работы и т. д.

*

С 17 по 21 ноября 1981 года в Москве проходила международная конференция «Содержание и организация вузовского образования студентов-филологов», рассмотревшая ряд вопросов, имеющих самое непосредственное отношение к тематике очередного V кон-

гресса МАПРЯЛ (Прага, 1982 г.).

С докладами, сообщениями на конференции выступили более 250 человек. Активное участие в работе конференции приняли члены 16 зарубежных делегаций, в частности, ученые-русисты и литературоведы из ГДР, ПНР, ЧССР, НРБ, Кубы, Вьетнама, Индии и других стран, а также ведущие советские ученые.

Открывая пленарное заседание, декан филологического факультета МГУ профессор И. Ф. Волков подчеркнул, что неустанная деятельность советских и зарубежных ученых, педагогов по распространению русского языка в мире, по повышению качества и уровня его преподавания является прямым ответом на рост интереса к русскому языку, к русской культуре и литературе, к жизни Страны Советов. Огромную роль в этой связи играет тот факт, что русский язык — это язык мира и дружбы, социального прогресса, что это — хранитель великих духовных ценностей человечества.

*

Работа конференции проходила по двум секциям — языкознания и литературоведения.

Ряд докладов и сообщений в секции языкознания касался важных вопросов содержания теоретических курсов

историко-лингвистического цикла, в частности, места историко-лингвистических дисциплин в теоретической подготовке филологов-русистов, связи истории языка с историей народа и его культурой. Часть сообщений была посвящена практическим проблемам, например отбору и организации разнообразного языкового материала в зависимости от целей и задач преподавания, проблеме соотношения между речевыми умениями и лингвистическими знаниями, задаче координации практического курса русского языка и теоретических курсов филологического профиля, разработке новых спецкурсов и спецсеминаров.

*

На заключительном заседании конференции ее участники встретились с руководителями советских филологических журналов и издательств, выпускающих литературу по русистике. В своем выступлении главный редактор журнала «Русская речь» В. В. Иванов подчеркнул, что основными задачами журнала является повышение культуры русской речи как одного из аспектов повышения общей культуры и пропаганда знаний о русском языке.

В теплой дружеской атмосфере прошла и встреча делегатов с известным советским

писателем, лауреатом Государственной премии 1981 года Василием Беловым, который рассказал о своем творческом пути, о планах создания новых книг, ответил на многочисленные вопросы.

На заключительном пленарном заседании была принята резолюция конференции, в которой были подчеркнуты важность и актуальность рассмотренных вопросов.

*

Чувства и мысли участников конференции «Содержание и организация вузовского образования студентов-филологов» хорошо выразил руководитель делегации Индии, член исполнительного комитета МАПРЯЛ, председатель Всеиндийской ассоциации преподавателей русского языка и литературы профессор Г. Мукерджи. В беседе с корреспондентом журнала «Русская речь» он подчеркнул, что конференция продемонстрировала большие достижения советского литературоведения и языкознания, подтвердила интерес к русскому языку в современном мире, его роль на международной арене как средства общения и сотрудничества людей различных национальностей, государств; его роль в служении социальному прогрессу человечества.

Г. В. ГОРБАНЕВСКАЯ

ВЕЙСЯ, ВЕЙСЯ, КАПУСТКА МОЯ ...



Капуста как культурное растение появилась в западной части Средиземноморья. В Древней Греции ее считали священной пищей богов. Она служила лекарством от желчных болезней, ею лечили раны и нарывы.

Древние греки связывали появление капусты с волей богов. Юный Дионис, резвясь в окружении игривых менад, подвергся нападению фракийского царя Ликурга. Дионис, убегая от властителя Фракии, бросился в море, где нашел приют у прекрасной нимфы Фетиды. Разгневанный отец Диониса Зевс ослепил Ликурга. Из слез Ликурга и выросла капуста.

С древних пор капусте отводилось особое место в хозяйстве русского крестьянина.

В старину считалось, что не в каждый день недели можно сажать капусту. В четверг ее не сажали, чтоб черви не подточили. При посеве семена капусты нужно было пересыпать из руки в руку, чтобы не уродилась брюква.

О посадке капусты, поливке, прополке пели крестьяне в своих песнях. Так, в любовной песне, записанной в Костромской губернии, девушка поет:

Возле речки ходила, молода,
Белу рыбицу ловила не одна,
Не одна я, со товарищем,
Со товарищем — со миленьким
дружком,

Как увидели ребяташки,
Доложили моей матушке.
Моя матушка, не лихо, не беда,
Как заставила капустку полоть.
Я полю, полю, не полетя.
Поливаю, не мочится,
Перемены младой хочется.

(Соболевский А. И. Великорусские народные песни. Т. IV, СПб., 1898).

Отношение к капусте выражается в народных песнях с помощью эпитета *белая* и ласкательной формы *капустушка*:

Часты огородушки,
Белая капустушка.
Как эту капустушку
Садил невестушка,
Посадивши, поливала,
Живот-сердце надорвала...

К глубоким языческим временам восходит обычай магических заклинаний при посевах сельскохозяйственных культур. Так, сажая капусту, приговаривали или напевали: «Не будь голенаста, будь пузаста; не будь пустая, будь густая; не будь красна, будь вкусна; не будь стара, будь молода; не будь мала, а будь велика».

Этот магический обряд отражен в народных песнях:

Во саду ли, в огороде
Девушка капустку сажала,
Приговаривала:
Ты расти, моя капустка,
И вила, и бела,
Со тыном равна!

Заклинания производились не только при посадке капусты. Так как этот овощ влаголюбивый, то в «заклинательной» песне желали, чтобы дождь помог капусте вырасти «пузастой и густой, вкусной и великой»:

Вейся ты, вейся, капустка,
Вейся ты, вейся, вилая!
Как мне капустке, не виться,
Как мне вилою, не ломиться?
Вечорсь на капустку,
Вечорсь на вилую

Выпал частый дождик:
Частенек, меленек,
С росой холоденек,
Сливной поливает,
Капустку ломает.

(Соболевский А. И. Великорусские народные песни. Т. IV, СПб., 1898).

Эта песня, записанная в Ростовском уезде Ярославской губернии, — часть магического действия, с помощью которого крестьяне старались помочь капусте вырасти после дождя такой, чтобы она была «со тыном равна». Поющий «заклинательную» песню движениями рук показывал, как должна виться и расти капуста.

В новгородских говорах зафиксировано устойчивое словосочетание *вить капустку* в значении «игра, пляска под песню». Эта игра также восходит к магическому обряду, связанному с выращиванием капусты.

Слово *капуста* употреблялось и в переносных значениях. Так, в нижнедонских говорах оно отмечено в значении «посев капусты», например: «Капусты плохие, суш был».

В значении «сбор капусты» употреблялось слово *капустка*, а в значении «время рубки капусты» — *капустица* и *капустница*, например: «Дело было в самую капустницу».

Капуста была основной овощной культурой, что подтверждается собирательным значением «овощи», приобретенным словом *капуста*.

В курских, орловских, калужских, смоленских, псковских и сибирских говорах слово *капуста* употреблялось в значении «щи». В олонецких диалектах щи называют *кпустницей*. Слово *капуста* известно также в значении «холодная похлебка, приготовляемая из квашеной капусты». Например, в одной из народных шуточных песен поется:

Сядемте, побаемте,
Капусты похлебаемте.

Русскому языку известно немало слов, образованных от *капуста*. В смоленских диалектах зарегистрировано слово *капустница* как название кадки для хранения квашеной капусты. В Сибири и на Урале этим словом называют кушанье, приготовленное из пареной или жареной капусты, залитой яйцами. Вот запись диалектной речи: «Изрубят капусту, молочка нальют, яичко разобьют, когда печка истопится, товда и ставишь. Седни капустницу собрали хорошую».

О младенце, родившемся вне брака, говорили, что его нашли в капусте. Такого ребенка называли *капустничком*.

В Словаре русских народных говоров (Л., 1977) находим слово *капустка* в значении «рубка капусты для засолки с приглашением помощниц-родственников и соседей, обычно сопровождаемая песнями и угощением». *Капустка* — это и вечеринка по случаю коллективной заготовки капусты, «род праздника, посиделок», как пишет в своем Словаре В. И. Даль. Этот праздник подробно описан жительницей Иркутской губернии Е. А. Авдеевой в «Записках и замечаниях о Сибири», изданных в 1837 году: «Осень во всей Сибири есть время простонародных вечеринок, которые там называют вечерками. Поводом к ним служит рубление капусты, что и называют *капусткой*. Когда капуста срублена, привезена и посуда для нее готова, то назначали день рубить капусту. С вечера ходили к соседям просить сечек и к знакомым звать на *капустку*. По утру обыкновенно собирались старухи обсекать капусту; она делилась на разные сорта: белую, серую (которую там квасят, пересыпая ржаной мукой, и называют *кислы*), пластинную (которую готовят для поста и дней постных, оставляя также кочаны на свежую) и шинкованную. Кто приходил на *капустку*, тех называли капустницами. Приходя, все поздравляли хозяек с *капусткой*, как с праздником, и, в самом деле, они к этому дню варили пиво (которое в Сибири вообще очень хорошо). Обед бывал хороший... После обеда собирались молодые женщины и девицы; мужчины приходили к вечеру. Рубление сопровождалось песнями, а вечером, когда все кончено, угощали чаем гостей; старух и настоящих работников кормили ужином, потому что в самом деле для молодых это был только предлог поплясать... После чаю, девицы, молодые женщины и мужчины начинали пляску; но это были не кадрили и мазурки, а национальная наша русская пляска. Очень часто плясали под песни, играли кругами, оленем, боярами, маком, сеяли просо. Все это оканчивалось ужином. Иногда после ужина еще плясали...»

Е. А. Авдеева в своих «Записках» приводит песни, которые обычно пелись во время рубки капусты и после. Вот одна из них, которой сопровождалась игра (все играющие становятся в кружок; одна девушка посредине круга; мужчина ходит вокруг и поет):

Я хожу, хожу, гуляю,
Я хожу, примечаю,
Да свою я Царевну,
Да свою Королевну.
А моя-то Царевна,
А моя-то Королевна
В Новгороде гуляет,
На ней венчик сияет...

В забайкальских говорах отмечено слово *капуска* в значении «игра». Эта игра состоит в следующем: один из играющих ладонью левой руки закрывает свое правое ухо; затем он становится спиной к играющим и должен угадать, кто из них ударил по ладони; если он угадает, то тот становится вместо него.

Заготовка капусты начиналась с воздвиженья, 14-го сентября по старому стилю. Как пишет В. И. Даль в Толковом словаре живого великорусского языка, — «это третья встреча осени (1 сентября — Симеона летопроводца, 8 сентября — осеннины) ... Первые зазимки; начало капусткам, капустенских вечорков, на две недели». В северных областях, в Сибири сбор капусты и ее заготовка проводились позднее, приблизительно с 25-го сентября по старому стилю, в день святого Сергия, почему этот день и получил название Сергия-капустника. В обиходе же этот день кратко назывался словом *капустки* (*капустянка*, *капустник* и др.). В Забайкалье была сделана такая запись: «Капустянку, верно, не все блюли, но знали, што срок капусту снимать и Сергея отмечать. Сергей был вроде как бы покровителем капусты» (Элиасов Л. Е. Словарь русских говоров Забайкалья. М., 1980). В Забайкалье бытует семейная песня, начинающаяся словами:

Свадьба будет в капустянку,
Сергий знает про нее.

Русские народные диалекты знают и другие названия праздника, посвященного рубке капусты, но все они образованы от слова капуста: *капустник* (во владимирских, рязанских и костромских говорах), *капустница* (в псковских, ярославских и тверских говорах; в последних отмечено также слово *капустинка*), *капустянка* (в пермских и забайкальских говорах).

Капустные праздники сохранились до наших дней. Известный современный диалектолог Л. Е. Элиасов сделал в Забайкалье такую запись: «Ты чо девка сёдне капустницей-то будешь? Ноне капустниц много придет». Там же записана народная песня:

Меня мама не ругала,
Что капустницей была.
Раз капустницей была,
Много дружек завела.

В. Н. ВАКУРОВ

Рисунок С. Гавриловой



Наступила весна. Первый ее месяц в русских говорах имеет названия *снеготай*, *март-сравняй* *загородки* (имеются в виду мартовские метели, которые заносят снегом изгороди).

В 1-й день марта (все даты приводятся по старому стилю) — первая встреча весны — день *Евдокии-плющихи* («Евдокия снег плющит настом, пластом». Глагол *плющить* объясняется В. И. Далем в Толковом словаре так: «плостить, площить, разбивать или раскатывать плоско, в лист, в тесьму; осаживать гнетом, давлением»); *новичек*, *пролетье*, *Авдотья-весновка*. День Евдокии-плющихи может быть не только теплым («Евдокия замочи подол — под порогом мокро»), но и метельным, ветреным («С Евдокии ветры, вихри и метели», «Евдокиевские бураны»); в связи с этим *Евдокия* имела еще прозвище *Свистунья*.

По этому дню судили о наступающей весне, о будущем урожае: «Если на Евдокию тепло и тает — то будет хорошая весна» (Смоленская губ.); «Ясная погода на Евдокию к хорошему урожаю пшеницы» (Костромская губ.); «На Евдокию капель — будет много огурцов»; «Лужи воды на Евдокию у порога — пасечники в меду купаться будут»; «Коли курочка в Евдокию напьется, то и овечка на Егория (апрель) наестся» и т. д.

Первое марта считалось началом хозяйственного года. Крестьяне говорили: «Пришли Евдокеи — мужику затеи: соху точить, борону чинить».

Начиная с *Евдокии-плющи* обычно наступала весенняя теплынь, в архангельских говорах она называется *рбспаль*. Оттепель же, когда тает снег, лед, в русских говорах носит названия *затáйка*, *потáйка*, *притáина*, *таль*, *тáлйна*, *тáлица* («Родилась *тáлица*, всю дорогу развело!» — пермские говоры), *таластопа*, *рбсталь*, *тáлйба*, *зáтепель*, *подтепель*, *оттэплина*, *оттепёлок*, *сузрев*, *розжйжа* («Стена холста — семь аршин, по *розжижи*-то белим его, на снегу еще» — пермские говоры), *пбтная погода* («*Потнъя пагода* бывает пастом, мягкий снег бывает, тait» — подмосковные говоры), *отлыга мокрохвóстица*, *отжйм*.

4-е марта — также заметная дата в народном календаре — день *Герасима-грачевника*. В этот день ожидается прилет грачей: «Герасим-грачевник грача на Русь ведет, а со святой Руси кикимору гонит»; «Если грачи прямо на старые гнезда летят, дружная весна будет: полая вода сбежит вся разом»; «Грач на нос садится (на пашне)».



7-е марта — день *Василия-капительника*, *-капельника*, *-капли*. С этого времени по народному календарю обычно начинаются капли, в тени образуются сосульки. Капель в русских говорах называется *капéлица*, *капёж*, *капёнс*, *водоклёв*, *вбдопéль* («Как *вбдапель* закапъль, этъ уж висна пришла» — подмосковные говоры). Названия сосуллек в говорах следующие: *ледёнь* (вологодские говоры), *леденйца* (подмосковные говоры), *соскй*, *свечка* (архангельские говоры), *плюшйна*, *плбшка*, *плбха* (псковские, тверские говоры), *сбкуй* (забайкальские говоры).

9-е марта — вторая встреча весны, равноденствие, день, когда ожидается прилет жаворонков. В этот день выпекали из теста жаворонков; дети пели такую песню, призывая жаворонков и красное лето:

Жаворонки прилетите, красное лето принесите...
Ты запой, запой жавороночек,
Ты запой свою песню, песню звонкую,
Ты пропой, пропой, птишка малая,
Птишка ль малая, голосистая,
Что про те ли про земли заморские,
Заморские земли, чужедальные,
Где заря с зоренькой сходится,
Где красно солнышко не закатается,
Где тепла вовек не отбавится...

К прилету жаворонков относится примета: «Сколько проталинок, столько и жаворонков». Проталины в русских говорах носят такие названия: *прита́йка*, *обта́ина*, *подта́ек*, *тали́на*, *талбк*, *отта́лина* («На земле *отталины* виднелись, весна шла» — забайкальские говоры), *отта́лок*, *прита́лина*, *прота́лок*, *ута́лина*, *ута́лок*, *прогальзина* («На *прогальзине* раньше травка зеленеет» — забайкальские говоры), *плешь*, *плешы́на*, *плеша́тина*, *плешу́ха*, *плешы́вина*, *выпорки*. Есть также выражение *земля скáлится*, то есть проглядывает из-под снега, появляются проталинки. Дорога, оттаявшая весной, называется в архангельских говорах *та́лик*: «Нонь по *талику*-то в саних далеко не уедешь».



17-е марта в пародном календаре — день *Алексея-солногрея*, *Алексея* — из каждого сугроба пролей кушин. К этому дню рушится зимний путь: «На Алексея выверни оглобли из саней»; «Как-товы на теплого Алексея-солногрея ручьи с гор — такова и пойма».

Есть также примета, относящаяся к этому дню: «На Алексея с гор вода — а рыба со стану (с зимней лежки)».

Тает снег, бегут ручьи, появляются проталины и лужицы. Ручьи в олонецких говорах называются *вбдоходь*, в архангельских — *вачеги*. О растаявшем снеге в Подмоскovie под Клином скажут: *снег долой*. В донских говорах *разгáсло* значит «растаяло (о снеге)»; в вологодских говорах *вести́* — «спльно таять (о снеге, весной)», в камчатских *развести́* — «растаять, сделаться жидким (о снеге)», в сибирских *развелб* — «спльная оттепель, от которой сразу образовались лужи и побежали ручьи; расплавилó снег очень быстро»; в камчатских говорах *развбд* — «рыхлый снег, тающий весной в ясный день после утреннего наста и не поднимающий ни человека, ни собак».



Дружное таяние снега называется в свердловских говорах *гру́дной потайкой*: «Ранняя весна — значит *грудная потайка*».

Во время таяния снегов в теплую погоду над землей поднимаются струящиеся пары. В архангельских, нижегородских говорах это называется словом *мáрить*: «Эка сегодня благодать: так и *марит*».

Снег может исчезать исподволь, истаявать сухо, без воды: *сша́ять, сша́ивать, измерка́ть*. Снег *измерк* — «изныл, изник собою, без разлива».

Глагол *слезть* в говоре деревни Деулино (Рязанская область) значит «растаять, сойти (о снеге)».

Вешняя снеговая вода в русских говорах называется *свежу́н* («*Свежун* сперва под снегом, потом уж *свежун* паружу выбирается. *Свежун* ныне рано пополз, наверно, засуха будет» — забайкальские говоры), *натáй, ста́ек, снежн́ица*. В. И. Даль в своем словаре так объясняет слово *снежница*: «Талая снежная вода в прудах, оврагах, плоских ложбинах. *Снежницею* холсты белят». Вешняя вода в донских говорах носит название *реву́н*.

Считается, что мартовский снег и снеговая вода обладают целительной силой. В старину в марте собирали снег с пригорков и поили снеговой водой больных. Известный фенолог А. Н. Стрижев в своей книге «Календарь русской природы» (М., 1981) отмечает, что снеговая вода целебна для животных и растений, благотворно влияет на яйценоскость.

А вот приметы на урожай, связанные с таянием снега: «Много снега — много хлеба, много воды — много травы»; «Если весной дружно тает снег и дружно бежит вода — яровые хлеба нужно сеять рано»; «Снег сверху тает от солнца — хлеб будет плох» (Тверская губ.); «Тает снег медленно — будет хлеб плох, много метлы (*метла* — сорная трава в хлебе. — Т. Г.); тает снег быстро — урожай хороший» (Тверская губ.).

25-е марта — третья встреча весны. В этот день выпускали птиц на волю, приговаривая: «Сестричка-синичка, тетки-чечетки, краснозобые снегирюшки, щеглята-молодцы, воры-воробы, вы на воле полетайте, вы на вольной поживите, к нам весну скорей ведите...»

Так «март позимье кончает, апрелю пролетному путь-дорожку кажет».



Месяц апрель в русских говорах носит название *водопбл*.

Первый день апреля — день *Марии-зажги снега, заиграй овражки*. В Подмоскovie незадолго до этого дня вас могут спросить: «Лощинки-то не наперли (не вздулись от воды) еще? Знаков нету? А потекут, и притаины будут».

Вот уже сильно тает снег, дороги развезло, грязно, топко, наступила распутица, которая в русских говорах называется: *ра(о)спу́та* («До *роспу́ты* нать дров приготовить, а то *роспу́та* заберет,

дороги сломаются, не проехать» — пинежские говоры), *разнопѣтье, бездорѣжица, рѣсталь, рѣстопь, расторѣница, расторѣница, рострѣпель, рѣзгрязь, разведенция, рѣстопелица*.

На 8-е апреля приходился праздник *Родиона-ледолома, ревучих воды*. К этому дню обычно наблюдается вскрытие рек. В жаркий весенний день (в псковских, тверских говорах он называется *рѣстѣлица*) особенно сильно тает лед. Он *трутѣтся* (псковские, тверские говоры), *тѣплится* (новгородские говоры) — тает; распадается на отдельные кристаллы — *шиландает, ошилел, лед скис* (олонецкие говоры).

Лед на реках, покрытый выступившей водою, отстает от берегов, ломается, начинается ледоход: «Лед, когда вода расслабит, ломается и идет большими скалами» (записано в Подмосковье). Перед началом ледохода появляется трясогозка, которую в говорах зовут *трясогозкой-ледоломкой*. Время, когда весною лед ломается и идет, и сам ледоход в русских говорах носят названия: *ледолѣм, ледопѣл(ь), ледопѣлье, ледостѣй, реколѣм, рекоплав, стор, веснѣвка, распѣние, распѣлица, залом, взлом леда* («Рыбец ловится по взлому леда» — донские говоры), *злом*.

За ледоломом начинается ледоход, несет льдины. Они в русских говорах носят такие названия: просто льдина — *ѣкра, икрѣна, кра, крѣчина, глыба, глыба, глыбина, глыза, кѣржа, кѣрши* (мн.), *вскрѣга, крѣга, скрѣги* (мн.), *кѣмушки* (мн.), *ледѣнѣ, лѣдѣна, чка, шужина, щир*; большая льдина — *гѣря, гѣрѣна, гѣри* (мн.), *курѣан* («Льду курѣаны нанесло, большущи глыбы» — пинежские говоры), *кабѣн, крѣца, плитѣ, рупѣн, стамѣха, стѣница, оумбра, целѣха, целѣшка, шила*.

С таянием, вскрытием льда на водоемах связаны следующие народные приметы: «Когда лед на реке изникнет на месте, будет тяжелый год для людей»; «Если весною на реках не останется льду, его унесет во время разлива — и урожаю и легкому году»; «Вскроется река в поостный день — будет много рыбы»; «Щука растет в самый ледолом»; «Лед весенний тонѣт — на тяжелый бесклевный год»; «За ледоломом — ледоплав, а там и расплы (разлив)».



11-е апреля — день *Антипы-водополья, -половоды*: «Антип воды распустил»; «По Антиповой воде о хлебужке гадать: если воды не вскроются, то лето плохое»; «Антип без воды — закрома без зерна»;

«Антип-водополы — подставляй подола, жита некуда сыпать будет».

К этому дню реки обычно уже разливаются, наступает половодье. Оно в русских говорах носит названия: *водопблица, вбдополь, водопблье, вбдополье, полноводье, полноводица, вбдопёль, большевбдье, водоём, водопад, водотопель, вбдоходь, изводь, развбдье, вбдево, разловбдье, растбполье, рбстопель, рбстопелица, затбп, водотбпа, наволнёние, полбй, рбзливень, спблье, распблица, вёшница, весна, пбйма, поёмка, расплав* («У нас самая рыбалка в расплав. Как только расплав кончается, так и рыбешки не добудешь» — забайкальские говоры), *сильная вода*.

В говоре деревни Деулино (Рязанская область) записан глагол *разлелёяться* в значении «широко разлиться во время половодья». А вот употребление глагола *влелёять* (о полой воде) в одной свадебной песне (при въезде свадебного поезда на двор):

Не полая вода на широкий двор
К моему батюшке *влелеля*;
Влелеля мои недруги...

С половодьем связаны такие приметы: «Если весною будет придержка на воду, то головки овса будут небольшие и овес будет малым весом (Смоленская губ.)»; «Если весною в речках воды не прибавится — год будет жаркий и неурожайный»; «Если вода большая да берега моет, то горох родится (Тобольская губ.)»; «Если весною вода сходит вдруг — будет хороший урожай»; «Если в полую воду вынесет песок на берег реки, то трава будет хорошая (Владимирская губ.)»; «Вода разольется — сена наберется».

Т. В. ГОРЯЧЕВА

Рисунок В. Толстоногова

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

Что означает сочетание *бытовья лексика*?

А. А. Федорова, Москва

Это лексика, включающая в свой состав слова повседневного обихода, называющие предметы и явления быта, то есть общего уклада жизни, окружающей нас обстановки, обычаев, нравов и т. д. *Дом, комната, стол; нож, вилка, ложка; деревья, сад, огород; корова, лошадь; свадьба* и т. д.



Художественная литература и устное народное творчество — не только сокровищницы языковой и духовной культуры, но и неисчерпаемые источники самых разнообразных сведений о жизни народа, его быте. Упоминания о «почетных» княжеских пирах, монастырских и крестьянских трапезах, названиях кушаний мы встречаем уже в древнерусской литературе, житиях, летописях, былинах, сказках и т. п. Органическое включение их в ткань произведения способствовало передаче колорита русского уклада жизни: «Вся овощь огородная поспела..., дети носят, кто с репой, кто с морковкою» (Некрасов. Кому на Руси жить хорошо); «Лотошник обмagnet гречневик в конопляное масло, повалает между ладонями, чтобы масло лучше впиталось, и презентует покупателю» (Салтыков-Щедрин. Пошехонская старина). Описание еды могло быть художественным средством характеристики персонажей, как положительной, так и отрицательной. Так, с удовольствием, «с аппетитом», выражая свое уважение к людям труда, описывает их трапезу М. Горький: «Ужинали в кухне, вместе со всеми рабочими: ...начала подавали окрошку... из яиц, огурцов и луку с квасом, забеленную сметаной, два горячих — лапшу да щи или похлебку и ...борщ, потом ели гречушную или просяную кашу..., а заедали все это иногда простоквашей или сыченными (т. е. подслащенными медом. — Л. Б.) киселями» (Жизнь Матвея Кожемякина).

Совсем в другой манере, в иной тональности даны всем хорошо известные «кулинарные» сцены в рассказах Чехова (с каким юмором, как ярко, выразительно написана, например, знаменитая «Сирена»!). Описание еды может стать литературным приемом осуждения бездуховной жизни, чревоугодия и т. п. Мельников-Печерский, например, подробно перечисляет множество блюд на тай-



ной монастырской трапезе, описывает, обжорство и пьянство ее участников, в том числе игумена, противопоставляя эту вечерю общей трапезе со всей братией, когда тот же игумен «чашу с квасом и кашу соковую (то есть с конопляным маслом.— Л. Б.) все от себя переставлял гостю» (В лесах). Это противопоставление явилось средством разоблачения ханжества и лицемерия изображаемых автором персонажей.

В произведениях литературы встречаются не только описания еды, названия блюд, но иногда даже — состава, способа их приготовления, вызывающие живые зрительные образы. С детства мы помним, например, подробности приготовления всеми любимого «колобка». А вот «рецепт» пирога из сказки «Лисичка-сестричка и волк»: «...баба, вычистивши маковку, растерла мак, смешала с медом и с дедовой муки сделала пирожок с тертым маком...». Вместе с Марьей из «Старины о большом быке» мы как бы участвуем в приготовлении традиционного русского кушанья — начиненных кашей кишков, — называемого в народе *чинёнками*: она «кишочки обрезывала, да их-то начинивала толокном да крупочкой, да лучком, да и перчиком».

А сколько самых разных сведений о старинных обычаях застолья, ритуале, порядке, времени принятия пищи и т. п. — бытовых деталях национальной кулинарной культуры — можно почерпнуть из романов, повестей, былин, сказок! Кто не помнит таких подробностей из «Евгения Онегина»: «Обряд известный угощенья: Несут на блюдечках варенья, На столик ставят вощаной Кувшин с брусничною водой...». Или: «Смеркалось; на столе блистая Шипел вечерний самовар...». А вот традиционно-былинный зачин на эту тему: «Она ставила столы дубовые, а стлала-то скатерти браные,

носила-то кушанья сахарные, питья носила медвяные» (Три поезда Ильи Муромца).

Из художественной литературы мы узнаем, какие кушанья ели в городе и в деревне, в праздники и в будни люди разных сословий и профессий. Например: «Извозчик с холоду любил что пожирнее, и каленые яйца, и калачи, и ситнички подовые на отрубях, а потом обязательно гороховый кисель» (Гиляровский. Москва и москвичи).

А вот угощения на деревенской свадьбе: «...мисы щей, киселя горохового, киселя овсяного, холодничка и каши, большущие чашки, наполненные доверху пирогами с морковью, пирогами с кашею, ватрушками пресными и сдобными и всякими другими, поочередно появлялись перед многочисленными гостями» (Григорович. Деревня).

Традиционное время русского обеда колеблется, судя по литературным произведениям, от полудня до трех часов. Ср.: «Но вот уж полдень.— В светлой зале Весельем круглый стол накрыт; Хлеб-соль на чистом покрывале, Дымятся щи...» (Пушкин. Послание к Юдину); «Это был старинный православный дом..., обедали ровно в два...» (Герцен. Былое и думы); «Обломов обедал с семьей в три часа» (Гончаров. Обломов).

Русская кухня с течением времени изменялась, появлялись новые виды продуктов, заимствовались разные блюда у других народов, резко обозначались различия между кухнями разных сословий и классов, появлялась мода на те или иные блюда... И несмотря на все это старинная русская кулинария оставалась неизменной по составу блюд и способам их приготовления; оставались и верные приверженцы старинной русской кухни. Об этом мы читаем у Пушкина, Аксакова, Тургенева, А. Н. Островского и многих других. Ср.: «Первые минуты обеда посвящены были единственно на внимание к произведениям старинной нашей кухни...» (Пушкин. Арап Петра Великого); «По старине живем: от поздней обедни все к пирогу да ко щам...» (А. Н. Островский. Бесприданница).

*

Какие же из кушаний русской кухни являются исконными, наиболее традиционными?

Сравнивая источники разных времен, мы убеждаемся, что несмотря на разнообразие нашей кухни и значительные изменения, в ней происшедшие, основу ее издревле составляла растительная пища: хлеб, щи, каши, кисели, квасы и пироги (самые различные виды мучных печеных изделий, как с начинкой, так и без нее). Эти сведения мы черпаем из русской словесности, это же под-

тверждают ученые — историки и языковеды. Истоки русской национальной кухни относятся к глубокой древности и начинаются с создания ржаного квасного (кислого) хлеба, зерновых каш, зерновых киселей и разнообразных квасов. Названия этих блюд очень древние, в большинстве случаев общеславянские.

Чем более жизненно важен продукт питания, кушанье, чем древнее они, тем многообразнее, шире отражаются их названия в поговорках, пословицах, крылатых словах и т. п. Вспомним такие, например: *без соли не вкусно, без хлеба не сытно; гречневая каша сама себя хвалит; кипите щи, чтобы гости шли; проще пареной репы; лук от семи недуг; ешь пирог с грибами, держи язык за зубами; на чужой каравай рот не разевай; молочные реки — кисельные берега; наука — не пиво, в рот не вольешь; как блины печет; твоими бы устами мед пить; часом с квасом; хрен редьки не слаще; за семь верст киселя хлебать; ни за какие коврижки и многие-многие другие.*

Эти выражения возникали в разное время, некоторые из них уже ушли из нашей речи, потеряв свою актуальность, другие широко употребляются и сейчас. Значения многих из них уже не связаны непосредственно с едой, имеют переносный, обобщенный смысл. В них отразились особенности жизни народа, его житейская мудрость, юмор. В русских народных говорах встречается очень много выражений, имеющих в своем составе названия еды. Вот некоторые из них: *кисельны выжимки* — о скряге, купце; *залиться кислыми бураками* — от души смеяться; *кислое молоко продавать* — медленно идти; *горелый блин* — о том, кто плохо работает; *блин испек (или оладышку)* — говорят ребенку, начавшему ходить, но упавшему; *кашу варить* — о самом простом деле; *жить на кашу* — жить хорошо, удачно.

В Словаре Даля наряду с поговорками *хлеб — отец (кормилец, батюшка)*, *хлеб всему голова* и т. п. есть и такая: *щи — всему голова*. И это понятно: характерной чертой русской кухни является наличие в обеде жидкой горячей пищи — *хлебова*, как ее называют в народе.

Среди разных видов русского «хлебова» несомненно первое место искони занимали щи. «Первое в русском огороде и наиболее других уважаемое растение, — отмечал Радищев в «Описании моего владения...», — есть капуста, ибо она составляет основание ежедневной пищи русского народа, щей или штей». Из рукописи XVI века — «Устава Кириллова монастыря» — мы узнаем, что основным и почти ежедневным «варевом» монастырской братии были *шти*, которые делал *штейвар*.

С удовольствием хлебает щи герой «Семейной хроники» Аксакова: «Горячие щи, от которых русский человек не откажется в са-

мые палящие жары, дедушка хлебал деревянной ложкой, потому что серебряная обжигала ему губы». Щи воспринимаются как символ русской еды. Недаром Манилов, приглашая Чичикова к столу, говорит: «Вы извините, если у нас нет такого обеда, какой на паркетах и в столицах; у нас просто по русскому обычаю щи, но от чистого сердца». И это при том, что никаких щей на том обильном и необычайно разнообразном обеде не было. А вот на обеде у Собакевича Чичиков щей все-таки отведал.

С давних пор традиционное русское блюдо — каша. *Щи да каша — пища* (варианты — *кормильцы, жизнь, мать*) *наша; без каши обед не в обед; русского мужика без каши не накормишь* — так говорится в старинных поговорках. Появление каш относится к самым истокам русской кулинарии. Так же, как и щи, каша в русской кухне была практически ежедневным блюдом. Первыми были каша зеленая (ржаная), овсяная, полбяная, потом появились остальные — гречневая, пшенная, ячневая и др. Каша изначально служила также одной из основных начинок пирогов: «Родители Чистякова присылали ему со слугой большую кулебяку, преимущественно с кашей» (Фет. Ранние годы моей жизни). Кашу можно сварить по-разному. Она может быть *крутой, рассыпчатой, жидкой, размазней (кашицей), молочной* и т. д.

Являясь общерусским словом, *каша* в разных областях России имеет и свои собственные значения или оттенки, так или иначе связанные с общим литературным значением. В некоторых местах Рязанской области *кашей* называют только пшениную кашу, приготовленную из других круп называют иначе. На западной Брянщине *кашей* именуется только густая гречневая каша, а сочетание *жидкая каша* обозначает похлебку с гречневой или пшенной крупой. Диалектологические записи свидетельствуют, что во многих местах похлебку с крупой называют *кашицей*; в одних — с любой крупой, в других — только с определенной, чаще всего овсяной, иногда с добавлением картофеля.

В некоторых областях России *кашей* называют густые кисели из ржапой, ячменной, овсяной, гречневой, гороховой муки. Это не случайно. Исконные наши каши и кисели — очень близкие кушанья: каши из зерна и кисели из того же зерна, только смолотого, из муки. Кисель мог быть не только *кислым* (с закваской, на опаре), но и *пресным* (гороховый), а каши, обычно пресные, иногда подкислялись кислым молоком. Обозначая в некоторых областях России «кисель», общерусское слово *каша* в этих случаях обычно имеет при себе поясняющее существительное или прилагательное, например: *водяная каша* — кисель из молодой пшеницы; *каша-завируха* — густой кисель из ячменной муки; *каша-повариха* — кисель из пшеничной или ячменной муки и т. п.

Общеславянские слова *каша*, *кисель*, *блин* и другие, обозначающие основные виды национальной еды, часто становились названиями различных народных обрядов, связанных с окончанием полевых работ, свадьбой, крестинами (само кушанье было обычно составной частью этих обрядов).

Кашей на Севере называли праздник окончания жатвы: «Сегодня у дяди Власа каши». На этом празднике гостей угощали *отжинной* (образовано от слова *жать*.— Л. Б.) *кашей*. На улицу выходили женщины, окончившие жатву, пели песни. Люди, встречавшие их, спрашивали: «Чья каша идет?». Этих женщин-жиниц называли *кашницами*.

Кашей назывался и старинный русский обычай — устраивать после свадьбы обед в доме молодых. На этом обеде молодая невестка дарила родне подарки. На свадьбе, а также на этом обеде, как положено по обычаю, ели и щи, и кашу, и кисель. Хозяйку дома, когда ели щи, называли *штинницей*, а когда ели кашу — *кашницей*. Этот обычай, как свидетельствуют современные диалектные записи, существует в некоторых местах и теперь.

Кашничать означало пировать после свадьбы, а также на крестинах.

Мы коснулись только некоторых вопросов отражения в языке, обрядах, произведениях художественной литературы и народном творчестве одной из сторон народного быта — его национальной кухни. Необычайно богатое отражение в языке получили и другие названия исконных русских блюд и продуктов питания и прежде всего слова, обозначающие хлеб и все многочисленные его разновидности.

Л. И. БАЛАХОНОВА

Рисунок В. Толстоногова





Всем хорошо известны пушкинские строки: «Настала осень золотая. Природа трепетна, бледна, Как жертва пышно убрана...» (Евгений Онегин). Каждый из нас прекрасно понимает, что поэт употребил слово *золотой* не в прямом, а в переносном значении: он говорит о такой осенней поро, когда на деревьях еще не опали желтые золотистые листья. Значение, связанное с цветом, как и другие переносные значения, известные современному языку, не всегда было у прилагательного *золотой*. С «цветовым» значением искони выступало в письменности близкое по звучанию и семантике слово — книжнославянизм *златой*.

*

Использование русской полногласной параллели *золотой* применительно к предметам и явлениям окружающей действительности, уже имевшим свое наименование, явилось отражением общей тенденции к укреплению позиций собственно русской лексики, к демократизации литературного языка. Эта тенденция зарождается еще в петровское время и получает дальнейшее развитие с середины XVIII века. Утверждение национальной основы литературного языка проявилось не только в расширении сферы употребления русских лексем, но и в освоении ими отвлеченных и отвлеченно-переносных значений, ранее свойственных словам другого разряда (книжнославянизмам, заимствованиям). Семантическое приспособление русских слов к выражению значений, восходящих

к другому источнику, привело к расширению смысловой структуры русизмов и позволило им вступить в конкуренцию с уже употреблявшимися в письменности синонимичными лексическими единицами. Это, в свою очередь, повлекло за собой некоторое сокращение в литературном употреблении слов другого происхождения.

Характерный для развития литературного языка процесс семантического взаимодействия книжно-славянской и русской лексики можно проследить на судьбе таких лексических «двойников», как *золотой* — *златой*. Их издавна отличала семантическая близость. В «Словаре русского языка XI—XVII вв.» (М., 1979) у этих слов выделяется ряд тождественных значений:

1) «относящийся к золоту, сделанный из золота»: «Отторгоша с него крест и чеши *золоты*» (Московский летописный свод конца XV в.), «Тогда въступи Игорь князь в *злат* стремянь» (Слово о полку Игореве);

2) «содержащий золото, золотиносный»: «Во многих местех *золоты*е, серебряныи, оловянные, свинцовыи руды находятяся» (Книга глаголемая Козмография...), «А по дну морскому песков руд *златых* и сребреных... несказанно много» (Сказание о роскошном житии и веселии);

3) «золототканый или шитый золотом»: «Стол, покрыт ковром *золотым*» (Разрядная записка о пришествии вселенских патриархов в царствующий град Москву), «Тут изослано поволоками *златыми*» (Девгениево деяние).

Но были у этих прилагательных и отличия в значениях. В соответствии с данными «Словаря русского языка XI—XVII вв.», только слово *золотой* выступало в значении «золотописный». Например: «Великий государь... пожаловал живописца Андрея Павлова, велелъ им ему своего государева жалованья от дела новой столовой, что построена государю царевичу и великому князю ...и от *золотого* и от живописного письма дать с Казенного двора пять аршин сукна» (Столбцы из б. Архива Оружейной палаты).

Славянизм *златой* также имел значения, которых не было у русского эквивалента. В «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского и «Словаре русского языка XI—XVII вв.» приводится слово *златой* в значении «желтый, золотистого цвета», например: «Иныи черлен, а иныи зелен, иныи же *злат*» (Псковские летописи, вып. I). Использовалось это слово образно-метафорически и с другим оценочным содержанием — «исполненный высоких достоинств» (см. Словарь-справочник «Слова о полку Игореве», вып. 2). Первые случаи такого применения отмечены в составе словосочетания *златое слово*: «Тогда великий Святъслав изрони *злато слово* слезами смешено» (Слово о полку Игореве). Позднее начинает оформляться значение слова *златой* — «самый лучший, яр-

кий; важный, ценный». В этом смысле *златой* сопровождает пазование небесного светила — солнца, которому уподоблялись русские князья. См. в «Словаре русского языка XI—XVII вв.»: «Яко же звезд всех княз(ь) то солнце есть *златое*, всем луча дарует» (Артаксерсово действо). По-видимому, с конца XVII века славянизм *златой* получает новый семантический сдвиг и начинает применяться как определение счастливой, прекрасной поры, времени жизни. В картотеке «Словаря русского языка XI—XVII вв.» употребление сочетаний *златое время*, *златой век* отмечено в литературе самого начала XVIII века.

Оценочные словоупотребления прилагательного *златой* сохраняются в языке XVIII века, а также и впоследствии. Вот некоторые примеры. В значении «цвета золота»: «Лицо бело и румяно. По плечам *златые* кудри...» (Радищев. Бова); «Когда с холмов *златых* стада бегут к реке И рева гул гремит звучнее над водами...» (Жуковский. Вечер); в значении «прекрасный, очень хороший»: «Являет уж *златых* царей Боготворить народ в кумирах, Гнуснейших образа страстей» (Николев. Лесть); «И мира тишину *златого* Умножьте чрез свои плоды» (Костров. Ода на всерадостный день рождения... Екатерины II). *Златой* используется применительно к различным временным отрезкам в значении «счастливый»: «О, времена, о, дни *златые*» (Николев. Отец отчества); «Всмотрись, дурак, всмотрись в мою ты жизнь *златую* И, кинув воровство, потщись иметь такую» (Николев. Каплун и рыболов); «Для муз, для скипетра, державы *Златые* лета процветут» (Костров. Ода на всерадостный день восшествия на всероссийский престол... Екатерины II); «В *златую* минуту сего промежутка» (Бенедиктов. К бывшим соученикам).

Совпадение ряда значений у слов *златой* и *золотой* способствовало тому, что русизм *золотой*, по аналогии со славянизмом *златой*, а возможно и под воздействием живой разговорной речи, начал употребляться в значении «цветом или блеском подобный золоту». В русском фольклоре этот эпитет первоначально был закреплен за названиями деревьев. В картотеке «Словаря русского языка XI—XVII вв.» встречаем такие примеры: «...выросла *золота* верба» (Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом...); «Под грушицей под такой, Кудрявой *золотой*, Сидел молодец такой, Не женатый, холостой» (Великорусские пародные песни. Собраны А. И. Соболевским, т. I).

В XVIII — первой трети XIX века круг связей прилагательного *золотой* расширяется, оно определяет ряд других существительных, например: *кудри*, *локоны*; *ананас*, *апельсин*; *небо*, *денница* и подобные. Многочисленные примеры, извлеченные из художествен-

пой литературы этой поры, иллюстрируют употребление слова *золотой* для обозначения разнообразных оттенков желтого цвета: «ярко-желтый» — «Пред ним пестрели и цвели Луга и нивы *золотые*» (Пушкин. Евгений Онегин); «светящийся, как золото, яркий» — «Заря сияла на востоке, и *золотые* ряды облаков, казалось, ожидали солнца...» (Пушкин. Барышня-крестьянка).

С конца XVII века, судя по материалам «Словаря русского языка XI—XVII вв.», у слова *золотой* (под влиянием прилагательного *златой*) стало формироваться не свойственное ему ранее переносное употребление «доблестный, благородный», позднее развившееся в значение «замечательный по своим достоинствам, прекрасный». В этом смысле *золотой* первоначально употреблялось лишь эпизодически и выступало, в частности, как определение лица. Об этом свидетельствуют примеры картотеки «Словаря русского языка XI—XVII вв.». Приведем один из них: «те под своим знаменем рыцарей *имянитых* водит; *золотой* рыцарь, потом(ок) шляхты, которые свои собные клейма на печатех имеют. Почему *имянуется золотой* рыцарь? Французским языком каварер, имеет быти честнаго шляхецкого роду. Есть г(осуда)рю своему цесарю или королю будет служит верою и правдою, и против недругов г(осуда)ря своего стоит крепко, храбро и муж(е)ственно не щадя головы своея» (Книга глаголемая Козмография...).

Сфера применения слова *золотой* в этом значении впоследствии расширяется. С начала XVIII века оно выступает в составе некоторых иносказательных выражений отвлеченного характера. Например: «что вы нам свою верность *золотыми* и серебряными словами описывайте» (Верная Беландра). Употребления слова *золотой* в применении к лицу и отвлеченным понятиям отмечены и в литературе конца XVIII — первой трети XIX века: «*золотой* помещик» (Николев. Розана и Любим); «свобода — дело *золотое*» (Карамзин. Отставка); «Час добрый, если мнит иной, Оставя хижину убогу, Опасность презирая строгу, Искать химеры *золотой*» (Доброму приятелю. Анонимное стихотворение XVIII века); «Он бережет *золотое* обвинение на важный случай» (Лажечников. Ледяной дом); «Что стихи? куда зарыл ты свой *золотой* талант?» (Пушкин. Письмо к А. А. Шишкову, август — ноябрь 1823 г.); «То-то, право, *золотой* совет!» (Пушкин. Бова).

В XVIII веке прилагательное *золотой* заимствует у своего дублета *златой* еще одно оценочное значение. *Золотой* начинает употребляться применительно к временным отрезкам — «счастливый, цветущий; блестящий, великолепный»: «Чтоб с музыкой текло тут время *золотое*» (Чулков. Плачевное падение стихотворцев). С начала прошлого столетия это наметившееся ранее метафорическое использование слова *золотой* получает дальнейшее развитие, рас-

ширяет свою употребительность. Напомним некоторые пушкинские строки:

Края Москвы, края родные,
Где на заре цветущих лет
Часы беспечности я тратил *золотые*...

Воспоминания в Царском Селе

Минуты счастья *золотые*
Пуškai мне Клофо не совет...

Послание к Юдину

Для вас, души моей парицы,
Красавицы, для вас одних
Времен минувших небылицы,
В часы досугов *золотых*...,
Рукою верной я писал...

Руслан и Людмила

С приобретением этих оценочных значений прилагательное *золотой* значительно углубило свой семантический объем, что позволило слову прочно укрепиться в литературном языке. На протяжении XIX века оно свободно употребляется в художественной литературе — как в поэзии, так и в прозе: «И как этот же самый лес хорош поздней осенью... Кое-где на липах висят последние *золотые* листья» (Тургенев. Лес и степь);

Под ним весь в мыле конь лихой
Бесценной масти, *золотой*

Лермонтов. Демон

«Такого другого полка в целом свете не найдешь! *Золотой* был полк! Начальники, товарищи — что за люди были!» (Тургенев. Два приятеля); «Правда ваша, у вас глаз на это верный, *золотой* глаз, — убыль есть» (А. Островский. Правда хорошо, а счастье лучше).

Пора *золотая*
Была, да сокрылась;
Сила молодая
С телом износилась

Кольцов. Горькая доля

«Быстро мелькают *золотые* дни беспечного, веселого детства» (Григорович. Рыбаки).

На протяжении XIX века оценочные функции прилагательного *золотой* расширяются. По-видимому, в середине XIX века оно получает новое, в сравнении с книжнославянизмом *златой*, семанти-

ческое наполнение — «дорогой, любимый»: «— Что же он говорил, моя *золотая* Катерина?» (Гоголь. Страшная месть). В этом значении слово *золотой* употребляется и субстантивированно — как ласковое обращение к кому-нибудь: «Приказчик упал в ноги уряднику и заревел: «Смилуйся, отец родной, *золотой* ты мой, серебряный... Что я тебе сделал?» (Лермонтов. Вадим); «Здравствуйте, *золотые*! Что вы невеселы — носы повесили» (А. Островский. Свои люди — сочтемся); «— Тятенька, *золотой*, возьми меня с собой! — каждый раз просила Наташка» (Мамин-Сибиряк. Золото).

Свидетельством более прочного, чем ранее, положения прилагательного *золотой* в литературном языке XIX века может служить и наличие его в составе разнообразных фразеологических оборотов. Например, это слово начинает использоваться в составе фразеологизмов: *золотой век*: а) «мифологическая древнейшая эпоха всеобщего счастья и благополучия», б) «время расцвета наук, искусств и т. п. в истории какого-либо народа»; *золотая голова* «о способном, даровитом человеке»; *золотые руки у кого* «о том, кто умело, искусно все делает, справляется с любой работой»; *упускать, терять золотое время* «терять, упускать дорогое, ценное для какого-либо занятия время» и других:

«*Век золотой!* тебя уж нет в помине» (Вяземский. Три века поэтов); «Мысль о *золотом веке* сродна всем народам и доказывает только, что люди никогда не довольны настоящим и, по опыту имея мало надежды на будущее, украшают невозвратимое минувшее всеми цветами своего воображения» (Пушкин. История села Горюхина); «...красавицы той эпохи, которая была *золотым веком* светской образованности и утонченности» (Вяземский. Князь Андрей Иванович Вяземский); «...а ты голова, *золотая голова!*» (Тургенев. Конеч Чертопханова); «Думают, что и я такая же беспомощная, неумелая, и буду в тягость семье. А у меня *золотые руки*» (Гончаров. На родине); «Он никогда не *теряет золотого времени* на пустые слова» (Кокошкин. Поход под шведа. 1790 г.— Пример из Картотеки Словаря русского языка XVIII в.).

Семантические сдвиги, появляющиеся у прилагательного *золотой*, сопровождались одновременным формированием у него экспрессивного оттенка положительности. Однако с течением времени условия функционирования слова изменялись, оно начало вовлекаться в контексты самого разнообразного характера, что в ряде случаев привело к появлению отрицательной экспрессии. Так, в середине XIX века можно встретить фразеологизированное словосочетание *золотая молодежь* (калька французского выражения *jeunesse dorée*) как презрительное наименование бездельничающей, прожигающей жизнь молодежи из дворянско-буржуазных слоев общества: «Райский, кружась в свете петербургской *золотой моло-*

дежи.., заплатил обильную дань поклонения красоте» (Гончаров. Обрыв).

Порой иронически звучит фразеологическое сочетание *золотая середина* (перевод выражения римского поэта Горация *aurea mediocritas*) «об образе мыслей, поведении, избегающем крайностей, предпочитающем умеренность, спокойствие»: «Меня всего сильнее возмущают подобные любители золотой середины, которые не решаются прямо выступить против несимпатичных им доктрин, видяют, вносят «поправки», обходят основные пункты (как учение о классовой борьбе) и ходят кругом да около частных» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 46, с. 16).

Итак, за исконно русским словом *золотой* закрепляются разнообразные отвлеченно-переносные значения, а также два вида экспрессии — положительная и отрицательная. Оно послужило основой для образования обширного ряда производных: *золотистый* «цветом похожий на золото, блестяще-желтого отлива», *золотить* «освещая, придавать чему-нибудь золотистый цвет, оттенок», *золотиться* «становиться золотистым, казаться золотым», *золото* и *золотце* (в обращении к кому-либо) «о ком, чем-либо, отличающемся большими достоинствами», *золотоволосый* и др.

Углубление семантической структуры прилагательного *золотой* и расширение его словообразовательных возможностей осуществлялось параллельно с процессом постепенного сужения сфер применения его синонима *златой* с производными. В употреблении прилагательных *золотой* и *златой* обнаруживается различие уже в пушкинское время. Употребительность слова *золотой* в первой трети XIX века значительно шире, чем *златой*. Убедительные свидетельства тому дает Словарь языка Пушкина. В нем отмечаются 107 случаев употребления слова *золотой* и 66 — *златой*. Показательно при этом, что прилагательное *златой* встречается только в стихотворных произведениях (за исключением единственного случая — *златая посредственность*). Все это говорит о том, что слово *златой* в этот период уже стало достоянием поэтической речи.

*

Как видим, в период становления национального литературного языка исконно русские слова нередко вступают в борьбу с синонимичными книжными средствами выражения и, обогатившись в этой борьбе их значениями, как правило, ограничивают сферу употребления своих «противников».

Е. П. ХОДАКОВА

Рисунок В. Комаров

Изящный генерал



Словосочетание *изящный генерал* у современного читателя может вызвать по меньшей мере недоумение. При слове *изящный* возникает представление о чем-то хрупком, нежном, тонком, вызывающем восхищение совершенством форм, линий, движений.

Действительно, словари современного русского языка толкуют слово *изящный* как «отличающийся изяществом, т. е. утонченной соразмерностью форм, отвечающей требованиям тонкого художественного вкуса», а *изящное* — как «то, что соответствует представлению об утонченной красоте, что воплощает красоту», «то же, что прекрасное»: «И она развела руками, чтобы показать свос, в кружевах, серенькое, изящное платье» (Л. Толстой. *Война и мир.*); «Санина в тот день особенно поразила изящная красота ее рук., взор его не мог оторваться от ее пальцев, гибких и длинных, и отделенных дружка от дружки» (Тургенев. *Вешние воды.*); «[Греки] постигли, что тайна изящного — в высокой соразмерности формы и содержания внутреннего и внешнего» (Герцен. *Письма об изучении природы.*).

В «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова слова *изящество* и *изящный* даются с пометой *книжное*, что указывает на ограниченность их употребления. Словарь приводит характерные для современного языка словосочетания: «*Изящество костюма. Изящество движений. Изящная фигура. Изящные манеры. Изящные безделушки. Изящный стиль.*».

Близко к современному и толкование слова *изящный* в словарях XIX века. Почти все они приводят термины *изящные искусства* и *изящная литература* (*словесность*). *Изящные искусства* —

«музыка, живопись, ваяние и зодчество, присоединяют к сему и поэзию, мимику, пляску и пр.» (В. И. Даль. Толковый словарь). Небезынтересно отметить, что «Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина» в Москве имел в прошлом название «Музей изящных искусств». В «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова и в «Словаре современного русского литературного языка» термин *изящные искусства* приведен уже с пометой *устарелое*. В XIX веке широко употреблялся и термин *изящная литература* или *словесность*, что значило «художественная литература, беллетристика». С 1883 по 1885 год в России издавался журнал «Изящная литература», в котором публиковались выдающиеся произведения иностранной литературы в переводе лучших русских писателей.

В 1899 году, в связи со 100-летием со дня рождения А. С. Пушкина, был выдвинут проект образования при Академии наук в составе Отделения русского языка и словесности особого Разряда изящной словесности, куда в качестве членов могли избираться писатели, художники, литераторы, публицисты и критики. Среди первых в Разряд изящной словесности были избраны писатели Л. Н. Толстой, А. П. Чехов, В. Г. Короленко.

Собственно, слов с корнем *изящ-* в современном русском языке только три: прилагательное *изящный* (-ая, -ое) и существительные *изящество*, *изящное* (последнее устарелое).

В литературном языке XIX века было в употреблении еще и слово *изящность*: «Наконец и библиофилы будут благодарны за типографическую изящность издания: «Словарь» напечатан в большую осьмушку, на лучшей веленовой бумаге, и есть отличное произведение типографии» (Пушкин А. С. Критические, журнальные и автобиографические статьи и заметки. Словарь языка Пушкина).

Таким образом, как литературному языку XIX века, так и современному русскому литературному языку слово *изящный* известно в значении «изысканно-красивый, отличающийся утонченной соразмерностью форм, отвечающей требованиям тонкого художественного вкуса». Если же обратиться к Словарю Академии Российской (1789—1793 гг.), то в нем мы найдем определение слова *изящный*, довольно близкое к современному: «превосходный, отличный, изрядный, отменно хороший», но не идентичное ему. Об этом свидетельствуют примеры, которыми иллюстрируется в этом словаре значение слова *изящный*: *Изящные дарования. Изящный труд. Изящные книги.*

Знакомство с историей этого слова позволяет установить, что его употребление, способность сочетаться с другими словами, следовательно, и значение прежде были несколько иными,

Слово *изящный* можно встретить в различных по жанру письменных памятниках, начиная с самой ранней поры: в Минее 1097 года, в Ефремовской кормчей XII века, в Хронике Георгия Амартола XI века по спискам XIII—XV веков и др. В «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского находим контексты из древних памятников письменности, в которых слово *изящный* выступает в непривычных для современного читателя словосочетаниях: *изящное мужество*, *изящный воин*, *изящный чин*, *изящный послушник*. Разнообразны и его производные: *изящность* и *изящность* «выдающиеся достоинства, превосходство в чем-л.»; *изящество* (и более позднее *изящество*) «выдающиеся достоинства, превосходство в чем-л.» и «красота»; *изящствовати* (и более позднее *изящствовати*) «иметь превосходство».

Сочетаясь с разнообразными существительными, слово *изящный* реализовало различные оттенки своего довольно абстрактного значения «превосходный», «самый лучший», «отличный»: *изящный ученик* — «самый лучший», «самый хороший»; *изящный друг* — «самый лучший», «самый большой», «самый близкий», «самый дорогой»; *изящный учитель*, *пастырь* — «превосходный», «прекрасный», «искусный, умелый»; *изящный род* — «знатнейший, лучший среди прочих»; *изящные люди* — «лучшие, избранные люди»; *изящное житие* — «благочестивейшая жизнь, являющая собой образец для подражания»; *изящный здатель*, *иконописец*, *живописец* — «превосходный, искусный зодчий, иконописец, живописец»; *изящные купцы*, *бояре* — «лучшие, знатнейшие купцы, бояре»; *изящная речь* — «превосходная, великолепная речь, образец ораторского искусства».

Наряду со значением «превосходный, самый лучший» у слова *изящный* находим еще и значение «особый»: «Прошу... вашего монаршеского милосердия, дабы по вашему милостивому указу обыкновеннымъ и преславнымъ вашимъ монаршескимъ правомъ *изящная* ваша царского величества грамота на то село Михайловку... ему Михайлу была дана» (1681 г.); «Изволите своим царского пресветлого величества *изящным повелением* указати» (Отписка к царям Ивану Алексеевичу и Петру Алексеевичу гетмана Ивана Самойловича, 1684 г.).

Довольно употребительны были и наречия *изящно* и *изящне*, выступавшие в значениях «превосходно, прекрасно, наилучшим образом» и «особо», «особенно»: «*Изящно* храбрѣествова (вел себя исключительно мужественно)» [Минея ноябрьская, 1097 г.]; «И по сему *изящно* его никонианская ересь познавается (и по этому наилучшим образом познается его никонианская ересь)» [Челобитная Никиты Пустосвята, 1665 г.]; «Се убо всемъ есть ключимо, *изящне* же сущимъ отъ житейскихъ вещей разлученомъ, иже... изволиша при-

метатися в дом божии (это всем годится, особенно же тем, кто отдалился от всего житейского и удалился в монастырь)» [Пандекты Антиоха, XI в., список XVI в.].

Возможны были и семантически связанные сочетания прилагательного *изящный* (главным образом, его краткой формы) с существительным в предложном падеже: *изящен в божественных писаниих* — «прекрасно понимает и умеет толковать писание»; *изящен в посольственных уставах* — «прекрасно разбирается в посольском этикете»; *изящен в книжном учении* — «превосходно владеет книжной премудростью»; *в жизни сей изящен был еси* — «прекрасно, т. е. праведно, честно жил»; *изящный в иконописцах* — «лучший, искуснейший, знаменитейший среди иконописцев».

Встретилось в древних материалах слово *изящный* и в качестве имени собственного: Антоний Изящный, игумен Никольского монастыря в Новгороде.

Как показывают контексты из памятников древнерусской письменности, слово *изящный* могло выступать как в обобщенном значении «отличный, превосходный, самый лучший», так и в узком — «умелый, искусный». В этих значениях слово *изящный* наиболее близко к таким древнерусским словам, как *гораздый*, *нарочитый*, *изрядный*, которые выступают в древних текстах как синонимы, способные замещать или усиливать друг друга в контексте. В Симеоновской летописи под 1377 годом находим весьма интересную характеристику: «Сии Митяи саном беаше поп... глас имея доброгласен износящ, грамоте горазд, пети горазд, чести горазд, книгами говорити горазд, всеми дела поповскими изящен».

Значение «превосходный» у слова *изящный* происходит от первоначального «избранный, исключительный». Вот почему, например, совершенно обычны для древнерусского языка словосочетания *изящные молодцы* или *изящный полководец*: «Да урядить в полъку в его царском коемуждо сту бранным детем боярьскм голову устроить из великих отцов детей, *изящных* *молотцов* и искусных ратному делу («Установить: в царском войске каждым ста воинам из уездных дворян знатного происхождения назначить начальника, который, будучи по происхождению особо знатным, был бы также и самым лучшим и искусным в ратном деле)» [Никоновская летопись, под 1551 г.]; «Воевода нарочит и *полководец* *изящен* и удал зело... его же знааху вси и боахуся мужьства его ради («Воевода знаменитый и искусный полководец, и очень смелый, ...его все знали и боялись, так как он был очень храбр)» [Никоновская летопись, под 1389 г.].

Примеры на употребление прилагательного *изящный* в литературном языке XVIII века тоже разнообразны и многочисленны. Слово *изящный* продолжает употребляться в уже известных нам

значениях, одно из которых — «превосходный, прекрасный, самый лучший, отличный», — кажется главным, преобладающим. В качестве примера приведем отрывок из предисловия к Сочинениям и переводам Владимира Лукина: «Подлинное сочинение англичанина... на французский язык преложено господином Волтером; а с онаго уже на российской господином Ельчаниновым; и сия драма, преобразившись в нашу одежду, обогащена еще многими *изящными мыслями*». Это же значение иллюстрируют и такие словосочетания, как *изящный служитель, изящный господин, изящный характер, изящная добродетель, изящные дарования*.

В первых десятилетиях XVIII века еще можно встретить слово *изящный* в значении «особый», однако примеры единичны.

Можно думать, что *изящный* «превосходный» иногда в том или ином конкретном тексте может пониматься как «исключительный»: «Природа одарила животных *изящным вкусом и обонянием*, по которому они могут вредную траву отличить от здоровой» (Дневные записки... Ивана Лепехина, 1780—1805 гг.); «...доброта ея [глины] весьма *изящна*. Она так вязка, что... никакой грубости сжимающим перстам не доказывает» (Там же).

В XVIII веке, когда получает распространение просвещение в его общеевропейских формах и начинает бурно развиваться литература в ее новых жанрах и стилях, когда усиливается интерес к искусству, особенно к его классическим образцам, возникает и потребность в выражении языковыми средствами соответствующих понятий о вкусе, красоте, утонченной соразмерности форм. Наиболее подходящими для этой цели русскими словами оказываются слова *изящество*, которое еще в XVII веке могло употребляться в значении «красота» [«в словесех изящества» (Пролог. 1643 г.)], и *изящный* «превосходный, отличный, самый лучший». Так появляются в литературном языке XVIII — начала XIX века словосочетания *изящество и красота, чувство изящного, изящные искусства, изящные художества, изящный вкус, изящество слога*. Их используют в своих сочинениях такие известные русские писатели, как Херасков, Новиков, Радищев, Карамзин, Державин. Для образца приведем отрывок из «Писем русского путешественника» Н. М. Карамзина: «Стихи свои, еще в рукописи, читает он одной своей приятельнице, которая, не будучи ученою, имеет природное нежное чувство *изящного*».

В литературном языке XVIII века находим и словосочетание *изящные науки*: «Народ сей [греки]... первый оказал преимущественные успехи *в науках*, а паче *в изящных*» (Антонский. Слово). *Изящными науками* в XVIII веке называют то, что в XIX веке именуют *изящной словесностью*.

Что же касается *изящного генерала*, то следует отметить, что благодаря значениям «превосходный, отличный, самый лучший», «исключительный», «умелый, искусный» слово *изящный* входило в излюбленный набор «этикетных» слов, употреблявшихся с древнейшей поры до XVIII века при описании способностей и достоинств героев, отличившихся в ратных делах. Таким образом, *изящный генерал* значит «превосходный, отличный», «отменно хороший». По-видимому, именно это имел в виду Андрей Болотов, когда писал в своих «Записках» (1738—1794): «Храбрый Лаудон, сделавшейся из доброго солдата *изящным генералом*, командовал легкими цесарскими войсками. Под его предводительством одерживали они на всех бывших малых сражениях всегда над прусаками верх».

О. И. СМЕРНОВА

Рисунок С. Гавриловой

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«В программе «Время, когда передают сообщения о землетрясениях, говорят: «Эпицентр находился там-то». Что означает слово *эпицентр*, каково его происхождение?»

А. А. Морковкина, Москва

Эпицентр — «область на поверхности земли, расположенная над или под очагом разрушительных сил (землетрясения, наводнения, взрыва и т. п.)».

Терминологическое образование специальной речи: из греческого *επί* «на» и латинского *centrum* — «окружность, круг».

В общелитературном употреблении слово *эпицентр* в значительной степени утратило связь с буквальным источником, приобрело расширительный и переносный смысл: «место, где с наибольшей силой проявляется что-нибудь; средоточие каких-либо событий, действий; сердцевина чего-нибудь и т. п. Вполне правомерны поэтому такие, например, словосочетания: *эпицентр событий*; *эпицентр восстания*; *эпицентр страды* и т. п. В них уже нет и намека на какие-либо разрушительные силы природы и речь идет скорее о гуще событий, о местах самого напряженного действия, где решается какая-либо судьба.



Образ русского шутового выражения *заморить червяка* кажется на первый взгляд весьма прозрачным. *Червячок, червяк* — метафорическое наименование желудка, *заморить* — подавить, притупить, утихомирить его голодные позывы. Так обычно и воспринимается в обиходе буквальный смысл этого фразеологизма.

Однако близкое знакомство со значением глагола *заморить* заставляет усомниться в истинности такого восприятия. Корень *мор-* указывает на то, что значение «подавить, притупить» для слова *заморить* — вторичное, переносное. Исходным же, как свидетельствуют материалы исторических словарей русского языка, является значение «постепенно довести до смерти голодом, лишениями, плохим обращением: «Лутчих людей на пытках запытал и в темнице голодную смертью заморил» (Словарь русского языка XI—XVII вв.). Если слово *червяк (червячок)* при таком толковании глагола *заморить* попытаться по-прежнему объяснить как метафору со значением «желудок, кишки», то исходный смысл выражения будет выглядеть противоречиво. «Довести до смерти, умертвить, уничтожить собственный желудок» — такое первичное значение не увязывается с представлением об удовлетворении чувства голода, характерным для фразеологизма *заморить червячка*.

Видимо, поэтому единственное известное в русской этимологической литературе объяснение этого оборота и отталкивается от

совершенно иного образа. Авторы недавно публиковавшегося «Краткого этимологического словаря русской фразеологии» Н. М. Шанский, В. И. Зимиц и А. В. Филиппов дают такую справку к фразеологизму *заморить червячка* «слегка закусить»: «Собств. русск. Скорее всего, связан с представлением о гельминтах (паразитах в кишечнике)» (Русский язык в школе, 1979, № 3). Такое толкование кажется на первый взгляд неправдоподобным. Трудно представить, чтобы паразитов в кишечнике умерщвляли, «замаривали» потреблением пищи, ведь она для них — подкормка, необходимая для существования.

Неоправданность толкования, однако, уменьшается при близком рассмотрении употреблений фразеологизма *заморить червячка* в литературном языке прошлого века. Сейчас выражение употребляется исключительно в значении «перекусить, слегка утолить голод». В прошлом же и в начале нашего века оно было известно и в несколько ином значении — «выпить натошак водки или вина»: «Отец Лаврентий..., отвернувшись от собеседника, стал вместе с другими замаривать червячка путем двух рюмок под запал» (Елеонский. Огорчение); «— А как, Пал Егорович, насчет червячка заморить? — спрашивает Николай Сгаматич, указывая глазами на водку» (Чехов Ал. П. Из детских лет А. П. Чехова).

Такое же значение было характерно и для различных перефразировок этого оборота, например для выражения *винный червяк сосет за сердце кого* «кому очень хочется выпить спиртного»: «Сосет его за сердце винный червяк. За стакан водки руку на отсечение бы с радостью отдал» (Мельников-Печерский. В лесах).

Первым зафиксировал в русской лексикографии фразеологизм *заморить червячка* В. И. Даль. В I томе «Толкового словаря» выражение представлено в значении «выпить или закусить на голод», в IV — в значении «перекусить наголодуху». Возможно, в различии толкований нашла отражение динамика семантического развития фразеологизма в русском языке прошлого века от «выпить и закусить натошак» к «перекусить, слегка утолить голод».

Значение «выпить натошак спиртного» делает связь оборота *заморить червячка* с умерщвлением паразитов в кишечнике более правдоподобной.

Признание такой исходной мотивировки фразеологизма, как видим, требует доказательств первичности значения «выпить спиртного натошак». Русские источники, в которых как мы убедились, это выражение зафиксировано лишь с прошлого века, не дают для таких доказательств достаточного материала. В восточнославянских языках *заморить червячка* фиксируется лишь с XX века и лишь в значении «перекусить, слегка утолить голод»: белор. *замарыць чарвяка* (*чарвячка*), укр. *заморити черв'яка* (*черв'ячка*),

Абсолютное тождество структуры и значения, отсутствие вариантов, поздняя фиксация словарями позволяют предположить, что белорусский и украинский фразеологизмы — заимствования из русского языка.

*

Обратимся к другим славянским и неславянским языкам.

В литературном польском языке широко употребителен оборот *zalać (zakropić) robaka* «залить горе водкой или вином» — букв. «залить (спрыснуть) червяка», а в арго известен в том же значении фразеологизм *moszyć robaka* — букв. «мочить червя». В чешском имеются выражения *otrávit (utopit, zapít, umořit, zabít, připálit) červa* «поглощением алкоголя улучшить свое настроение и аппетит или заглушить угрызения совести» — букв. «отравить (утопить, запить, уморить, убить, прижечь) червя» и диалектное *otrávit chrobáka* «выпить с самого утра натошак чего-либо спиртного». В словацком распространены фразеологизмы *otrávit (zapít, utopit) červa (červíka)* «залить горе» — букв. «отравить (залить, утопить) червя (червячка)». Как видим, у западных славян эти обороты связаны исключительно с поглощением алкогольных напитков, что подтверждает предположение о первичности значения «выпить алкоголя натошак» для оборота *заморить червячка*.

*

К каким же истокам восходит выражение о червяке?

Этот относительно поздний оборот связывается с древним выражением *zalać krzeczka*, которое буквально значило «залить крота», а переносно — «упиться, напиться допьяна». В его основе — прозрачная метафора: как норы вредителей-кротов обильно заливаются водой, так и горло пьяниц заливается пивом и водкой. Выражение *zalać robaka* сменило в XVIII—XIX веках архаичный оборот *zalać krzeczka*.

Материал восточно- и западнославянских языков, таким образом, еще не дает достаточных оснований для ответа на вопрос об исходном значении оборота *заморить червячка*. Продолжим поэтому поиски иноязычных фразеологических соответствий.

В южнославянских языках фразеологизмы, близкие по форме и образности к *заморить червячка*, отсутствуют. Это свидетельст-

вует о том, что названные славянские обороты не могут быть очень древними. Время же их фиксации в словарях и других источниках указывает на то, что они появились у восточных и западных славян относительно недавно.

В романских языках аналогичные обороты бытуют с давних пор. Показательно при этом единство значения и синтаксической конструкции их в романоязычной зоне: французск. *tuer le ver* «выпить натошак рюмочку водки или белого вина» — букв. «убить червя», испанск. *matar el gusanillo* (*gusano*) «выпить стопку водки перед завтраком» — букв. «убить червячка (червя или гусеницу)», португальск. *matar o bicho* «выпить рюмочку натошак» — букв. «убить червя» и др. О древности и широкой активности этого оборота в романских языках свидетельствуют и его варианты — например, французское арготическое *tuer le colimaçon* (букв. «убить улитку»). Показательно и обновление состава древнего испанского выражения в латиноамериканских странах: в Чили оно известно и в форме *matar el pirgüin* (букв. «убить червяка, гусеницу»), где *pirgüin* — слово индейское по происхождению. При возможных вариациях лексического состава романские фразеологизмы о червяке имеют исключительно стабильное значение — «выпить натошак спиртного».

Эта семантическая одноплановость обуславливает и единство этимологического объяснения романских выражений. Французские историки языка уверенно связывают оборот *tuer le ver* со старинным народным поверьем, согласно которому от глистов можно избавиться, выпив натошак водки или белого вина (См.: Назарян А. Г. Почему так говорят по-французски. М., 1968). Известный собиратель испанских пословиц и поговорок М. Гарсиа также возводит оборот *matar el gusanillo* к обычаям испанской народной медицины, когда с помощью спиртовых настоев избавлялись от кишечнорастворимых паразитов и бактерий.

Учитывая приведенные факты, можно предположить, что славянские выражения, в том числе и русское *заморить червячка*, — заимствования из романской фразеологии. Скорее всего это калька французского выражения *tuer le ver*. Хотя калькирование обычно является дословным переводом, в данном случае для польского и русского языков передача фразеологического выражения не была, строго говоря, дословной.

В польском языке глагол *tuer* «убить, умертвить» был переведен словами иного тематического плана — *zalać* «залить» и *zakropić* «спрыснуть, окропить водой» потому, что французский фразеологический прототип здесь подвергся объединению с древним польским оборотом *zalać krzeczka* «залить крота». Эта контаминация исконно польского и заимствованного выражений привела к обнов-

лению образности и сделала польский фразеологизм национально специфичным.

О национальном колорите русского выражения *заморить червячка* можно говорить еще с большим основанием. Буквальный перевод с французского здесь, правда, почти дословен. Но выбор глагола *заморить* для передачи французского *tuer* сыграл в конечном итоге решающую роль в семантическом преобразовании русского выражения. Причем следует подчеркнуть, выбор именно этого глагола в данном случае столь же не случаен, как и выбор польского глагола *zalać* «залить»: он был подготовлен длительной традицией русского словоупотребления.

Уже с XI века глагол *заморить* постоянно сочетается в русском языке с существительным *голод* и приобретает значение «изнурить голодом, непосильной работой и под.»: «Гладомь заморить бѣсы» (Срезневский И. И. Материалы для Словаря древнерусского языка); «Тогда пущена бысѣть дивьяя львица гладомь заморена пѣрвѣе да снѣсть и [Василия]» (Словарь русского языка XI—XVII вв.). Сочетание *заморить голодом*, правда, имеет иную семантическую направленность, чем выражение *заморить червячка*: в первом случае речь идет об умерщвлении кого-либо посредством принудительного голодания, в то время как во втором — об утолении острого чувства самого голода. Тем не менее, для семантического сдвига «выпить рюмку спиртного натошак» → «легко перекусить» это различие не оказалось важным. Главным здесь была тесная первоначальная привязка глагола *заморить* к понятию «голод», а не к «желание выпить спиртного», «жажда». Немалую роль сыграло и то, что в русской народной речи (в частности, в архангельских и обских говорах) имеется оборот *заморить выть* «утолить голод, перекусить» (*выть* — «чувство голода, аппетит») и некоторые менее употребительные фразеологизмы, например: пск. *заморить комара*, омск. *кишкѣй затравѣть*, перм. *заманивать гблод* «легко перекусить; перекусывать», которые усиливали притяжение нового фразеологического заимствования к «пищевым», а не «питьевым» ассоциациям.

Наконец, семантическое преобразование фразеологизма *заморить червячка* на русской почве не могло не стимулироваться ассоциативно-метафорической связью «червь» ↔ «кишки», «желудок». Эта связь в русском языке ощущается не только из-за внешнего подобия кишок толстым червям, но и благодаря созвучию разных по происхождению, но схожих по форме слов *червь* и *чрево* (*чрево* — «внутренности живота, живот, потроха, желудок»). А представления о кишках и желудке во фразеологии русского и многих других языков связываются, как правило, не с желанием выпить спиртного, а с чувством голода: рус. *кишки марш играют, в кишках*

марш играет; болг. *червата ми свирят рамазан, стомаха ми свирят рамазан* (у меня кишки, желудок играют рамазан); чешск. *žaludek mi vrčí polku* (желудок у меня урчит польку), латинск. *latrans stomachus* (лающий желудок) и под.

Можно предположить, что все названные причины и обусловили, по-видимому, своеобразное развитие фразеологизма *заморить червячка* в русском языке. Восходящее к словесной фиксации бытовых медицинских поверий романских народов, это выражение было заимствовано русским языком в начале прошлого века из французского со значением «выпить натошак рюмку водки или вина». Сочетания с глаголом *заморить*, связанные с представлением о голоде, и привычные для русских ассоциации довольно быстро привели к тому, что это значение вскоре стало периферийным, а затем и вообще исчезло из употребления. Так фразеологизм *заморить червячка* утратил семантическую связь со своим французским прототипом и стал специфичным, национально окрашенным русским выражением, употребляемым в значении «слегка утолить голод».

В. М. МОКИЕНКО

Рисунок С. Гавриловой

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

Какие значения имеет слово *критический*? Слышала также сочетания: *критический возраст* и *критическое замечание*. Правильно ли употреблено определение в обоих случаях?

И. Н. Кривошеева, Львов

Да, оба словосочетания верны. «Словарь русского языка» С. И. Ожегова дает следующие значения к слову *критический*:

1. Находящийся в состоянии кризиса. *Критическая температура*.
2. Очень трудный, опасный. *Критическое положение*.

У этого слова могут быть и другие значения:

1. Содержащий критику. *Критическая статья*.
2. Способный относиться с критикой к чему-нибудь. *Критический ум*.



Русское литературное слово *завару́ха* имеет два значения: «путаница, сумятица, замешательство» и «каша из муки, заваренной кипятком» (Словарь современного русского литературного языка, далее — ССРЛЯ). Вопрос о происхождении этого слова решается простым сопоставлением с глаголом *заварить*: образование от этого глагола слова *заваруха* в значении «каша» совершенно прозрачно, а первое значение — «путаница, сумятица, замешательство» объясняется как вторичное, переносное; при этом соответствующее переносное употребление есть уже у глагола — ср. выражение *заварить кашу* «затеять сложное, хлопотливое и неприятное дело» (ССРЛЯ). Интересно, что и слово *каша* может метафорически обозначать путаницу, неразбериху (например: *это не план, а каша*). Словари отмечают слово *заваруха* с XIX века, а в древних памятниках письменности оно не обнаружено.

В значении «путаница, сумятица, замешательство» слово *заваруха* имеет синоним *заворо́ха* (ССРЛЯ). Это слово, в отличие от *заваруха*, известно в письменных источниках с XVII века, например: «И у тех де башкирцов учинилась завороха, почаяли на себя войну (то есть: башкирцы ожидали, что на них пойдут войной) и с того места побежали в степь» (см. Словарь русского языка XI—XVII вв., вып. 5).

В русских говорах слово *завороха* может обозначать не только путаницу, но также и метель, вьюгу (см. В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, далее — Даль; Словарь русских народных говоров, далее — СРНГ). Значение «каша» для *завороха* не отмечено нигде. Но есть в русских говорах еще слово *завиру́ха*, которое обозначает (в разных местностях) то путаницу, то метель, то кашу из муки, а на Среднем Урале — непоседу (СРНГ).

Таким образом, *заваруха* окружено в словарном составе русского языка словами, очень близкими ему и по форме, и по значениям; это целая группа: *заваруха, завороха, завируха* (кроме того, широко употребляются еще и производные от этих слов: *заварушка, заворошка, завирушка*). Общим значением всей группы является «путаница, сумятица, замешательство». Близость форм и значений этих слов столь значительна, что они производят впечатление вариантов, родственных образований. Так ли это?

О происхождении слова *заваруха* уже было сказано выше: оно образовано от глагола *заварить*.

Для выяснения происхождения слова *завороха* необходимо обратиться к словарному составу родственных славянских языков. Русскому слову *завороха* «путаница, сумятица, замешательство» и «метель, вьюга» родственны украинское *заворуха* «метель, вьюга», «движение в толпе» и старопольское *zawroch* «волнение, суматоха». При сопоставлении этих слов, с учетом законов развития славянских языков, обнаруживается старый славянский корень *ворх-*. Этот корень (в разных вариантах) представлен в сельскохозяйственной лексике, связанной с молотью: отсюда старославянское и древнерусское *врѣшти* «молотить», русское *ворох* (первоначально — «сноп») и болгарское *врах* «ток» и «снопы, приготовленные для обмола». Известно, какую напряженную работу представляла собою молотья в старом крестьянском хозяйстве. Перемещение снопов и колосьев, мельканье и шум цепов, неизбежная при молотье туча мякины, половы — все это легко ассоциировалось у древних славян с представлением о путанице, сумятице, суматохе. Так и получилось, что корень, связанный с обозначением молотьи, был использован для передачи значений «путаница, сумятица» и «метель, вьюга». Следовательно, слово *завороха* является очень древним славянским образованием, не родственным со словом *заваруха*.

Обратимся к третьему слову — *завируха*. И его происхождение точнее определяется на фоне родственных слов других славянских языков. В украинском языке ему соответствует *завірюха, заверюха* «метель, вьюга», в белорусском — *завіруха* с тем же значением, в польском — *zawirucha* «метель, вьюга», «суматоха, неразбериха», в чешском (по диалектам) *zaverucha* — «непоседа» и «тот, кто все кладет кое-как». Близость форм и значений этих слов несомненна, хотя все вместе они до сих пор не рассматривались. Представляется, что общим источником этих слов является славянский корень *вер-* (с вариантом *вир-*), который имел первоначальное значение «плести», а на его основе приобрел также значения «совать» и «запирать» (собственно «завязывать, заплетать веревкой» или «засовывать палку» или «накидывать петлю»). Различные этапы развития

значения этого корня прослеживаются в глаголах *верать*, *вирать*, *завереть*, *завиравать* по русским говорам: *завереть* «заплести, зачипить (лапоть, кошолку)», «запереть» (Даль. СРНГ), *завиравать* «запирать», «завертывать, свертывать», «зашивать кое-как», «заплетать», «класть не на место» (СРНГ), *верать* «плести», «совать», «прятать»: «копаться» (там же), *виравать* «плести», «сшивать», «бросать как попало» (там же). Значение плетения, разнонаправленного движения, создающего переплетение, путаницу, и послужило основой для появления в этом словарном гнезде слов типа русского *завируха* и родственных ему слов других славянских языков со значением «путаница», «метель», «непоседа», «тот, кто все кладет кое-как». Только *завируха* в значении «каша из муки» должно быть обособлено от этой группы: оно явно связано с *варить* (точнее — с древним глаголом того же корня *вреть* «кипеть», который еще встречается по говорам) и, следовательно, родственно с *заваруха*.

Итак, слова *заваруха*, *завороха* и *завируха*, обозначающие путаницу, сумятицу, суматоху и столь близкие друг к другу по форме, оказываются различными по происхождению образованиями. Различна и древность их: самыми старыми, праславянскими словами являются *завороха* и *завируха*, имеющие точные соответствия в других славянских языках, а самое позднее слово — *заваруха*. Близость значений этих слов могла оказать влияние на их форму, а именно — вызвать некоторые преобразования в направлении дальнейшего уподобления. Например, украинское *заворуха* могло получить форму с конечным *-уха* (при русском *завороха*) под влиянием слов *завірюха*, *заверюха*. Это поучительный случай вторичного сближения слов, происхождение которых различно. История слов *заваруха*, *завороха* и *завируха* показывает, что для суждения о родстве слов недостаточно сходства их форм и значений; необходимой основой для решения вопроса является выяснение древнего окружения слов в русском языке и в родственных славянских языках.

Ж. Ж. ВАРБОТ
Рисунок С. Гавриловой

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

Слышала слово *таратайка*. Что оно означает?

Л. И. Скорородова, Раменское

Таратайка (разговорное) — легкая двухколесная повозка.

МИСЮРКА и ЕРИХОНКА



В известном историческом романе А. К. Толстого «Князь Серебряный», имеющем подзаголовок: «Повесть времен Иоанна Грозного», при описании «боевых нарядов» героев повествования встречаются наименования шлемов: *мисюрка* и *ерихонка*: «Голову его (атамана Перстня) покрывала *мисюрка*, или железная круглая шапка, вроде тафьи, называвшаяся также и напелшником. К шапке приделана была бармица, или стальная кольчатая сеть, защищавшая от сабельных ударов затылок, шею и уши»; «...на князе (Вяземском) была *ерихонка*, то есть низкий, изящно выгнутый шлем, имевший на венце и ушах золотую насечку, а на тулье высокий сноп из дрожащих золотых проволок, густо усыпанных во всю длину их яхонтовыми искрами. Сквозь полку шлема проходила отвесно железная золоченая стрела, предохранявшая лицо от поперечных ударов...»

Подробное описание шлемов, называемых *мисюрка* и *ерихонка*, которое дает писатель, показывает, что его современникам (время написания романа — конец 1840-х гг. — 1861 г.) эти слова были малоизвестны как обозначения реалий древнерусского вооружения (уже в XVIII веке таких шлемов в русской армии не было).

В памятниках деловой письменности (описях имущества, царской казны, списках служилых людей и их вооружения и др.) наименования *мисюрка* и *ерихонка* встречаются с первой половины XVIII века. Оба образованы по одной словообразовательной модели: на базе устойчивого словосочетания существительного и прилагательного (*мисюрская шапка*, *ерихонская шапка*) от основы прилагательного (*мисюрский*, *ерихонский*).

Мисюрка. Первоначально в качестве названия этого головного убора употреблялось словосочетание *шапка мисюрская*: «Иван Иванов сын Хрипков... на гсдрве службе будетъ на конѣ в саадакѣ»

и в саблѣ в пансыре и в шапке в мисюрской» (Десятня разборная, 1622 г.).

Определение *мисюрский* уже с XV века встречается в памятниках при описании тканей, оружия, посуды: «камка *Мисюрская*» — 1486 г. (Собрание государственных грамот и договоров... М., 1813); «чарка *мисюрская*» — XVI в. (Картотека Словаря русского языка XI—XVII вв.); «байдана (вид панцыря) *мисюрская*» — 1689 г. (Савvaitов П. Описание старинных царских утварей.— Зап. Археол. о-ва, 1885).

Прилагательное *мисюрский* образовано от географического названия *Мисурь* — так в XV веке передавали арабское название Египта. Это наименование страны встречается в «Хоженни за три моря» Афанасия Никитина: «привозятъ кони изъ *Мисуря*, изъ Арабъстани»; «сило варъ (жара, зной) в Гурмызе... да в Бакъ, да въ *Мисуре* да въ О[роб]стани». Известно с XV века и имя собственное *Мисурь*. Так, например, в «Ономастиконе» С. Б. Веселовского упоминается Дмитрий Никитич *Мисурь* Левашов (Веселовский С. Б. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974).

Однословное наименование с суф. -к — а употребляется в памятниках XVII века вместе с общим наименованием головных уборов — *шапка* (очевидно, с целью уточнения значения нового слова): «...чтобъ они на нашу службу... были готовы... въ панцыряхъ и в шаломъхъ, и в *шапкахъ мисюркахъ*» (Указы и грамоты о сборе даточных людей, 1638 г.); а также без наименования *шапка*: «...а на стѣнахъ повесити збрую... шеломы, пишаки... *мисюрки*» (Устав ратных дел, 1621 г.).

В описях второй половины XVII века уже чаще употребляется однословное наименование *мисюрка* (без *шапка*): «*Мисюрка* стальная, череп покрыт серебром, травы чеканены вызолочены, кольцо и пробой серебряной; цена семь рубль» — 1687 г. (Древности Российского государства. М., 1853).

Ерихонка. Название шлема *ерихонка* образовано по той же модели, что и *мисюрка*: *ерихонская шапка* — *шапка ерихонка* — *ерихонка*. «Да в оружейной приказ взято *Шапка Ерихонская* булат красной наведена по нареске золотом вне бирюзы п вписы (драгоценные камни) на посу в гнезде яхонт лазорев...» — 1622 г. (Опись Московской Оружейной палаты. М., 1884); «яхонт лазорев да полтора жемчюга, по ярлыку снято с *шапки с ерихонки*, что куплена ис Трубецковой рухляди» — 1646 г. (Арсеньев Ю. В. К истории древностей Оружейной палаты. М., 1902). Употребление наименования *ерихонка* (без *шапка*) в памятниках XVII—XVIII веков нам не встретилось. Но оно используется в исторических романах XIX века: «Впереди всех, на вороном коне, в крымской *ери-*

хонке, ехал начальник отряда» (Загоскин. Юрий Милославский). Очевидно, название *ерихонка* возникло на базе словосочетания *шапка ерихонская*. Однако само определение *ерихонская* требует объяснения.

В «Приходо-расходной книге Казенного Приказа» в записи от 1621 года значится: «самопальному мастеру Миките Давыдову полпята аршина тафты жолтой... а пожаловал государь его за то что он дѣлалъ государеву шапку на ерихонское дѣло и вѣнцы и мишени и на ухахъ наводилъ золотомъ». Выражение *на ерихонское дѣло* означает, что Никита Давыдов, известный московский оружейник, делал этот шлем (собственно, ему принадлежала только художественная отделка шлема цветной эмалью и драгоценными камнями) по определенному образцу каких-то военных наголовий, очевидно, восточного типа.

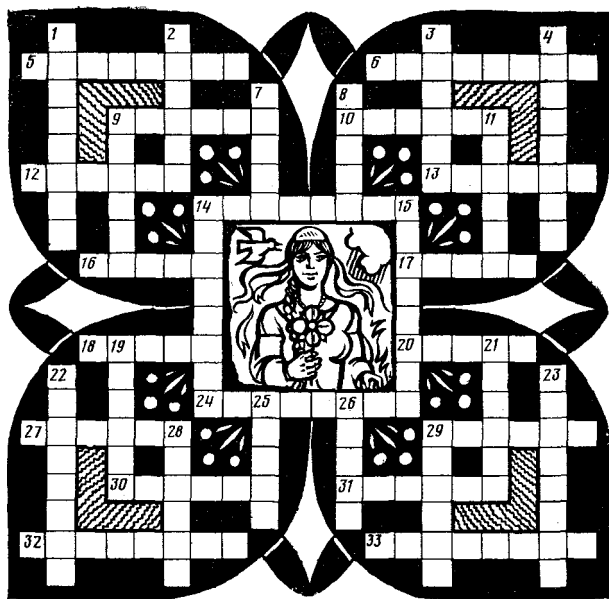
Как отмечается в «Этимологическом словаре русского языка» А. Г. Преображенского (М., 1910, т. I) название *ерихонка* находится «вероятно, в каком-либо отношении к Ерихон (Иерихон); ср. ерихонская шапка». Эту точку зрения, вслед за А. Г. Преображенским, разделяет и М. Фасмер (см.: М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка).

Прилагательное *ерихонский* означало не только «имеющий отношение к городу Иерихону», но и вообще «восточный»: «идохъ азъ въ страны ерихоньскы» (Успенский сборник XII—XIII вв.); «Шип Ерихонский. *Rosa damascena*» (Максимович-Амбодик Н. М. Словарь ботанический... СПб., 1795). Обратим внимание на латинское название розы ерихонской — *Rosa damascena*, то есть *дамасская* (лат. *Damascenus* «дамасский»).

Теперь обратимся к *шапке на ерихонское дело* или *шапке ерихонской*. Делался этот шлем из так называемого «красного железа» или «красного булата», то есть из дамасской булатной стали и украшался арабскими надписями. Можно предположить, что под определением *ерихонский* также имелось в виду «восточный» или «по образцу восточных шлемов». Местом производства ерихонских шлемов, в частности, был Иран. Один из шлемов из «описных животов» (опись имущества, 1690 г.) князей Голицыных, внесенный в опись вещей Московской Оружейной палаты в 1747 году, значился как «шапка ерихонская булатная *Персицкая*» (Опись Московской Оружейной палаты).

В XVIII веке шлемы *мисюрка* и *ерихонка* уже перестали применяться как часть воинского доспеха, поэтому их названия уже в XIX веке выходят из активного употребления и становятся историзмами.

Т. Л. БЕРКОВИЧ
Рисунок Б. Захарова



КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Известный историко-биографический альманах. 6. Русский поэт. 9. В народной поэзии: молодая трава. 10. Сатирический журнал середины XIX века. 12. Романс Н. А. Римского-Корсакова на стихи А. С. Пушкина. 13. Персонаж комедии Мольера «Тартюф». 14. Баллада В. А. Жуковского. 16. Французский писатель, публицист и философ. 17. Роман Т. Драйзера. 18. Побасенка, выдумка. 20. В народной поэзии: крестьянин-пахарь. 24. Стилистическая фигура, состоящая в нарушении грамматической или логической правильности речи. 27. Имя возлюбленной главного героя повести Р. Роллана «Кола Брюньон». 29. Старинная мужская куртка-безрукавка под верхнюю одежду. 30. Современный общественно-политический и литературно-художественный журнал. 31. Слово, являющееся названием определенного понятия какой-нибудь специальной области науки, техники. 32. Сборник повестей Н. В. Гоголя. 33. Старинный севернорусский женский головной убор.

По вертикали: 1. Крупное музыкальное произведение для хора, солистов-вокалистов и оркестра. 2. Роман Ю. Трифонова. 3. Древнескандинавский поэт и певец, слагавший песни о битвах и походах викингов. 4. Повесть А. И. Kupрина. 7. Латышская советская писательница. 8. Персонаж пьесы А. Н. Островского «Снегурочка». 9. Персонаж произведения А. С. Пушкина «Борис Годунов». 11. Разновидность усложненной задачи. 14. В западноевропейской поэзии: приветственная песня в честь возлюбленной. 15. Подлинная рукопись автора. 19. Персонаж романа В. Я. Шишкова «Угрюм-река». 21. Травянистое растение семейства лютиковых, цветущее весной. 22. Скульптор, автор памятника А. С. Пушкину в Москве. 23. Действительное лицо, послужившее автору литературным прообразом. 25. Часть текста. 26. Старинная русская игра. 28. В поэзии: утренняя заря. 29. Серия рисунков с кратким текстом, образующая связанное повествование.

ИЗ СЛОВАРЯ РУССКИХ ФАМИЛИЙ

Продолжение. См.: 1976, №№ 1—6; 1977, №№ 2—6; 1978, №№ 1—6; 1979, №№ 1—6; 1980, №№ 1—5; 1981, №№ 1—3, 6; 1982, № 1.

Черносвитов. Фамилия возникла из словосочетания *черная свитка* (в украинском языке — *світка*), означавшего разновидность широкой верхней мужской одежды. Записана в середине XIX века.

Чернышев. Отчество от прозвища или нецерковного имени Черныш (см. *Чернов*). Фамилия широко распространена.

Чернявский. Первоначально отчество от обозначения отца по местности, из которой прибыл. В Винницкой, Житомирской и Хмельницкой областях Украины нередки названия селений Чернява, Чернявка (из названий речек). Фамилия сейчас существует (иногда в форме *Чернавский*) в Курске, Орле, Смоленске.

Черняев. Отчество от прозвища или нецерковного имени Черняй (см. *Чернов*). Фамилия записана в Курске — 1971 г.; перепись 1897 года свидетельствует о том, что она была часта в Холмогорском, Шенкурском, Череповецком уездах.

Черняховский. Первоначально — обозначение прибывшего из селения Черняхов (есть в Киевской и Житомирской областях УССР).

Чеснов. Отчество от прозвища или нецерковного имени Чесной — «честный»; например, в Новгородских писцовых книгах 1500 года встречается *холоп Честной*.

Четвериков. Фамилия связана со старинной русской мерой веса и площади — *четверик* (не исключена связь с *четверик* — «упряжка из четырех лошадей»).

Четвертак. Отчество от нецерковного имени Четвертак. Хотя в дореволюционной России было частым наименованием серебряной монеты *четвертак* (четверть рубля — 25 копеек), но личное имя, вероятно, связано не с этим словом, а с появлением четвертого ребенка в семье, — *Четвертак*, как и *Третьяк*, *Шестак*. Фамилии с компонентом *-ак* были у русских часты на Севере.

Чечегов. По мнению С. В. Соколова — из удмуртского *чечег* — «трясогузка».

Чеченев, Чеченин. Фамилия Чеченев связана с диалектными словами: *чечень* — «блуждающий ребенок» (пск., см. В. И. Даля); *чечениться* — «ломаться», «чваниться», «же-

маниться»; *чечёна* — «щёголь, щеголиха», от этого слова — Чеченни, записана в Пензе (1973). Фамилия Чеченев зафиксирована в Астрахани (1969), в Ульяновске (1978).

Чеченков. Отчество от прозвища Чеченок (см. *Чеченев*), Фамилия записана в Пскове, 1980 г.

Чечин. Отчество от прозвища Чеча. В вологодских, пермских, сибирских говорах *чеча* — «избалованный, изнеженный ребенок», *Материна чечка* (см. у В. И. Даля). Фамилия записана в Перми, 1979 г.

Чечуев. Отчество от прозвища Чечуй, связанного с основой *чеча*. Фамилия записана в Пскове, 1980 г.

Чечуков. Отчество от прозвища отца — Чечук (прозвище, вероятно, связано с *чеча*, *чечениться*). Фамилия записана в Калуге, 1973 г.

Чечулин. Отчество от прозвища или нецерковного мужского имени Чечуля из нарицательного *чечуля* — «большой кусок хлеба или пирога» (см. у В. И. Даля). В писцовой книге Ярославля (1671 г.) записан *Федька Чечуля*. Перепись 1897 года свидетельствует, что в Шенкурском уезде Архангельской губернии фамилию Чечулин носили 222 крестьянина.

Чешихин. Отчество от нецерковного мужского имени (или прозвища) Чешиха. В «Словаре древнерусских личных собственных имен» Н. М. Тупикова приведены: *наместник Василий Чешиха* — 1447 г. *посадский Федор Чешиха* — 1552 г. Фамилия записана в Липецке в 1973 году.

Чешков. Отчество от нецерковного мужского имени Чешко, неоднократно встречающегося в русской письменности XVI века (Картотека древне-

русского словаря в Институте русского языка АН СССР). Фамилия записана в г. Иванове 1974 году.

Чикомасов. Основа фамилии связана с донским диалектным словом *чекамас* — «окунь» (Словарь русских донских говоров, т. 3, 1976).

В повести А. П. Чехова «Степь» слово в этом же значении употребляется в форме *чикамас*: «Поглядите, какой чикамас! Таких уж штук пять есть!». Однако характер связи фамилии с этим словом неясен. Возможно, она образовалась как отчество от прозвища или нецерковного имени Чикомас. Встречается и в написании Чекомасов.

Чиняев. Отчество от прозвища Чиний из глагола *чиниться* — «важничать, упрямиться». Фамилия записана в Орле (1981 г.).

Чиркунов. Отчество от прозвища Чиркун из диалектного нарицательного *чиркун* — «сверчок» (Мельниченко Г. Г. Краткий ярославский областной словарь. Ярославль, 1971).

Чкалов. Этимология фамилии, которую носил выдающийся советский летчик В. П. Чкалов, до сих пор не выяснена. По нашему мнению, основу *чкал* можно связать с глаголом *чкать* — «дотрагиваться, бить, толкать, метко попадать мячом».

Чмарин. В основе фамилии — диалектное (по В. И. Далю — рязанское) слово *чмара* — «нужда, нищета, гнет», *чмарить* — «чахнуть, хиреть».

Чмутов. Фамилия связана с архаичным русским словом *чмут* — «надуватель, шарлатан». В словаре В. И. Даля приведены и другие слова с тем же корнем: *чмуты* — «смуты, возмущенья», *чмутки* — (перм., сиб.) — «сплетни, ссора за пересказы, напрас-

лина, наговоры», *чмутить* (во-
логодск., сиб.) — «сплетничать,
ябедничать, переносить, сму-
щать, мутить и ссорить лю-
дей». *Баба всем миром чмутит*
(т. е. морочит, надувает).

Фамилия записана в Рыбин-
ске; конечно, она могла при-
надлежать поздним приезжим.
Может быть, местные языко-
веды и краеведы помогут нам
выяснить: если фамилия суще-
ствовала в Рыбинске в XVIII
веке, то и само слово там было,
а это очень важно для истори-
ческой географии, лексики и
фонетики.

Чмыхов. Фамилия застав-
ляет привлечь польский гла-
гол *szmuchać* — «убегать, уди-
рать, улепетывать». В некото-

рых говорах Забайкалья *чмы-
тать* означает «смеяться».

Чубаров. Отчество от проз-
вища Чубарый из нарицатель-
ного *чубарый* — «пестрый, пят-
нистый» (в южных говорах).

Чукавин. Фамилия связана
с диалектным (по В. И.
Далю — новгородским) прила-
гательным *чукавый* — «догад-
ливый, сметливый, хитрый». Фамилия записана в Коломне
в 1975 году.

Чуканов. Отчество от проз-
вища из диалектного (по В. И.
Далю — курское, орловское)
слова *чукан* — «щёголь». Фа-
милия записана в Ярославле
(1961 г.).

В. А. НИКОНОВ

Продолжение следует

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД

По горизонтали: 5. «Про-
метей». 6. Некрасов. 9. Мурава.
10. «Ералаш». 12. «Пророк». 13.
Дорина. 14. «Светлана». 16. Сартр.
17. «Титан». 18. Байка. 20. Ратай.
24. Анаколуп. 27. Селина. 29. Кам-
зол. 30. «Аврора». 31. Термин. 32.
«Миргород». 33. Кокошник.

По вертикали: 1. Оратория.
2. «Старик». 3. Скальд. 4. «Пое-
динок». 7. Саксе. 8. Весна. 9. Ма-
рина. 11. Шарада. 14. Серенада.
15. Автограф. 19. Анфиса. 21. Ане-
мон. 22. Опекушин. 23. Прототип.
25. Абзац. 26. Лапта. 28. Аврора.
29. Комикс.

Редакционная коллегия:

Н. С. ВАЛГИНА, В. П. ВОМПЕРСКИЙ, А. И. ГОРШКОВ, К. В. ГОР-
ШКОВА, В. П. ДАНИЛЕНКО, И. Г. ДОБРОДОМОВ, Л. П. ЖУКОВСКАЯ,
В. В. ИВАНОВ (главный редактор), Л. М. ЛЕОНОВ, И. Ф. ПРОТЧЕНКО
(зам. главного редактора), Н. А. РЕВЕНСКАЯ (ответственный секретарь),
Л. И. СКВОРЦОВ (зам. главного редактора), Ю. С. СОРОКИН, Ф. П. СО-
РОКОЛЕТОВ, Ф. П. ФИЛИН

Зав. редакцией *Т. С. Колмакова*

Художественный редактор *Т. А. Михайлова*

Корректоры *Е. И. Евдокимова, Г. Н. Шамина*

Сдано в набор 11.12.81 Подписано к печати 08.02.82. Т-03234
Формат бумаги 84×108/32. Печать высокая. Усл. печ. л. 8,4
Усл. кр.-отт. 430,9 тыс. Уч.-изд. л. 9,7 Бум. л. 2,5 Тираж 50050 Заказ 1121

Адрес редакции: 121019 Москва, Г-19, Волхонка, 18/2. Телефон: 202-65-25
2-я типография издательства «Наука», Москва, Шубинский пер., 10